АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗІЯ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

ПО РУКОПИСНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ АРХИВА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Графа Д. А. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1885 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Уже въ началѣ прошлаго столѣтія предполагалось учредить въ Петербургѣ правительственную гимназію: въ дѣлахъ Академіи Наукъ сохранилась рукопись подъ заглавіемъ «Einrichtung und Abtheilung der Information in dem gymnasio Petrino, anno 1706». По этому плану гимназія должна была состоять изъ шести классовъ, и главнымъ предметомъ преподаванія назначался латынскій языкъ; изъ иностранныхъ языковъ вводились: нѣмецкій, французскій и итальянскій, а въ третьемъ классѣ и шведскій. Гимназія эта однако открыта не была.

Инспекторъ гимназіи Байеръ.

Учрежденіе академической гимназіи совпадаетъ съ основаніемъ самой Академіи Наукъ. Для устройства гимназіи и управленія ею вызванъ былъ изъ Пруссіи проректоръ Кенигсбергской каѳедральной школы профессоръ древностей Ѳеофилъ Сигфридъ Байеръ, оріенталистъ и нумизматъ, и отличный знатокъ древнихъ языковъ; онъ занимался въ особенности китайскою исторіею и литературою; изъ переведенныхъ на русскій языкъ его сочиненій, довольно извѣстна была въ свое время «Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира» (1783 г.). Президентъ Академіи Блюментростъ заключилъ 3 декабря 1725 года съ Байеромъ форменный контрактъ, по которому онъ предоставлялъ Байеру устроить гимназію по представленному имъ проекту, завѣдывать ею и управлять по собственному его усмотрѣнію, назначать часы и предметы преподаванія, вводить учебныя руководства и методу преподаванія, какія заблагоразсудитъ. При такомъ контрактѣ есте-

ственно не могло быть и рѣчи о какомъ либо уставѣ для гимназіи; назначено было только время ученія, именно передъ обѣдомъ отъ 9-ти до 11-ти и послѣ обѣда отъ 2 до 4-хъ. 3 сентября 1728 года Байеръ назначенъ былъ оффиціально инспекторомъ гимназіи.

Въ 1726 году принято было въ гимназію 112 учениковъ, и между ними нѣкоторые хорошо подготовленные, или же дѣти извѣстныхъ фамилій: Голицынъ, Бутурлинъ, сынъ сенатора, принцъ Тамиръ Ханъ Ассанбековъ, сынъ владѣтельнаго князя надъ горскими черкесами и т. п.

Ученики приняты въ гимназію въ 1726 году.

Въ этотъ первый пріемъ поступили въ гимназію сдѣлавшіеся впослѣдствіи довольно извѣстными: Ададуровъ, Кондоиди и Таубертъ.

Ададуровъ.

Ададуровъ занимался сначала при Академіи Наукъ переводами съ нѣмецкаго языка на русскій, а потомъ перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ въ 1739 году руководство академика Крафта о машинахъ, а въ 1740 году руководство Эйлера къ ариѳметикѣ для академической гимназіи. Спеціальностію же его были науки математическія, почему въ 1733 году онъ опредѣленъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ высшей математики, и оставался въ этой должности до 1741 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Ададуровъ занимался и русскою словесностію, что и послужило основаніемъ къ назначенію его преподавателемъ русскаго языка Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и приблизило его къ государственнымъ дѣятелямъ времени Императрицы Елизаветы Петровны до такой степени, что, въ концѣ ея царствованія, онъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ Оренбургъ вице-губернаторомъ, за прикосновенность къ извѣстному политическому дѣлу канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, въ которомъ замѣшана была Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна. Съ вошествіемъ ея на престолъ, открылась для Ададурова болѣе обширная служебная дѣятельность: въ 1762 году онъ былъ назначенъ кураторомъ Московскаго университета и президентомъ мануфактуръ коллегіи, находившейся въ Москвѣ. Универ-

ситетъ обязанъ ему учрежденіемъ каѳедры анатоміи и устройствомъ анатомическаго театра, также распоряженіемъ объ изданіи сочиненій по юридическому факультету. Ададуровъ продолжалъ заниматься русскою словесностію и впослѣдствіи, и въ 1768 году издалъ «Правила россійской орѳографіи».

Кондоиди (Павелъ) былъ помѣщенъ въ академическую гимназію дядею своимъ Аѳанасіемъ Кондоиди, воспитателемъ князя Антіоха Кантемира, назначеннымъ Петромъ Великимъ ассесоромъ Сѵнода, при самомъ его учрежденіи, а потомъ совѣтникомъ его; впослѣдствіи онъ былъ епископомъ вологодскимъ, а послѣ суздальскимъ. Павелъ Кондоиди, уроженецъ Корфу, учившійся прежде въ Венеціи, по окончаніи своего образованія при Петербургской Академіи Наукъ, отправился въ Лейденскій Университетъ, гдѣ прошелъ курсъ медицинскаго факультета, и получивъ тамъ въ 1733 году степень доктора медицины, возвратился въ Петербургъ. Назначенный полевымъ врачемъ, онъ находился въ 1737 году при арміи фельдмаршала графа Минниха, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ генералъ-штабъ-докторомъ. Впослѣдствіи пожалованъ онъ былъ гофъ-медикомъ, а въ 1753 году назначенъ Директоромъ Медицинской Канцеляріи, и оставаясь въ этой важной административно-медицинской должности до самой смерти своей въ 1760 году, принесъ значительную пользу русскимъ медицинскимъ учрежденіямъ. Кондоиди.

Ададуровъ и Кондоиди были въ гимназіи учениками извѣстнаго академика, исторіографа Мюллера. «Я не понимаю ихъ языка», говоритъ Мюллеръ, «точно также какъ они моего»; но такъ какъ они нѣсколько подготовлены были въ латынскомъ языкѣ: Ададуровъ въ новгородской семинаріи, гдѣ онъ первоначально обучался, а Кондоиди въ своей родинѣ или въ Венеціи, то Мюллеръ объяснялъ имъ трудныя мѣста латынскихъ писателей обыкновенною разговорною латынью и находилъ, что эта трудность послужила имъ въ пользу.

Таубертъ былъ библіотекаремъ публичной библіотеки, занимался переводами, а впослѣдствіи былъ весьма вліятельнымъ ли- Таубертъ.

цомъ въ академической администраціи, въ званіи совѣтника академической канцеляріи.

По свидѣтельству Мюллера, кромѣ оффиціально записанныхъ въ гимназію учениковъ, въ ней обучались тогда нѣкоторымъ предметамъ, въ особенности у преподавателей Крамера и Шванвица, дѣти лучшихъ фамилій, между которыми онъ называетъ Новосильцева и Адама Васильевича Олсуфьева, впослѣдствіи статсъ-секретаря Императрицы Екатерины [1]).

На основаніи заключеннаго контракта, Байеръ раздѣлилъ гимназію на два отдѣла: нѣмецкую школу, или приготовительную, подраздѣленную на три класса, и латынскую, состоявшую изъ двухъ классовъ. Нѣмецкая школа необходима была потому, что преподаватели были нѣмцы, не знавшіе русскаго языка, и ученики не могли бы ихъ понимать, не выучившись по нѣмецки.

Въ 1727 году поступило въ гимназію уже гораздо меньше учениковъ, чѣмъ въ предыдущемъ году, именно 58. Между ними былъ сынъ артиллерійскаго генерала Писарева и сынъ контръ-адмирала Синявинъ.

Съ самаго учрежденія этой гимназіи, въ нее принимали учениковъ какъ для прохожденія всего гимназическаго курса, такъ и для изученія только нѣкоторыхъ предметовъ, въ особенности новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Этимъ только можно объяснить значительную разницу въ лѣтахъ учащихся, что конечно было вовсе не педагогично; такъ напримѣръ принятымъ въ этомъ году Синявину и Делену было 6 лѣтъ, а нѣкоему Тодорскому 24 года, и противъ него было означено: «пріѣхалъ по нѣмецки учиться.»

Въ декабрѣ 1726 года опредѣлена была въ гимназію надзирательница, «для смотрѣнія надъ дѣтьми, которые при помянутой гимназіи обрѣтаются.»

Въ 1728 году вступило въ гимназію еще менѣе, всего 26, а многіе вышли не кончивъ курса. Байеръ писалъ Шумахеру:

---

[1]) Müller. Zür Geschichte der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. (Рукопись.)

«Отъѣздъ императорскаго двора (Петра II) въ Москву нанесъ здѣшней гимназіи ударъ, потому что ея ученики, и особенно изъ знатныхъ, всѣ почти уѣхали туда же съ своими родителями». Въ числѣ принятыхъ въ гимназію были сынъ вице-адмирала Синявина, братъ извѣстнаго адмирала, командовавшаго въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ первую турецкую войну, азовскою флотиліею, и три сына графа Карла Скавронскаго, брата Императрицы Екатерины I, изъ коихъ средній, Мартынъ, въ царствованіе Екатерины, былъ оберъ-гофмейстеромъ. Скавронскіе поручены были надзирателю Генингеру. Обязанности его, при самомъ учрежденіи Академіи, опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: «Юноши благородные, въ академическомъ домѣ живущіе, надзирателя и правителя ученія своего имѣть будутъ — Іоанна Конрада Генингера; ибо надлежитъ гражданству, чтобы тѣ, которые къ знатнѣйшимъ на санъ государства достоинствамъ рождены, не токмо разными науками обучалися, но ко всякой учтивости и къ пріятному обхожденію съ людьми привыкали.» По словамъ Мюллера, надзоръ Генингера ограничился треми Скавронскими, которые не долго остались въ гимназіи.

Въ 1728 году гимназія понесла также чувствительный уронъ въ своихъ преподавателяхъ: изъ нея вышли адъюнкты академіи Мюллеръ, преподававшій латынскій языкъ, исторію и географію, Крафтъ и Вейтбрехтъ, обучавшіе математикѣ; они получили другое назначеніе, и были замѣнены не адъюнктами, а учителями.

Въ 1729 году пріемъ въ гимназію былъ гораздо значительнѣе, именно поступило въ нее 74 мальчика. Но для этого принята была искуственная мѣра наполненія гимназіи дѣтьми такихъ родителей, которые вовсе не нуждались для своихъ сыновей въ гимназическомъ образованіи, именно приняты были сыновья нѣсколькихъ солдатъ, столяра, крестьянина князя Меншикова, семи плотниковъ, кузнеца, трехъ адмиралтейскихъ десятскихъ и одного господскаго человѣка. Такіе ученики, по большей части, не оканчивали курса, и для гимназіи составляли ненужный и за-

труднительный балластъ, а стали отвлекать отъ нея дѣтей высшихъ сословій. Впрочемъ и впослѣдствіи поступали иногда въ гимназію и дѣти изъ образованныхъ семействъ; такъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ же 1730 году, когда всего было только 14 поступившихъ въ гимназію учениковъ, принятъ былъ Иванъ

Меллесино.

Меллесино. Имя его сдѣлалось весьма извѣстнымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины: въ 1763 году онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ сvнода, а съ 1771 года по смерть свою, въ 1795 году, былъ кураторомъ Московскаго университета, при коемъ учредилъ благородный пенсіонъ.

Положеніе о гимназіи Байера 1731 года.

9 сентября 1731 года Байеръ ввелъ въ дѣйствіе составленное и собственноручно написанное имъ положеніе о гимназіи, подъ заглавіемъ: Gegenwärtige Einrichtung des Gymnasiums. Этимъ положеніемъ подтверждалось существовавшее дѣленіе гимназіи на двѣ школы — нѣмецкую и латынскую и назначались каникулы, когда наступаетъ большая жара, на четыре недѣли, изъ коихъ въ первый и послѣдній день вовсе не было ученья, а въ остальные дни только половина уроковъ.

Между тѣмъ гимназія все падала какъ по числу, такъ и по составу учениковъ. Учрежденіе же въ 1731 году шляхетскаго кадетскаго корпуса нанесло ей такой ударъ, отъ котораго она никогда не могла поправиться. Кадетскій корпусъ давалъ оканчивающимъ въ немъ курсъ чины, гимназія же не предоставляла своимъ абитуріентамъ никакихъ правъ на службѣ, почему всѣ стремились въ корпусъ и избѣгали гимназію. «Съ основанія кадетскаго корпуса», говоритъ Мюллеръ, «гимназія должна была довольствоваться учениками одного средняго сословія. Дѣти иностранцевъ, непринимаемыхъ въ кадетскій корпусъ, въ достаточномъ еще числѣ поступаютъ въ гимназію, для приготовленія себя къ гражданской службѣ».

Проектъ устройства гимназіи, представленный Фишеромъ въ 1733 году.

Баронъ Кейзерлингъ, въ кратковременное свое президенство въ Академіи Наукъ, въ 1733 году, обратилъ вниманіе на неустройство гимназіи, и поручилъ адъюнкту Академіи Фишеру, бывшему лекторомъ въ гимназіи, представить соображенія объ

ея улучшеніи. Въ представленной 7 августа 1733 года запискѣ, Фишеръ прежде всего старался опредѣлить значеніе гимназическаго ученія и различіе гимназіи отъ простой школы даже съ латынскимъ языкомъ, тѣмъ именно, что гимназія предназначается для гуманистическаго образованія, почему въ курсъ ея должны быть необходимо введены, кромѣ латынскаго языка и греческій, также чтеніе римскихъ поэтовъ, правила ораторскаго искуства и логики. Вообще записка его отличается здравыми педагогическими понятіями; такъ напримѣръ онъ требовалъ, чтобы древнихъ писателей изучали не разомъ многихъ, но одного послѣ другаго, во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ, но разнородныхъ, именно одного поэта и оратора, или же историка. Онъ оставлялъ также въ составѣ гимназіи и нѣмецкую школу, говоря: «Когда русскіе ученики познакомятся нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ, ихъ можно переводить въ латынскую школу». Для наполненія гимназіи надежными учениками, Фишеръ не видѣлъ другаго средства, какъ учрежденіе при ней по крайней мѣрѣ 30-ти стипендій, что, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоило-бы казнѣ не болѣе 1,600 рублей и доставило бы большую пользу государству, такъ какъ изъ этихъ стипендіатовъ можно было бы приготовлять не только чиновниковъ, но и учителей въ школы, которыя со временемъ неминуемо должны были возникнуть, а это было бы гораздо лучше и дешевле, чѣмъ выписывать съ этою цѣлію иностранцевъ. И съ этимъ новымъ расходомъ, содержаніе гимназіи не превышало бы 4,000 р. Вмѣсто четырехнедѣльныхъ, какъ мы видѣли, полувакацій (половину недѣли гимназисты учились), онъ предлагалъ установить двухнедѣльныя полныя вакаціи. Гимназія находилась на Васильевскомъ островѣ, а за проходъ по мосту чрезъ Неву платились мостовыя деньги, что было обременительно для гимназистовъ, по бо̀льшей части бѣдныхъ; поэтому Фишеръ просилъ освободить такихъ отъ этой платы и пропускать ихъ безплатно чрезъ мостъ по билетамъ, выдаваемымъ гимназіею. Зданіе гимназіи было крайне неудобно: проходные классы, помѣщеніе въ ней цѣлыхъ се-

мействъ служителей, происходившие отъ этого шумъ и крики, плачъ дѣтей, мѣшавшихъ преподаванію. На все это обращалъ Фишеръ вниманіе президента; но баронъ Кейзерлингъ занималъ эту должность не болѣе полугода, въ 1734 году онъ перешелъ на дипломатическую службу, и гимназія осталась въ прежнемъ положеніи.

14 сентября 1734 года, президентомъ Академіи назначенъ былъ баронъ Іоганнъ Альбертъ Корфъ, учившійся въ свои молодые годы въ Іенскомъ университетѣ.

Представленіе Президента Академіи барона Корфа о содержаніи въ гимназіи казеннокоштныхъ учениковъ.

Для наполненія гимназіи учениками, баронъ Корфъ, вѣроятно по внушенію того же Фишера, находилъ также необходимымъ содержаніе нѣкотораго числа изъ нихъ на казенный счетъ. Въ протоколѣ 24 января 1735 года записано: «По указу Ея Императорскаго Величества во Академіи Наукъ, обрѣтающій главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ приказалъ въ Правительствующій Сенатъ внесть доношеніе, и объявить: Понеже въ прошломъ 1724 году, по учиненному блаженныя памяти его Императорскаго Величества Петра Великаго о Академіи Наукъ прожекту подтверждено, что обрѣтающіеся при оной профессоры не токмо собственными своими изобрѣтеніями науки въ бóльшее совершенство приводить, но притомъ и молодыхъ людей въ опыхъ обучать долженствуютъ; что они первое намѣреніе исполнили, явствуютъ печатныя при академіи книги; а оная причина принята, для которой они вторую часть своей должности въ дѣйство привести не могли, происходитъ оттого, что они способныхъ учениковъ не имѣли. И дабы въ семъ высочайшему намѣренію ея императорскаго величества, послѣдовано было, то надлежитъ при академіи сначала тридцать человѣкъ молодыхъ людей добраго права и довольныя надежды выписывать и содержать, и не токмо въ приличныхъ, но и вышнихъ наукахъ, по намѣренію его императорскаго величества Петра Великаго такъ обучать, что бы они со временемъ государству полезныя услуги показывать могли. Содержаніе оныхъ станетъ, по исчисленію, въ три тысячи шесть сотъ семьдесять во-

семь рублевъ... И понеже оттого весьма много зависитъ, чтобы юношество добрымъ порядкомъ обучено было, того ради избранъ къ тому наилегчайшій и въ изрядно учрежденныхъ школахъ наиупотребительнѣйшій способъ, которому Правительствующему Сенату впредь для апробаціи предложить, при томъ же требовать, дабы повѣлено было на содержаніе означенныхъ учениковъ вышеписанную сумму опредѣлить, для того, что нынѣшняя академическая сумма, какъ правительствующему сенату извѣстно, что и на случающіеся нужные расходы не довольна». Сенатъ назначилъ на это по 3,000 р. ежегодно, и приказалъ принять въ Академію 20 учениковъ изъ Московскаго спасскаго училищнаго монастыря; но оттуда прислано было только 12 человѣкъ. Баронъ Корфъ просилъ сенатъ приказать прислать еще учениковъ «изъ другихъ училищныхъ монастырей», то есть изъ семинарій, но это не было сдѣлано.

Ректорство Фишера и Шванвица (1735—1736 года).

Въ началѣ 1735 года Фишеръ назначенъ былъ ректоромъ гимназіи, а Байеръ инспекторомъ. Но Фишеръ оставался недолго одинъ въ этой должности: въ слѣдующихъ 1736—1738 годахъ встрѣчаемъ на ней уже Шванвица, бывшаго преподавателя, о которомъ упоминаетъ Мюллеръ; какъ не странно можетъ показаться, они были ректорами гимназіи въ одно и тоже время. Конректоромъ гимназіи опредѣленъ былъ въ 1736 году Геллертъ, спеціалистъ по химіи и физикѣ, оказавшій впослѣдствіи, по возвращеніи его въ 1744 году въ Германію, значительныя услуги горно-заводскому дѣлу въ Саксоніи.

Изъ рапортовъ Шванвица Академической Канцеляріи видно, что въ 1736 году учениковъ въ гимназіи было только 28, и что многіе изъ нихъ не ходили въ классы, такихъ бывало до 12-ти, а иногда и до 20-ти. Библіотекарь Шумахеръ не рѣдко вытребовалъ гимназистовъ на работы въ типографіи, или употреблялъ ихъ на занятія по академической канцеляріи. Съ сентября до конца года бо̀льшая часть учениковъ перестала вовсе ходить въ гимназію, такъ что въ классахъ бывало отъ 8-ми до 15-ти учениковъ.

При такой незначительной ихъ численности, ректора жаловались на тѣсноту помѣщенія гимназіи, и объясняли этимъ почему они будто бы не могутъ преподавать въ гимназіи, а учатъ гимназистовъ въ своихъ квартирахъ, для отопленія коихъ просили и получили казенные дрова. Вотъ относящійся до этого любопытный протоколъ Академіи 27 сентября 1736 года: По указу Ея Императорскаго Величества, въ Академіи Наукъ, обрѣтающійся главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ приказалъ выдать ректорамъ Мартыну Шванвицу, да Фишеру дровъ долгихъ каждому по пяти саженей, для того, что сего сентября 18 дня профессоръ Бэръ объявилъ, что имъ въ гимназіи, за утѣсненіемъ учениковъ, обучать невозможно, для чего оныхъ обучаютъ они ректоры въ своихъ квартирахъ, а понеже уже время осени, того ради для топленія имъ ректорамъ означенныя дрова и выдать».

Въ 1737 году гимназія состояла всего изъ 19-ти учениковъ, изъ коихъ многіе не ходили въ классы; бывали дни, что въ гимназіи находили только одного ученика, а разъ случилось что ни одного не было.

Гимназія разрушалась; нужно было возобновить ее. Съ этою цѣлію учреждена была въ 1737 году Академіею Наукъ, во время президенства барона Корфа, особая коммисія изъ 4 лицъ— юстицъ-совѣтника, академика по математикѣ Гольдбаха, только что назначеннаго тогда совѣтникомъ академическаго правленія, а прежде бывшаго воспитателемъ Императора Петра II, потому имѣвшаго репутацію основательнаго педагога, и профессоровъ Байера, Эйлера и Крафта, въ распоряженіе которой предоставлены были всѣ документы, касающіеся до гимназіи.

Коммисія, учрежденная въ 1737 году для улучшенія гимназіи.

Байеръ предлагалъ раздѣлить гимназію на два отдѣленія: высшее и низшее, и низшее отдѣленіе подраздѣлить еще на два отдѣла — для русскихъ и для нѣмцевъ; когда одни изучатъ нѣмецкій, а другіе русскій языкъ, то въ высшемъ, или латынскомъ отдѣленіи, они проходили бы курсъ вмѣстѣ. Высшее отдѣленіе онъ полагалъ составить изъ трехъ, а низшее изъ двухъ клас-

совъ и назначить продолжительность ученія въ каждомъ классѣ двухлѣтнюю, то есть ввести 10-ти лѣтній курсъ, за исключеніемъ особо даровитыхъ учениковъ, которыхъ переводить изъ класса въ классъ и ранѣе. Особенно пространна записка, поданная Эйлеромъ. Въ сущности, его взгляды сходятся съ мыслями Байера: онъ предлагалъ также раздѣлить гимназію на два отдѣленія: русское и нѣмецкое и назначалъ такую же продолжительность курса, то есть десятилѣтнюю; въ каждомъ классѣ онъ полагалъ 26 недѣльныхъ часовъ ученья. Эйлеръ составилъ и подробный планъ преподаванія всѣхъ предметовъ. Съ нимъ согласился Крафтъ.

Въ эту коммисію представилъ свое мнѣніе и Фишеръ, какъ ректоръ гимназіи. Въ запискѣ его находимъ, между прочимъ, слѣдующій основательный взглядъ его объ отдѣленіи нѣмецкой школы отъ гимназіи: «Нѣмецкій языкъ», говоритъ онъ, «необходимъ до тѣхъ поръ, пока русское юношество обучается нѣмецкими преподавателями; для этого можно было бы завести отдѣльную нѣмецкую школу, и оттуда переводить въ гимназію наиболѣе даровитыхъ учениковъ, хорошо изучившихъ нѣмецкій языкъ». Но въ особенности оригинально въ его запискѣ различіе взглядовъ на гимназическое образованіе въ Россіи и другихъ государствахъ «Многіе ученые», говоритъ онъ, «трудились надъ составленіемъ плана народнаго образованія; но мысли ихъ легче было изложить на бумагѣ, чѣмъ привести въ исполненіе. Многіе выдаютъ свои воззрѣнія за непремѣнныя правила, но когда посмотримъ на нихъ по-пристальнѣе, то онѣ окажутся далеко не удовлетворительными и даже педантичными. Обстоятельства мѣста и времени и національныя особенности столь различны, что невозможно въ подобныхъ предметахъ начертить общія правила; такъ напримѣръ, то, что высоко цѣнится въ Германіи, далеко не на столько же уважается въ Россіи: въ Германіи процвѣтаютъ языки латынскій, греческій и еврейскій, Аристотелева философія, римское право и спекулятивное богословіе; все это мало цѣнится въ Россіи, за исключеніемъ латынскаго языка.

Здѣсь напираютъ главнымъ образомъ на практичность, въ особенности на науки математическія, полезныя для страны въ военное и мирное время. По этому при учрежденіи гимназіи въ Россіи нужно въ особенности сообразоваться съ этими взглядами». Читая эти строки, невольно припоминаешь полемику нашихъ реалистовъ противъ классическаго образованія въ началѣ семидесятыхъ годовъ, утверждавшихъ также, что русскія дѣти не способны къ тому ученію, которое получаетъ юношество въ другихъ государствахъ, и что будто русскій національный геній какой то особенный, болѣе практичный. Нужно сознаться, что въ теченіе полуторавѣка извѣстная часть общества не далеко ушла впередъ въ учебномъ дѣлѣ, даже попятилась назадъ, ибо прежде, какъ видно, всѣми признавалась въ Россіи по крайней мѣрѣ польза латынскаго языка, а наши реалисты и ее отвергаютъ.

Изъ представленныхъ въ коммисію мнѣній и записокъ составленъ былъ уставъ гимназіи, озаглавленный: «Reglament des Gymnasii bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften in St. Petersburg»; но дальнѣйшаго хода ему дано не было.

Инспекторство Крафта (1738—1743 года).

Въ 1738 году Байеръ умеръ отъ горячки, и на мѣсто его назначенъ былъ академикъ по физикѣ Крафтъ инспекторомъ гимназіи. Онъ былъ извѣстенъ составленными имъ для гимназіи руководствами, по которымъ долгое время преподавались въ ней математическая географія и геометрія, именно: 1) Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geografie, nebst dem gebrauche der Erdkugeln und Landkarten zum Nutzen der russischen studirenden Jugend 1738. Русскій переводъ изданъ въ 1739 году. 2) Einleitung zur Geometrie. 1738 года (Русскій переводъ вышелъ въ 1762 году).

Составленный Крафтомъ въ 1738 году уставъ гимназіи.

Въ 1738 же году Крафтъ составилъ и представилъ Академіи свой уставъ для гимназіи. По этому уставу гимназія раздѣлена была на шесть классовъ, три низшихъ, русскіе, и три высшихъ, латынскіе, гдѣ преподавался и греческій языкъ, и увеличено число начальствующихъ лицъ: кромѣ ректора и ин-

спектора, явились конректоръ и проректоръ. Число же учениковъ оставалось, по прежнему, незначительное: въ началѣ 1738 года 13, изъ коихъ въ классы ходили три-четыре. «Бо́льшая часть учениковъ адмиралтейства», доносилъ Крафтъ, «не посѣщаютъ гимназію, потому что у нихъ нѣтъ платья, и вотъ уже девять мѣсяцевъ какъ адмиралтейство не выдаетъ имъ содержанія». Самое большое число учениковъ въ 1739 году было 33; изъ нихъ половина, иногда и болѣе, не ходила въ классы. Эйлеръ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ 1738 году руководство къ ариѳметикѣ «Anleitung zur Arithmetic», для гимназіи [1]). Но учитель ариѳметики не былъ въ состояніи воспользоваться руководительствомъ знаменитаго ученаго: ариѳметику преподавалъ одинъ студентъ, а геометрію танцмейстеръ, пока въ 1740 году академическая канцелярія не поручила оба эти предмета адъюнкту Ададурову. Французскій языкъ преподавалъ въ гимназіи съ 1739 года академикъ Ле Руа. Вмѣсто того, чтобы улучшить составъ учителей, Крафтъ старался объ уменьшеніи ихъ числа: въ 1742 году сократилъ одну учительскую должность въ нѣмецкомъ отдѣленіи гимназіи, а въ 1743 году хотѣлъ уволить изъ гимназіи еще трехъ преподавателей: Генриха Мюллера, (брата исторіографа † 1783 году), Германа и Фишера, замѣнивъ ихъ студентами. «Мюллеръ и Германъ», писалъ Крафтъ, «обучаютъ по латыни и для того двумъ у одного дѣла быть не надобно, а россійскаго языка ничего не знаютъ, чего ради ту должность, для лучшаго понятія россійскому народу, во обученіи, исправлять могутъ переводчики, или студенты, что и прожекты Государя Императора Петра Великаго повелѣваютъ.... — Фишеръ такожъ во обученіи россійскаго народа довольнаго искуства не имѣетъ, и россійскаго языка мало знаетъ, къ тому же глухъ и мало видитъ и сверхъ того,

[1]) Руководство это переведено было на русскій языкъ Ададуровымъ и напечатано подъ заглавіемъ: «Руководство къ ариѳметикѣ, для употребленія въ гимназіи Спб. Академіи Наукъ, соч. г. Эйлера; перевелъ съ нѣмецкаго Василій Ададуровъ. 2 ч. Спб. 1750—1760 г.».

весьма часто при своемъ дѣлѣ бываетъ пьянъ, въ чемъ ему ученики всегда почти смѣются». Противъ увольненія изъ гимназіи этихъ учителей протестовала въ сильныхъ выраженіяхъ академическая конференція, и учителя эти остались на своихъ мѣстахъ.

Въ первыя 13 лѣтъ съ учрежденія гимназіи, православные ученики ея не получали вовсе наставленія въ догматахъ ихъ вѣры, и только въ 1739 году подумали о томъ, чтобы пригласить для этого законоучителя, назначивъ ему два двухчасовыхъ урока въ недѣлю. Сѵнодъ назначилъ въ эту должность іеромонаха Арсенія Мацѣевича, впослѣдствіи митрополита сибирскаго, а потомъ ростовскаго, столь извѣстнаго по своему протесту, въ царствованіе Императрицы Екатерины, противъ отобранія въ казну церковныхъ имуществъ.

Ректорство Магницкаго въ 1739 г.

Въ 1739 году академикъ Фишеръ, бывшій ректоромъ гимназіи, предпринялъ путешествіе въ Сибирь, а должность его предоставлена была Магницкому, который занималъ ее не болѣе года, и замѣненъ былъ проректоромъ Мерлингомъ.

Ректорство Мерлинга 1739—1741 г.

О Мерлингѣ (Moerling) и дѣятельности его въ гимназіи не сохранилось никакихъ свѣдѣній; извѣстно только, что въ 1736 году онъ назначенъ былъ адъюнктомъ Академіи, и въ то же время проректоромъ гимназіи. Судя по напечатаннымъ въ 1737 году въ академической типографіи его «предика» и «кармена» на шведскомъ языкѣ, можно предположить, что онъ былъ шведскій пасторъ. Крафтъ остался инспекторомъ гимназіи до 1743 года, а въ слѣдующемъ 1744 году избранъ былъ профессоромъ математики въ Тюбингенскомъ университетѣ.

Инспекторство Леруа 1743—1748 г.

Въ гимназіи замѣстилъ его академикъ по новой исторіи Леруа, онъ остался инспекторомъ гимназіи до 1748 года.

Отношенія президента Академіи графа К. Г. Разумовскаго къ академической гимназіи были чисто формальныя. Онѣ изображены характерно въ слѣдующемъ протоколѣ Академіи 30 іюня 1746 года. «По указу Ея Императорскаго Величества, дѣйствительный камергеръ, орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеръ и Академіи Наукъ президентъ, графъ Кирилла

Григорьевичъ Разумовскій, слушавъ присланное отъ инспектора гимназіи и профессора Леруа на имя его сіятельства письмо текущаго мѣсяца отъ 13 числа, опредѣлилъ: оное письмо отослать къ нему Леруа чрезъ канцеляриста Албома назадъ, съ такимъ объявленіемъ, дабы онъ впредь о дѣлахъ ея императорскаго величества подавалъ его сіятельству репорты на россійскомъ языкѣ на цѣломъ листѣ, а не на поллистахъ, формою письма писанные, ибо и къ нему Леруа за подписаніемъ руки его сіятельства посланъ ордеръ, а не партикулярное письмо. А ежели ему инспектору гимназіи, или другому кому изъ профессоровъ о дѣлахъ ея императорскаго величества потребно будетъ его сіятельству репорты подавать, то бы въ заглавіи репортовъ на цѣломъ листѣ такимъ образомъ писать: Ея Императорскаго Величества дѣйствительному камергеру, орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеру и Академіи Наукъ президенту, сіятельному графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому отъ такого именемъ профессора репортъ, а не такъ, какъ отъ него инспектора писано письмомъ. О чемъ чрезъ сіе всѣмъ господамъ профессорамъ, для вѣдома и исполненія сообщается».

Въ 1747 году, для помѣщенія университета и гимназіи нанятъ былъ на шесть лѣтъ на Васильевскомъ островѣ домъ бароновъ Строгановыхъ.

Мальчики низшихъ сословій составляли, по прежнему, главный контингентъ академической гимназіи, такъ: въ 1731 году приняты были восемь сыновей плотниковъ, въ томъ числѣ шестерыхъ адмиралтейскихъ; въ 1735 году поступили въ гимназію сыновья писаря, шкипера, боцмана, крѣпостнаго князя Куракина, а также контръ-адмирала Мишукова и гофъ-интенданта Мошкова; въ 1737 году прислано было въ гимназію изъ полковой канцеляріи преображенскаго полка 19 кантонистовъ, и 13 солдатскихъ сыновей принято по прошеніямъ; въ 1747 году помѣщенъ былъ въ гимназію сынъ камердинера президента графа К. Г. Разумовскаго, а въ 1748 году приняты были сыновья нѣсколькихъ солдатъ, придворныхъ кучеровъ и конюховъ, сто-

рожа, столяра, повара. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1741 году, въ числѣ солдатскихъ дѣтей, поступилъ въ гимназію Котельниковъ, впослѣдствіи извѣстный академикъ.

Ученики, принятые въ гимназію въ 1736—1746 г.

Но и дѣти образованныхъ семействъ не переставали однако поступать въ гимназію, хотя и въ весьма небольшомъ числѣ, такъ въ 1733 году приняты были сынъ контръ-адмирала Спнявина и братъ академика Фишера, въ 1736 году Дитрихъ Христіанъ Остервальдъ, въ 1739 году сынъ почтъ-директора Георгъ Томасъ Ашъ, въ 1740 году сынъ президента адмиралтейства, генералъ-кригсъ-коммисара флота Михаилъ Соймоновъ, въ 1745 году три сына генералъ-казначея въ Малой Россіи Скоропадскаго и сынъ бунчукова товарища Хоненко, въ 1746 году сынъ совѣтника Петръ Бакунинъ; какъ хорошо подготовленный, онъ поступилъ въ старшій классъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были впослѣдствіи весьма полезными дѣятелями въ царствованіе Императрицы Екатерины, потому стоитъ о нихъ вспомнить, и остановиться на нихъ.

Остервальдъ.

Остервальдъ преподавалъ Великому Князю Павлу Петровичу исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки; впослѣдствіи былъ сенаторомъ.

Ашъ.

Георгъ Томасъ Ашъ окончилъ въ 1750 году курсъ медицинскаго факультета въ Геттингенскомъ Университетѣ, въ царствованіе Императрицы Екатерины былъ, во время первой турецкой войны, генералъ-штабъ-докторомъ арміи, отличился въ особенности во время чумы въ Москвѣ; впослѣдствіи онъ былъ старшимъ членомъ медицинской коллегіи. Онъ принималъ участіе въ коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія, именно въ ея подкоммисіи по учебной части.

Соймоновъ.

Михаилъ Федоровичъ Соймоновъ былъ оберъ-прокуроромъ Сената, ему же поручены были дѣла бергъ-коллегіи; въ 1773 году назначенъ былъ сенаторомъ; затѣмъ управлялъ горнымъ училищемъ до 1776 года, и съ 1794 по 1801 годъ снова завѣдывалъ имъ. По восшествіи на престолъ Императора Павла, уничтоженная Екатериною бергъ-коллегія была возстановлена, и

Соймоновъ назначенъ ея президентомъ, съ званіемъ главнаго директора горныхъ и монетныхъ дѣлъ.

Бакунинъ.

Петръ Васильевичъ Бакунинъ былъ, въ царствованіе Императора Петра III, довѣреннымъ секретаремъ канцлера графа Михаила Илларіоновича Воронцова и не рѣдко работалъ съ самимъ Императоромъ. Онъ былъ женатъ на родной племянницѣ канцлера, Аннѣ Сергѣевнѣ Татищевой. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, Бакунинъ, въ должности члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сдѣлался, такъ сказать, правою рукою канцлера графа Панина. Онъ обладалъ прекраснымъ дѣловымъ перомъ; имъ написана знаменитая декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ, надѣлавшая столько шума въ Европѣ, и столь непріятная для Англіи.

Штатъ гимназіи 1747 г.

24 іюня 1747 года утвержденъ былъ новый уставъ Академіи Наукъ, а 25 сентября того же года и штатъ гимназіи, въ которомъ положены были, кромѣ ректора и конректора, слѣдующіе учители: 1) учитель первыхъ основаній латынскаго языка, 2) учитель читать и писать, 3) учитель нѣмецкаго языка, 4) учитель ариѳметики и геометріи и 5) учитель рисовальный. «За науку ни отъ кого и никому ничего не требовать», сказано въ этомъ уставѣ, другими словами, установлено безплатное обученіе, и положено было имѣть въ гимназіи 20 казенныхъ стипендіатовъ, чтобы число студентовъ могло всегда пополняться. Всѣ учителя гимназіи должны были преподавать на русскомъ языкѣ, и латынскому языку обучать обязывались порусски, не употребляя для этого ни французскаго, ни нѣмецкаго языка. Съ самаго же начала требованіе это оказалось не исполнимымъ, за неимѣніемъ русскихъ учителей, знающихъ основательно древніе языки. 12 января 1749 года записано въ протоколѣ академической канцеляріи: «Хотя канцелярія всячески старалась пріискать искусныхъ учителей, которые бы могли помянутымъ образомъ обучать, но такихъ съискать не могла; того ради представить его высокографскому сіятельству, Академіи Наукъ г. президенту: не благоволено ли будетъ приказать, чтобы въ гимназіи по преж-

нему учили, до тѣхъ поръ пока съищутся искусные учителя». Представленіе это осталось безъ разрѣшенія президента; но составъ учителей и языкъ преподаванія, какъ увидимъ ниже, сохранились прежніе.

Проектъ устройства гимназіи Фишера въ 1748 году.

Въ слѣдующемъ 1748 году ректоръ гимназіи Фишеръ представилъ свой проектъ устройства гимназіи, озаглавивъ его: «Расположеніе гимназіи въ 1748 году». По этому проекту предполагалось, оставивъ гимназію по прежнему раздѣленную на два отдѣла, нѣмецкую и латынскую школы, образовать въ каждомъ отдѣлѣ по два класса, опредѣливъ продолжительность курса въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ одинъ годъ, а во всѣхъ остальныхъ по два года, такъ чтобы весь гимназическій курсъ продолжался семь лѣтъ. Такое раздѣленіе гимназіи на четыре класса вынуждалось, по видимому, недостаткомъ помѣщенія, потому что въ нанимаемомъ у барона Строганова домѣ отведено было подъ гимназію только четыре комнаты. Въ проектѣ своемъ Фишеръ распредѣлилъ подробно часы преподаванія по всѣмъ классамъ, отводя на болѣе важные предметы, именно на нѣмецкій языкъ въ нѣмецкой школѣ и на латынскій въ латынской школѣ, наиболѣе уроковъ, и назначивъ эти уроки весьма педагогично въ предъобѣденное время, такъ какъ «большаго размышленія требуютъ» [1]).

Положеніе о гимназіи графа Разумовскаго 1750 года.

10 августа 1750 года послѣдовало «учрежденіе о университетѣ и гимназіи, за подписаніемъ Академіи Наукъ господина президента». По этому «учрежденію», высшее завѣдываніе гимназіею поручено ректору университета, совмѣстно съ ректоромъ гимназическимъ, и они сообща должны были назначать часы преподаванія и учебныя руководства; гимназія состоять должна была, по прежнему, изъ шести классовъ, т. е. трехъ нѣмецкихъ и трехъ латынскихъ; но если будутъ ученики способные и желающіе продолжать дальше свое ученіе, «то учредить еще латынскій классъ, въ которомъ толковать труднѣйшихъ авторовъ,

---

[1]) См. приложеніе 1.

какъ въ прозѣ, такъ и стихами, также и греческому языку обучать». По всей вѣроятности, это дозволеніе учредить въ гимназіи высшій классъ послѣдовало вслѣдствіе сдѣланнаго въ 1749 году Мюллеромъ, тогдашнимъ ректоромъ академическаго университета, представленія о необходимости прибавить въ гимназіи верхній, ректорскій классъ, гдѣ доучивались бы студенты. Въ гимназіи можно было по прежнему учиться только тѣмъ предметамъ, которые выберутъ ученики, или ихъ родители, а прохожденіе полнаго гимназическаго курса, съ обоими древними языками, требовалось только отъ предназначавшихъ себя къ высшему университетскому образованію; это выражено въ § 28 этого «учрежденія» такимъ образомъ: «Ежели кто изъ вольныхъ въ наукахъ преуспѣвать и въ университетѣ на профессорскія лекціи ходить пожелаетъ, тотъ, по предписанному образцу, долженъ учиться латинскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и геометріи, а ежели кто не отъ наукъ содержаніе свое имѣть похочетъ, тому учиться въ гимназіи тѣмъ наукамъ, которыя служатъ къ его намѣренію». Это «учрежденіе» или уставъ утвержденъ былъ президентомъ Академіи графомъ Разумовскимъ.

Ректорство Крашенинникова и Ротгакера (1750—1755 года).

Въ 1750 году ректоромъ гимназіи былъ профессоръ Крашенинниковъ. Онъ сдѣлался извѣстенъ въ ученомъ мірѣ, еще бывши студентомъ, участвовавъ во второй камчатской экспедиціи Беринга, съ 1736 по 1743 годъ. Составленное имъ «Описаніе земли Камчатки» издано было Мюллеромъ въ 1755 году, и переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Онъ сдѣлалъ также «Ботаническое описаніе растеній по Ингерманландіи», переведенное на латынскій языкъ и изданное въ 1761 году Гертеромъ, подъ заглавіемъ: «Flora ingrica». Кромѣ того, онъ перевелъ и напечаталъ въ 1750 году исторію объ Александрѣ Великомъ Квинта Курція. Въ 1750 году Крашенинниковъ назначенъ былъ профессоромъ ботаники. Опредѣленіе Крашенинникова ректоромъ гимназіи не помѣшало академической канцеляріи назначить и втораго ректора, знающаго основательно

древніе языки, и на эту должность былъ выписанъ изъ Тюбингена магистръ Ротгакеръ.

Способъ пополненія гимназіи учениками не измѣнился: въ 1749 году академическая канцелярія просила военную коллегію дозволенія взять въ гимназію 15 малолѣтнихъ учениковъ изъ Петербургской гарнизонной школы, и получивъ ея согласіе, поручила профессору Штелину и тогдашнему ректору гимназіи, Фишеру, «чтобы какъ возможно, они старались, по ихъ усмотрѣнію, удобныхъ и самыхъ хорошихъ и надежныхъ къ понятію наукъ и художествъ выбрать изъ тѣхъ учениковъ пятнадцать человѣкъ».

Гимназія состояла, какъ и прежде, преимущественно изъ солдатскихъ дѣтей, вполнѣ неимущихъ. Изъ учениковъ гимназіи только 20, какъ мы видѣли, были стипендіатами, получая отъ Академіи по рублю въ мѣсяцъ. Вскорѣ стало очевиднымъ, что такое число стипендіатовъ недостаточно для пополненія университета. «Гимназистъ каждый», разсуждала академическая канцелярія, «опредѣляется въ науки лѣтъ еще несовершенныхъ, которыхъ достоинство, понятіе и прилежность вдругъ усмотрѣть никакъ невозможно, ибо иной сначала кажется остръ и для преда къ наукамъ надеженъ, а потомъ сдѣлаетъ себя лѣнивымъ и совсѣмъ не понятнымъ и хотя бы таковыхъ чрезъ наказаніе отъ лѣности отбивать, а къ понятію привлекать надлежало, однако не всякому то поможетъ и въ такомъ случаѣ принуждено лѣнивыхъ и непонятныхъ отрѣшать, а на ихъ мѣсто другихъ, да и такихъ же малолѣтнихъ опредѣлять. Изъ двадцати человѣкъ учениковъ, кои еще несовершенныхъ лѣтъ, весьма довольно было, ежели изъ нихъ добрыхъ, понятныхъ и къ превышнимъ наукамъ надежныхъ половина осталась, чего же однако чаять не возможно». На основаніи этихъ справедливыхъ доводовъ, число академическихъ стипендіатовъ въ гимназіи увеличено было въ 1750 году сначала до 30, а въ концѣ этого года до 40.

Но и эта мѣра признавалась недостаточною, и въ то же время «для ободренія ихъ, чтобы они изъ одного класса въ другой

скоро происходить старались», назначено было, по ходатайству Крашенинникова, стипендіатамъ особое мѣсячное жалованье по классамъ, именно постепенно возвышавшееся: въ старшемъ латынскомъ классѣ, въ которомъ впрочемъ въ 1750 году не было ни одного ученика, по 3 рубля, въ среднемъ латынскомъ классѣ, состоявшемъ всего изъ одного гимназиста, по 2 рубля 50 коп., въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ, гдѣ было 9 учениковъ, по 1 рублю 50 коп., и въ низшемъ нѣмецкомъ классѣ, съ 7 учениками, по 1 рублю.

Кромѣ того, въ 1750 году возобновлено было, и также безуспѣшно, поступившее еще въ 1733 году отъ Фишера, какъ мы видѣли, ходатайство объ освобожденіи бѣдныхъ учениковъ гимназіи отъ платы мостовыхъ денегъ за проходъ чрезъ Невскій мостъ: академическая канцелярія требовала отъ адмиралтействъ-коллегіи прислать въ ея распоряженіе 60 даровыхъ билетовъ для прохода чрезъ мостъ бѣднымъ ученикамъ гимназіи, которые, не будучи въ состояніи уплачивать этотъ сборъ «отъ наукъ отстаютъ», потому и просила отъ него ихъ освободить, «чтобы тѣмъ растущія науки не пресѣчь».

Неуспѣшности ученія въ гимназіи способствовало и то, что ученики принимались не въ опредѣленный срокъ, а въ теченіе всего года, отчего и происходило, что они «непрестанно вновь прибываютъ и всѣ учатъ разное, а именно иные читать, иные грамматику, иные переводить».

Инспекторство Модераха (1750—1761 года).

Главнымъ дѣятелемъ въ гимназіи и распорядителемъ ея обыкновенно бывалъ не ректоръ, имѣвшій общее надъ нею наблюденіе, а инспекторъ, непосредственно ею завѣдывавшій. При Крашенинниковѣ, инспекторомъ гимназіи былъ адъюнктъ Академіи Модерахъ, педагогъ, содержавшій у себя частный пансіонъ для дворянскихъ дѣтей, и хорошо владѣвшій какъ русскимъ, такъ и нѣкоторыми иностранными языками. Когда исторіографъ Мюллеръ замышлялъ учрежденіе приготовительной школы для образованія переводчиковъ, то именно указывалъ на Модераха, какъ на такого по этой части специіалиста, который

былъ бы въ состояніи организовать и вести ее. «Я часто совѣтовалъ», писалъ онъ въ 1766 году Эйлеру, «сдѣлать распорядителемъ такой пріуготовительной школы г. профессора Модераха, котораго познанья въ русскомъ языкѣ чрезвычайно обширны; при чемъ обязать его, чтобы онъ показывалъ переводчикамъ какъ ихъ промахи, такъ и дѣйствительно хорошую сторону переводовъ. Однажды даже послѣдовало такое распоряженіе, но многія обстоятельства повредили пользѣ отъ того. Мой совѣтъ вамъ, хорошенько переговорите съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ безъ сомнѣнія очень способный человѣкъ, и если будетъ принужденъ оставить академію, скоро можетъ найдти себѣ мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Графъ Разумовскій имѣлъ полное довѣріе къ Модераху, и потому поручилъ ему представлять о всѣхъ недостаткахъ гимназіи и о способѣ ихъ исправленія. Модерахъ находилъ, и совершенно основательно, что главное неустройство гимназіи происходитъ отъ того, что не всѣ ученики ея проходятъ обязательно весь гимназическій курсъ, какъ это установлено въ иностранныхъ гимназіяхъ, что почти втрое большее число ихъ поступаютъ въ гимназію только для изученія какого либо языка, или другаго предмета, которые могутъ быть имъ полезны впослѣдствіи въ жизни, отчего происходитъ раздѣленіе учениковъ на двѣ категоріи, изъ коихъ каждая требуетъ особаго распредѣленія преподаванія.

Представленный Модерахомъ проектъ усовершенствованія гимназіи.

Составъ учителей, по справедливому мнѣнію Модераха, могъ быть улучшенъ только требованіемъ предварительнаго ихъ экзамена въ академической конференціи и недопущеніемъ къ преподаванію студентовъ университета.

Главная же причина малоуспѣшности большей части гимназистовъ, взятыхъ изъ простонародья, по замѣчанію Модераха, происходила отъ недостатка воспитанія и надзора за ними ихъ родителей, тратившихъ непроизводительно и деньги, отпускаемыя академіею на степендіатовъ; поэтому онъ находилъ необходимымъ принимать въ гимназію дѣтей необразованныхъ сословій съ бо̀льшею разборчивостію, не отпускать денегъ на руки

родителей, а устроить для стипендіатовъ интернатъ при гимназіи. Главные недостатки гимназіи, по мнѣнію Модераха, заключались въ смѣшеніи дѣтей изъ порядочныхъ семействъ съ сыновьями людей низшихъ сословій, отъ которыхъ они перенимаютъ дурныя привычки, отчего лица высшаго сословія избѣгаютъ помѣщать въ нее своихъ сыновей, а также и въ небрежности преподавателей, или вовсе не приходящихъ на свои уроки, опаздывающихъ, или уходящихъ съ нихъ до окончанія урока, на что жалуются многіе родители: осенью и весною, по колѣно въ грязи, приходятъ ученики въ гимназію, и не находятъ учителей. Въ заключеніе, Модерахъ представилъ о необходимости изданія устава гимназіи, въ которомъ опредѣлены были бы обязанности инспектора, преподавателей и учениковъ, распредѣленіе предметовъ и часы преподаванія, учебныя руководства, и наконецъ взысканія, дабы каждый зналъ въ точности свои обязанности [1]).

Всѣ эти дѣльныя мысли и предложенія остались неосуществленными. Конечно, Модерахъ старался, по возможности, примѣнять ихъ къ дѣлу, пользуясь своимъ положеніемъ въ гимназіи; но, при существовавшемъ ея устройствѣ, нельзя было улучшить ее, безъ коренного преобразованія. Вѣроятно, въ этихъ видахъ, послѣдовало въ 1750 году паліативное распоряженіе академической канцеляріи слѣдующаго содержанія: «обучающимся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особеннымъ столомъ, а которые незнатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ особливо отдѣлить».

До какой степени требовалось опредѣлить въ точности обязанности начальствующихъ въ гимназіи лицъ, оказалось вскорѣ изъ распоряженія президента Академіи относительно ректора гимназіи Ротгакера. Въ 1757 году, когда графъ Разумовскій былъ въ Москвѣ, къ нему присланы были жалобы на Ротгакера отъ нѣкоторыхъ дворянъ, сыновья коихъ учились въ гимназіи,

---

[1]) См. Приложеніе 2.

на строгость къ нимъ ректора, въ особенности при ученіи древнихъ языковъ. По этому поводу, графъ Разумовскій написалъ совѣтнику Шумахеру: «ректоръ Ротгакеръ человѣкъ новопріѣзжій, ни языка, ни нрава нашихъ молодыхъ людей не знающій, и потому весьма неспособенъ къ надзиранію за поступками и обычаями студентовъ и гимназистовъ. Сверхъ того, онъ, кромѣ латынскаго, греческаго и еврейскаго языка, не знаетъ, то и для дворянскихъ дѣтей полезенъ быть не можетъ. А понеже жалобы уже ко мнѣ произошли нѣкоторыхъ знатныхъ людей, которыхъ дѣти въ гимназіи обучаются, яко бы, по моемъ отъѣздѣ, въ гимназіи замѣшательство сдѣлалося и ученіе происходитъ не съ такимъ плодомъ, того ради извольте опредѣлить въ канцеляріи моимъ именемъ: 1) г-ну Ротгакеру, яко ректору, въ наукахъ обучать свой вышній классъ латынскаго языка, въ которомъ давать наставленія гимназистамъ, на коштѣ академическомъ обучающимся и другимъ желающимъ, въ чистотѣ языка латынскаго, въ языкѣ греческомъ, въ первыхъ основаніяхъ реторики и логики и въ сложеніи стиховъ латынскихъ, и свои лекціи такимъ образомъ учредить, чтобы изъ его учениковъ могли достойные происходить студенты, для слушанія высокихъ наукъ. А для помочи ему, конректоръ раздѣлить съ нимъ можетъ лекціи. Сверхъ же сего труда, ему Ротгакеру ни какимъ инымъ трудомъ заняту быть не надлежитъ и ни до чего не касаться; ибо ректоръ гимназіи санктпетербургской не можетъ быть такъ учрежденъ, какъ въ городахъ нѣмецкихъ, при церквахъ, потому что наши гимназисты, по большей части, языковъ только желаютъ обучаться и дворянскихъ наукъ. 2) г-ну адъюнкту Модераху быть у прежняго своего дѣла безъ всякой отмѣны; впрочемъ, онъ состоитъ только подъ вѣдѣніемъ канцелярскимъ, а ректору до него, кромѣ добрыхъ совѣтовъ, никакими распорядками не касаться, развѣ что касаться будетъ до обученія латынскаго языка, понеже Модерахъ самъ такіе мериты имѣетъ, которыми не меньше пользы и чести Академіи принести можетъ, нежели Ротгакеръ, и человѣкъ въ томъ званіи и должности въ

которыхъ находится, отмѣнное искуство имѣетъ». Такимъ образомъ, ректоръ гимназіи низведенъ былъ на степень преподавателя древнихъ языковъ въ старшемъ классѣ гимназіи, а инспекторъ объявленъ независимымъ отъ высшей въ гимназіи власти. Это письмо графа Разумовскаго вполнѣ характеризуетъ взгляды времени на систему образованія: у насъ дискать, въ Россіи, гимназіи не могутъ быть устроены такъ, какъ вездѣ въ иностранныхъ государствахъ; у насъ серьезно учиться должны только бѣдняки, чтобы получать потомъ высшее образованіе, а съ нимъ и кусокъ хлѣба впослѣдствіи, у насъ есть какія-то невѣданныя въ другихъ странахъ *дворянскія науки*, состоящія изъ новыхъ языковъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе легкихъ предметовъ, пригодныхъ для практической жизни. Удивляться ли послѣ этого, что такія педагогическія воззрѣнія, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, преемственно дошли до нашего времени, и такъ рельефно выразились въ борьбѣ реалистовъ противъ классическаго образованія? Какъ не сказать, что наши реалисты стояли на исторической почвѣ: за исключеніемъ сословности, не тоже ли самое говорилось 120 лѣтъ тому назадъ!

Инспекторство Крашенинникова вмѣстѣ съ Модерахомъ (1751 года).

Въ 1751 году Крашенинниковъ назначенъ былъ ректоромъ университета, а изъ ректора гимназіи переименованъ былъ ея инспекторомъ; такимъ образомъ, вмѣсто двухъ ректоровъ, явились два инспектора гимназіи. Въ это же время конректоромъ гимназіи былъ Штенгеръ.

Положеніе Ротгакера, заключеннаго въ одинъ старшій классъ, сдѣлалось критическимъ, потому что въ этомъ классѣ не было ни одного ученика, значитъ некого было и обучать древнимъ языкамъ. Этому пособили тѣмъ, что низвели 12 студентовъ университета въ этотъ гимназическій классъ: «Хотя нынѣ изъ гимназистовъ академическихъ, способныхъ къ обученію вышнихъ авторовъ латынскаго языка и греческаго и нѣтъ», читаемъ въ протоколѣ 31 мая; «но однако, какъ видно изъ поданнаго репорта отъ профессора г-на Крашенинникова, что изъ студентовъ ко обученію греческаго языка есть охотниковъ до двѣнадцати

человѣкъ, то оныхъ ему Ротгакеру нынѣ и обучать, а какъ и изъ гимназистовъ къ тому способные ученики будутъ, то и оныхъ обучать тоже».

Курсъ гимназіи измѣнялся также произвольно и случайно, какъ и составъ гимназическихъ властей. Въ 1748 году опредѣленъ былъ въ гимназію учителемъ французскаго языка итальянецъ Годенди, и ему было предписано: «ежели сыщутся ученики, то обучать ему нѣсколько часовъ въ недѣлю и по итальянски». Съ тѣхъ поръ итальянскій языкъ, случайно вошедшій въ курсъ гимназіи, сохранился въ немъ до конца прошлаго столѣтія. Въ 1751 году понадобилось, неизвѣстно почему, ввести въ гимназическій курсъ фортификацію. «Весьма есть нужно», говорится въ протоколѣ 12 января, «для пользы учащихся въ гимназіи академической, чтобъ имъ обучаться фортификаціи, а такого человѣка при академіи не находится, а шляхетнаго кадетскаго корпуса адъюнктъ математики Генрихъ Мейртъ поданною на Высочайшее имя въ канцелярію Академіи Наукъ челобитною объявляетъ, что онъ довольно упражнялся въ геометріи и фортификаціи, въ чемъ свидѣтельствованъ въ канцеляріи кадетскаго корпуса, въ присутствіи господъ офицеровъ, знающихъ инженерную науку»; онъ и былъ опредѣленъ учителемъ фортификаціи. Но фортификація не долго оставалась въ гимназическомъ курсѣ; она была исключена изъ него въ 1755 году, «понеже усмотрѣно, что оной науки обучать дальной нужды нѣтъ, да и по академическому регламенту фортификаціи обучать не положено».

Едва-ли успѣшно могло происходить обученіе гимназистовъ Закону Божію, потому что постояннаго законоучителя въ гимназіи не было, а, по распоряженію петербургской духовной консисторіи, два ключаря петропавловскаго собора преподавали погодно, то есть каждый годъ перемѣнялись.

Составъ учителей гимназіи былъ, по прежнему, не удовлетворительный. Въ 1750 году Крашенинниковъ представлялъ: «Въ нѣмецкомъ и французскомъ классахъ ученіе отправляется

не съ такою пользою, какой бы ожидать надлежало, ибо учитель Гервартъ, который нынѣ обучаетъ нижній французскій и вышній нѣмецкій классы, во французскомъ языкѣ не токмо не силенъ, но и весьма худое имѣетъ произношеніе; да и въ нѣмецкомъ почти такое же; и по крайней мѣрѣ сіе правда, что онъ обучаетъ учениковъ нѣмецкому языку такъ безпорядочно, что нѣтъ ни малой надежды, чтобы отъ его ученія можно было понять свойство онаго языка; не старается же онъ и о томъ, чтобы ученики правильному произношенію словъ привыкали, а для того они такъ понѣмецки читаютъ, что не токмо произношеніе ихъ, знающимъ оный языкъ противно, но и чтеніе неуразумительно, и сію причину подало, что нѣкоторые изъ вольныхъ учениковъ, отъ безплодной при такомъ наставленіи траты времени, принуждены были отстать отъ гимназіи, и на сторонѣ обучаться за плату, къ предосужденію гимназіи. И не соблаговолено ли де будетъ учинить нѣкоторую перемѣну при гимназіи, въ большую пользу учащихся, прибавя учителей нѣмецкаго и французскаго языковъ». Вслѣдствіе этого представленія, Гервартъ отрѣшенъ былъ отъ преподаванія въ гимназіи французскаго языка, и на его мѣсто опредѣленъ былъ учитель кадетскаго корпуса Сужи; нѣмецкій же языкъ остался временно за нимъ, съ помощію информатора Эстерлена и самаго Модераха, которому поручено было пріискать на этотъ предметъ другаго преподавателя. Модерахъ рекомендовалъ на эту должность уроженца Гданска Кожина, который и былъ опредѣленъ. Удаленіе изъ гимназіи Герварта ускорено было его ссорою съ Модерахомъ: «Герварта за его неспособность и безпокойное житіе», писалъ графъ Разумовскій Шумахеру, «а особливо, что онъ письменно ругаетъ и поноситъ Модераха, какъ я самъ изъ собственноручнаго Гервартова письма усмотрѣлъ, отрѣшить отъ Академіи». Другимъ учителемъ нѣмецкаго языка назначенъ былъ бывшій студентъ академическаго университета, англичанинъ Букеръ, чисто говорившій порусски и легко переводившій съ одного языка на другой. Въ 1753 году

опредѣленъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ нижній нѣмецкій классъ студентъ изъ русскихъ, «которую де должность онъ отправить въ состояніи, ибо онъ по нѣмецки лучше всѣхъ студентовъ знаетъ». Въ томъ же году опредѣленъ былъ въ конректорскій классъ (средній латынскій) также студентъ Герасимовъ, потому что преподававшій въ этомъ классѣ конректоръ Штенгеръ не зналъ русскаго языка, и ученики его переводили съ латынскаго на нѣмецкій; обязанность Герасимова состояла въ томъ, чтобы, помогая Штенгеру, онъ заставлялъ учениковъ переводить на русскій языкъ, что составляло двойной переводъ, сначала на нѣмецкій, а потомъ на русскій языкъ. «Въ пользу гимназіи необходимо потребно», писалъ Крашенинниковъ, «чтобы изъ студентовъ одинъ обучалъ учениковъ Штенгерова класса переводамъ на россійскій языкъ, и то бы самое переводить приказывалъ, что они у Штенгера съ латынскаго на нѣмецкій языкъ переводятъ; ибо усмотрѣно имъ, что ученики, разумѣя совершенно содержаніе автора латынскаго, гдѣ имъ толковано, по нѣмецки переводятъ, а по русски перевесть не могутъ. А ежели такой человѣкъ къ нимъ опредѣлится, то они и способнѣе по латыни научатся, и заблаговременно къ переводамъ привыкнутъ».

Обращеніе учителей съ учениками было грубое. Всего рельефнѣе обрисовывается оно въ подлинныхъ протоколахъ академической канцеляріи. Такъ въ протоколѣ 31 октября 1752 года записано: «Сего числа профессоръ университета, ректоръ и гимназіи инспекторъ г-нъ Крашенинниковъ репортомъ канцеляріи представлялъ коимъ образомъ конректоръ Штенгеръ поступалъ съ учениками въ наказаніи, увѣча ихъ палкою, что одинъ изъ нихъ Илья Авраамовъ около двухъ недѣль былъ боленъ, о чемъ онъ доносилъ словесно въ канцеляріи, и ему Штенгеру за то учиненъ выговоръ и запрещено отнюдь не употреблять трости; но онъ Штенгеръ сего октября 30 числа ученика Веденскаго не токмо увѣчилъ своею тростью, но и глазъ онною подшибъ опасно. А понеже де отъ такихъ наказаній не столько

исправленіе учениковъ, сколько вреда ожидать должно, для того что такіе увѣчья могутъ въ нихъ и охоту къ наукамъ угасить, и здравію молодыхъ оныхъ дѣтей неисцѣльный вредъ нанесть и великому ущербу ожиданной отъ нихъ пользы, тѣмъ наипаче, что у него учатся лучшіе изъ жалованныхъ учениковъ, которые не только ариѳметику, геометрію, тригонометрію и географію обучили, но и въ фортификаціи нѣсколько успѣли, а по нѣмецки столько знаютъ, что латынскому языку въ классѣ его посредствомъ нѣмецкаго обучаются, ибо онъ Штенгеръ по русски не разумѣетъ. И требовалъ онъ профессоръ, чтобъ его Штенгера отъ такихъ предосудительныхъ своевольствъ унять, и за ослушаніе команды положить на него штрафъ, чтобы какъ ему, такъ и другимъ впредь быть преслушникомъ неповадно было. Ежели же положеннаго штрафа нести онъ не пожелаетъ, то Академіи немного убытку будетъ, когда онъ Штенгеръ службу оставитъ; ибо на его мѣсто много достойнѣйшихъ его и искуснѣйшихъ изъ россійскихъ студентовъ. И по тому онаго профессора репорту въ канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: конректора Штенгера, призвавъ въ канцелярію, учинить выговоръ, дабы онъ впредь съ академическими и вольными учениками поступалъ добропорядочно; и такъ какъ въ репортѣ профессорскомъ объявлено, палкою не наказывалъ, и тѣмъ ихъ не увѣчилъ, а за вины, съ докладу профессору, наказывать впредь розгами. А ежели онъ Штенгеръ впредь ему профессору въ чемъ явится ослушенъ, или непорядочнымъ образомъ учениковъ станетъ наказывать, въ такомъ случаѣ отъ Академіи будетъ отрѣшенъ, или по винѣ штрафованъ быть имѣетъ вычетомъ изъ жалованья». Вскорѣ оказалось, что и розгами можно увѣчить учениковъ точно также, какъ и палкою. Въ протоколѣ 24 апрѣля 1753 года читаемъ: «Сего апрѣля 22 дня Модерахъ подалъ отъ себя доношеніе, коимъ объявилъ, что де онъ Сужи (учитель французскаго языка) предъявленному, полковника Грана сыну, учинилъ прежестокое, и дворянскимъ дѣтямъ совсѣмъ неприличное наказаніе, и одинъ изъ истопниковъ, прищемя оному Грану голову, держалъ, а

другой лозою сѣкъ такъ немилосердно, что онъ нѣсколько дней не могъ ни сидѣть, ни лежать; чего для онъ Модерахъ его Сужи призывалъ къ себѣ и учинилъ ему, яко подчиненному, за такую продерзость выговоръ, котораго онъ тѣмъ болѣе казался ему достойнымъ, ибо де отъ г-на профессора Крашенинникова и отъ него учителямъ при гимназіи многократно подтверждено, чтобъ они, безъ общаго ихъ вѣдома, или позволенія, дворянскихъ и знатныхъ отцевъ дѣтей бить отнюдь не дерзали. Но понеже нѣкоторые изъ оныхъ учителей люди такъ разсудливые, что ежели имъ въ томъ дать дозволеніе, то гимназія въ скоромъ времени будетъ пуста. При томъ, де оный Сужи не одного токмо Грана, но и разныхъ другихъ учениковъ больно сѣкъ чрезъ того же истопника, котораго онъ заставляетъ бить нарочно, для того, что онъ сильно бьетъ, за что Сужи самъ публично его и хвалитъ, и какъ ученики его сказываютъ, за такую знатную услугу, даетъ на вино деньги. А такіе де поступки пристойны ли гимназическому учителю, и отъ такого безразсуднаго наказанія не можетъ ли быть нареканіе Академіи, оное де оставляется на разсмотрѣніе канцеляріи Академіи Наукъ».

Конректоръ гимназіи Поповскій (1753 года).

Въ 1753 году умеръ безвластный ректоръ гимназіи Ротгакеръ, а конректоръ Штенгеръ вышелъ въ отставку. Крашенинниковъ представилъ на его мѣсто студента Герасимова, и прибавилъ, что «уповаетъ, что россійское юношество скорѣе обучаться имѣетъ латынскому языку, для того что онъ чрезъ россійскій языкъ толковать будетъ, вмѣсто того что прежде надлежало дѣтямъ сперва научиться по нѣмецки, чтобы посредствомъ нѣмецкаго языка обучаться латынскому». Но графъ Разумовскій написалъ: «опредѣляется конректоромъ гимназіи студентъ Николай Поповскій». Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Поповскій былъ ученикомъ Ломоносова въ русской словесности, и скоро показалъ свою даровитость переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій, прозою и стихами. Онъ перевелъ стихами и издалъ въ 1753 году письмо Горація о стихотворствѣ и нѣсколько его одъ. Потомъ перевелъ стихами

же съ французскаго языка «Опытъ о человѣкѣ» Попе, и напечаталъ въ 1757 году; этотъ переводъ имѣлъ шесть изданій. Имъ переведено было также съ французскаго языка сочиненіе Локка «о воспитаніи дѣтей» и издано въ 1760 году. Вскорѣ открылся Московскій университетъ, и Поповскій назначенъ былъ профессоромъ элоквенціи. Онъ первый началъ издавать принадлежащія университету Московскія вѣдомости.

Графъ Разумовскій сознавалъ неудовлетворительное состояніе гимназіи, напоминалъ учителямъ ихъ обязанности, и въ 1757 году приказалъ составить для нея уставъ. Въ данной имъ 13 февраля этого года инструкціи академической канцеляріи сказано: «При гимназіи всячески наблюдать, чтобы учители были люди способные и рачительные, и должности свои исполняли прилежно. Которые же явятся не способны, лѣнивы и положенные для ученія дни и часы прогуливать будутъ, о таковыхъ, такъ и генерально о состояніи гимназіи, инспектору Модераху репортовать въ канцелярію, для надлежащаго по тому опредѣленія, и дабы какъ учители, такъ и учащіеся свѣдомы были о ихъ должностяхъ, то разсмотрѣть прежній регламентъ гимназіи, и что въономъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, требовать будетъ перемѣны, или пополненія, оное немедленно исправить, и такимъ образомъ поставя на твердомъ основаніи, прислать ко мнѣ для апробаціи».

Ограниченное 40 человѣками число гимназическихъ стипендіатовъ расширено было въ 1752 году постановленіемъ, что оно можетъ быть увеличиваемо безъ опредѣленія нормы, если только достаточно будетъ академическихъ суммъ. Не смотря на это, въ 1758 году гимназистовъ на казенномъ содержаніи было всего 44. Для пополненія гимназіи учениками, переводились на нѣкоторые предметы гимназическаго курса студенты университета. Такъ въ 1758 году, при произведенномъ Штенгеромъ, Таубертомъ и Брауномъ экзаменѣ гимназистовъ, оказался въ старшемъ латынскомъ классѣ только одинъ ученикъ; «а въ добавокъ къ нему», постановила академическая канцелярія, «можно

опредѣлить изъ студентовъ нижняго класса, которые въ латынскомъ языкѣ не сильны». Въ 1757 году въ верхнемъ нѣмецкомъ классѣ, вмѣстѣ съ гимназистами, обучались нѣмецкому языку и студенты университета.

Главный контингентъ гимназическихъ учениковъ состоялъ, по прежнему, изъ мальчиковъ низшихъ сословій, въ особенности солдатскихъ дѣтей. Не мало было также въ гимназіи сыновей служителей графа Разумовскаго, и на нихъ начальство обращало особое вниманіе; такъ въ 1752 году обучалось въ гимназіи четверо сыновей дворовыхъ его людей, учились они дурно, и академическая канцелярія предписала учителямъ заняться ими, «ибо надлежитъ отъ его высокографскаго сіятельства ожидать немалаго репріемента, когда уже г-да учители такое небреженіе дѣлаютъ людьми главнаго своего командира, то какое отъ нихъ уже рачѣніе будетъ для прочихъ учениковъ».

Ученики, поступившіе въ гимназію въ 1750—1751 году.— Графъ Мюнихъ. — Князь Григорій Волконскій.

Однако и нѣкоторыя лица извѣстныхъ фамилій продолжали помѣщать своихъ сыновый въ гимназію; такъ поступили въ нее: въ 1750 году графъ Бурхардъ Христіанъ Мюнпихъ, сынъ оберъ-гофмейстера и внукъ извѣстнаго фельдмаршала, и сынъ оберъ-прокурора Св. Синода князя Якова Петровича Шаховскаго, Федоръ, въ 1751 году сыновья камергера Хитрово и генералъ-провіантмейстера князя Волконскаго, Григорій, тогда 8-ми лѣтній ребенокъ, впослѣдствіи оренбургскій генералъ-губернаторъ (дѣдъ нынѣшняго Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, князя Михаила Сергѣевича).

Въ 1756 году гимназія переведена была изъ дома барона Строгонова въ панятый домъ Троицкой Сергіевской лавры, въ 15 линіи Васильевскаго острова.

Порученіе гимназіи въ управленіе Ломоносова (1758 г.).

18 августа 1758 года графъ Разумовскій поручилъ завѣдываніе ученою и учебною частію въ Академіи Ломоносову, подчинивъ ему вполнѣ какъ университетъ, такъ и гимназію. Академическія учебныя заведенія давно занимали Ломоносова, и еще прежде онъ старался придумать мѣры къ ихъ улучшенію. Въ 1755 году онъ обращалъ вниманіе на слабые успѣхи уче-

никовъ и на малочисленность ихъ въ гимназіи, предлагалъ увеличить число казенныхъ стипендіатовъ, и принимать въ гимназію сыновей лицъ, записанныхъ въ подушный окладъ. «Школьники въ гимназіи», писалъ онъ, «не по пропорціи студентовъ положены. Сочинитель не имѣлъ никакого понятія о человѣческомъ родѣ, не зналъ: 1) что молодыхъ больше умираетъ, нежели старыхъ, такъ что едва сороковой человѣкъ до тридцати лѣтъ доживаетъ, для чего школьниковъ много больше надобно, нежели студентовъ, 2) не разсудилъ того, что не всякій школьникъ въ студенты годенъ, по разности понятія и прилежанія; 3) хотя иной остроуменъ, да по разнымъ обстоятельствамъ далѣе произойти не можетъ. По всему сему должно было положить больше школьниковъ, нежели студентовъ. Однако въ штатѣ положено студентовъ 30, школьниковъ 20 человѣкъ. Ежели сочинитель думалъ о безжалованныхъ школьникахъ, то долженъ былъ думать и о безжалованныхъ студентахъ; а жалованные должны имѣть всегда свою между собою пропорцію. Другія европейскія государства наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился, а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь, въ россійскомъ государствѣ, ученыхъ людей мало; дворянамъ, для безпорядку ранговъ, нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что россійскому государству великая тягость, ежели оно сорокъ алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотя бы и сорокъ алтынъ жаль было, а не жалѣть бы 1800 рублей, чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ囗коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ? Довольно бъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ». Академикъ Мюллеръ былъ

совершенно противуположнаго мнѣнія: онъ находилъ, что академическая гимназія испорчена тѣмъ, что состояла преимущественно изъ мальчиковъ низшаго сословія, и предлагалъ обучать ихъ отдѣльно отъ дворянскихъ дѣтей. 17 іюля 1756 года произошли въ академическомъ собраніи жаркія объ этомъ пренія, до такой степени, что Ломоносовъ, Штелинъ и Поповъ вышли изъ залы; вопросъ этотъ остался неразрѣшеннымъ. Въ 1758 году Ломоносовъ представлялъ графу Разумовскому о дурномъ состояніи гимназіи.

Получивъ гимназію въ полное свое распоряженіе, Ломоносовъ тотчасъ же завелъ при ней пансіонъ на 40 казеннокоштныхъ воспитанниковъ, что, какъ мы видѣли, еще прежде предлагалъ Модерахъ, и полагалъ увеличить впослѣдствіи ихъ число до 60, что и было сдѣлано въ 1760 году. 22 февраля 1760 года напечатано было въ петербургскихъ вѣдомостяхъ объявленіе, что число содержащихся въ гимназіи на казенномъ счету учениковъ увеличено втрое, а потому родители приглашаются отдавать своихъ дѣтей въ гимназію. Это объявленіе о числѣ казенныхъ учениковъ вѣрно только по отношенію къ 20-ти положеннымъ по академическому уставу 1747 года; но уже въ 1750 году оно было удвоено, а въ 1752 году разрѣшено было, какъ мы видѣли, принимать неограниченное число учениковъ на казенное содержаніе, лишь бы дозволяли денежныя средства Академіи.

Въ гимназіи Ломоносовъ устроилъ нижніе русскіе классы, вмѣсто нѣмецкихъ. Въ 1759 году онъ представилъ, что для гимназистовъ старшаго класса полезно было-бы, передъ вступленіемъ въ университетъ, имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, для избранія себѣ факультета, потому находилъ необходимымъ, чтобы по каждому предмету университетскаго преподаванія составленъ и напечатанъ былъ краткій конспектъ, и по его требованію и предписано было: «дабы г-да профессоры учинили то безъ всякаго замедленія».

Но они не учинили этого вовсе и едва ли можно о томъ сожалѣть, потому что пользы отъ того было бы мало [1]).

Въ томъ же 1759 году Ломоносовъ составилъ «узаконенія» для учащихся въ гимназіи, въ которыхъ изложены были правила о томъ, какъ ученики должны были вести себя въ отношеніи учителей и другъ съ другомъ. Правила эти не болѣе какъ общія мѣста, не имѣющія практическаго значенія.

Въ томъ же 1759 году составлены были Ломоносовымъ регламенты университета и гимназіи, но они не сохранились.

Составъ учителей гимназіи былъ, по прежнему, не удовлетворительный; ихъ набирали преимущественно изъ недоучившихся студентовъ, которые, конечно, преподавали по русски, но не имѣли достаточныхъ познаній. Въ протоколѣ 12 декабря 1758 года изложено было слѣдующее: «Академіи Наукъ адъюнктъ и инспекторъ г-нъ Модерахъ репортомъ представляетъ, что нѣкоторые изъ студентовъ находятся при гимназіи въ должности учителей и обучаютъ разные классы, а именно: Игнатій Терентьевъ — ариѳметическій, Семенъ Веденскій—

[1]) Н. А. Лавровскій полагаетъ, что Ломоносовъ имѣлъ при этомъ въ виду собственно составленіе обзора содержанія пройденныхъ гимназистами наукъ, для того, чтобы они могли припомнить прежде ими изученное, а главное, понять общій смыслъ и цѣльность содержанія каждаго усвоеннаго ими въ гимназіи предмета. (О Ломоносовѣ. По новымъ матеріаламъ. Харьковъ. 1865 года. Стр. 200—201). Если бы это было такъ, то предложенныя мѣры были бы дѣйствительно полезны; въ настоящее время, по гимназическому уставу 1870 года, онѣ и примѣнены въ 8-мъ классѣ гимназіи, предназначенномъ преимущественно на сознательное повтореніе прежде пройденнаго курса. Но не то желалъ ввести Ломоносовъ: онъ находилъ, что оканчивающимъ курсъ гимназистамъ «надлежитъ имѣть понятіе о *всѣхъ* наукахъ, которымъ въ Академіи (т. е. въ университетѣ) обучаютъ, дабы они могли себѣ избрать, вездѣ по своей склонности, къ которой употребить главное свое упражненіе». Ясно, что Ломоносовъ имѣлъ при этомъ въ виду вовсе не повтореніе гимназистами изученныхъ ими предметовъ, такъ какъ весьма многія науки, преподаваемыя въ университетѣ, вовсе не входятъ въ курсъ гимназіи, а облегченіе имъ выбора факультета, что совершенно излишне, ибо всякій взрослый гимназистъ знаетъ и безъ того составъ наукъ избираемаго факультета. Да и самый объемъ требовавшихся Ломоносовымъ конспектовъ не допускаетъ и мысли о столь сжатомъ изложеніи всего пройденнаго предмета: онъ опредѣлилъ именно, чтобы обзоръ каждой науки не превосходилъ печатнаго полулиста.

средній россійскій, Иванъ Прыткой—нижній россійскій классъ. Оные же студенты желаютъ и просятъ, чтобъ ихъ изъ числа студентовъ выключить, и опредѣлить настоящими при гимназіи учителями, съ произвожденіемъ жалованья противъ прочихъ учителей, дабы они тѣмъ побуждаемы были къ наивящей ревности и прилежанію въ отправленіи положенной на нихъ должности. А по мнѣнію его, оныхъ студентовъ справедливо и для гимназіи полезнѣе, что бы они опредѣлены были учителями; также смотря на ихъ состояніе, кажется, что большей въ томъ надобности нѣтъ, что имъ остаться дольше въ студентахъ, ибо отъ Терентьева и Прыткова, какъ по ихъ лѣтамъ, такъ и по природнымъ ихъ дарованіямъ, нельзя ожидать дальнихъ и великихъ въ наукахъ успѣховъ, а Семену Веденскому, хотя нынѣ и опредѣленъ будетъ учителемъ, сія должность не помѣшаетъ упражняться долѣе въ наукахъ, къ которымъ онъ, по остротѣ его ума, предъ другими способенъ. А по справкѣ въ академической канцеляріи объявленные студенты при Академіи находятся: Терентьевъ съ 1748 года, Веденскій съ 1749, Прыткой съ 1748 года и жалованье имъ производится помѣсячно. А понеже онымъ студентамъ вновь учрежденные г-омъ коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ Ломоносовымъ классы необходимо обучать должно, того ради приказали: имъ всѣмъ троимъ быть гимназіи учителями и изъ студентовъ ихъ выключить». Другими словами: засидѣвшіеся въ университетѣ, по неспособности, студенты признавались способными занять мѣсто преподавателей въ гимназіи. На дѣлѣ оказалось, что самый способный изъ этихъ трехъ студентовъ, Семенъ Веденскій, вовсе не соотвѣтствовалъ званію гимназическаго наставника. «1760 года декабря 11 дня», записано въ протоколѣ, подписанномъ Ломоносовымъ, «по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: гимназіи учителя Семена Веденскаго, который съ 28 ноября сего года въ классы хожденія не имѣлъ, снявъ шпагу, держать подъ карауломъ впредь до резолюціи при Академіи, а вмѣсто его, для обученія его класса,

выбрать г-ну профессору Модераху способнаго изъ студентовъ, и о томъ къ г-ну Модераху послать ордеръ, а о держаніи онаго Веденскаго подъ крѣпкимъ карауломъ прапорщику Галлу приказать». Наказаніе не исправило однако этого студента-учителя. Въ протоколѣ 9 сентября 1762 года, подписанномъ тоже Ломоносовымъ, вмѣстѣ съ совѣтникомъ Таубертомъ, читаемъ: «Академія Наукъ, слушавъ репорта, поданнаго отъ профессора и гимназіи инспектора Котельникова, которымъ представилъ, что учитель Семенъ Веденскій отъ пьянства и гулянія ходитъ въ классы рѣдко, а когда и приходитъ, дѣло свое лѣниво исправляетъ, беретъ переводы исправлять на домъ, да не токмо не поправляетъ, но и тетради ученическія затрачиваетъ, какъ де то сами ученики на него жалуются, да и ученики весьма малые у него имѣютъ успѣхи, и по многократнымъ увѣщеваніямъ и выговорамъ, ни мало не показалъ исправленія. А ордеромъ его сіятельства Академіи господина президента графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго, даннымъ Академической канцеляріи, велѣно о искорененія пьянства и гулянія употреблять всевозможные способы, и которые ни увѣщеваніемъ, ниже строгостію наказанія не поправятся, тѣхъ отрѣшать, не принимая никакихъ извиненій и предстательствъ за нихъ, дабы прочіе, видя таковые примѣры, должности свои тѣмъ исправнѣе наблюдали. А понеже оный Веденскій, за пьянство и гулянье, часто былъ содержанъ подъ арестомъ, но, какъ видно, что то ему не помогало, и отъ худыхъ поступокъ не унялся, чрезъ что и учащимся у него, вмѣсто добрыхъ примѣровъ и честному житью наставленія, преподаетъ склонности ко всякимъ неистоствамъ, того ради приказали: слѣдуя означенному его высокографскаго сіятельства повелѣнію, онаго учителя Семена Веденскаго, за пьянство и гуляніе, и неприлежаніе къ должности его, отъ Академіи отрѣшить, и, выдавъ заслуженное его жалованье, отослать для опредѣленія въ другую команду, куда способенъ окажется, въ герольдмейстерскую контору при промеморіи; а на мѣсто его Веденскаго въ его классѣ для обуче-

нія, выбрать господину профессору Котельникову способнаго изъ студентовъ, и состоянія добраго, которому, сверхъ употребляемаго на него содержанія, производиться имѣетъ награжденіе».

Не одинъ такой наставникъ изъ студентовъ былъ въ гимназіи. Десять дней спустя, инспекторъ гимназіи представилъ, «чтобъ сверхъ учителя Семена Веденскаго, еще гимназіи учителей Павла Веденскаго и Осипа Полидорскаго, за непорядочное въ классы хожденіе, а паче за непохвальное и учителямъ непристойное поведеніе, а именно пьянство, отъ гимназіи отставить, а на мѣсто де ихъ, къ обученію учениковъ, опредѣлить студентовъ Дмитрія Мокѣева, Петра Иноходцева, Аѳанасья Горина, и, для ободренія оныхъ студентовъ, опредѣлить за труды ихъ въ гимназіи награжденіе».

Студентамъ, преподававшимъ въ гимназіи, платили по два рубля въ мѣсяцъ. Они обучали не только въ низшихъ, но и въ латынскихъ классахъ; такъ въ 1764 году опредѣлено было «для обученія въ низшемъ латынскомъ классѣ выбрать изъ академическихъ студентовъ».

Въ 1761 году, по требованію Ломоносова, отпущены были изъ книжной лавки, и выписаны изъ-за границы учебныя руководства гимназистамъ, «ибо де инымъ не всѣ, а другимъ никакихъ не выдано, отчего де въ ученіи дѣлается не малая остановка».

Ломоносовъ заботился преимущественно о наполненіи опустѣвшей гимназіи учениками, мало обращая вниманія на ихъ качества, точно также, какъ видѣли, и на достоинства учителей. Въ 1760 году въ гимназіи было всего 37 учениковъ, изъ нихъ 22 солдатскихъ дѣтей, не предназначавшихся конечно для высшаго образованія. Въ 1761 году всѣхъ гимназистовъ было 46, изъ нихъ 30 солдатскія дѣти. Такъ какъ въ академической гимназіи не было обязательно проходить весь гимназическій курсъ, и можно было выбирать предметы обученія, то неудивительно встрѣтить, напримѣръ, слѣдующее постановленіе: «1764 года сентября 3 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, кан-

целярія Академіи Наукъ, по слушаніи промеморіи изъ Государственной Адмиралтейской Коллегіи, приказали: присланныхъ при оной малолѣтнихъ пищиковъ двадцать пять человѣкъ обучать въ академической гимназіи правописанію».

Хотя число казеннокоштныхъ учениковъ опредѣлено было имѣть 60, но это число никогда не наполнялось, по недостатку желающихъ поступить въ гимназію: въ 1762 году пансіонеровъ было 32, въ 1763 — 34. Для удержанія учениковъ въ гимназіи придуманы были принудительныя мѣры: обязывали родителей не брать назадъ своихъ сыновей изъ гимназіи, отдавая ихъ всецѣло академіи навсегда, а малолѣтнихъ учениковъ приводили къ присягѣ. Для примѣра, приведемъ слѣдующія два постановленія академической канцеляріи: 1) «1764 года сентября 4 дня въ канцеляріи Академіи Наукъ польской націи шляхтичъ Емельянъ Сидоровъ сынъ Хоревскій далъ сію подписку въ томъ, что малолѣтняго его сына (ему было 11 лѣтъ) Андрея Емельянова, который, по прошенію его, принятъ для обученія иностранныхъ языковъ и наукъ въ академическую гимназію на казенное содержаніе, по обученію, изъ Академіи не брать, и о опредѣленіи въ другое мѣсто не просить, а единственно оставляетъ онъ того своего сына вѣчно въ службѣ академической и въ томъ подписуется». 2) 1765 года февраля 1 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ, слушавъ прошенія капитана лейтенанта Егора Карпова сына Ашбалова о опредѣленіи оставшагося послѣ маіора Петра Малевицкаго сына его Венедикта, которому отъ роду шестой годъ, для обученія иностранныхъ языковъ и наукъ въ академическую гимназію на казенное содержаніе, приказали: оному маіорскому сыну быть для обученія иностранныхъ языковъ и наукъ въ академической гимназіи и включить его въ штатное число гимназистовъ и производить ему противъ прочихъ казенное содержаніе, и привести его къ присягѣ».

При неудовлетворительномъ составѣ преподавателей и несоотвѣтственномъ наборѣ учениковъ, плохи были и успѣхи гимна-

зистовъ; такъ въ августѣ 1764 года произведенъ былъ экзаменъ казеннымъ ученикамъ гимназіи, и изъ 13-ти учениковъ низшаго класса переведено было въ средній только три, а изъ 10-ти учениковъ средняго переведенъ въ старшій только одинъ.

Ломоносовъ надѣялся придуманными имъ мѣрами поправить гимназію. Въ 1760 году писалъ онъ, и нужно сказать, безъ излишней скромности: «Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы». Онъ убѣжденъ былъ даже, что привелъ гимназію въ порядокъ; «всѣми силами стараюсь о ученыхъ россіянахъ», писалъ онъ въ 1760 году И. И. Шувалову, «сочинилъ регламенты, привелъ въ порядокъ гимназію». Не всѣ академики раздѣляли однако это мнѣніе. Въ 1761 году Мюллеръ писалъ вліятельному секретарю графа Разумовскаго, Теплову: «Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, Ломоносовъ — бѣшеный, съ ножемъ въ рукахъ. Онъ разоритъ всю Академію, если его сіятельство не возстановитъ скоро порядка. Мы видимъ печальный тому примѣръ на университетѣ и гимназіи, которыми онъ исключительно управляетъ: они никогда не были въ такомъ плохомъ положеніи, какъ теперь».

Мы познакомились уже выше съ педагогическими взглядами инспектора гимназіи Модераха, который желалъ для гимназіи инаго контингента учителей, и другаго состава учениковъ. Ломоносовъ имѣлъ, какъ видно, другія воззрѣнія, не сошелся съ Модерахомъ, винилъ его въ дурномъ состояніи гимназіи, и наконецъ, въ 1761 году потребовалъ удаленія его отъ должности, и, не ожидая рѣшенія президента, не бывшаго тогда въ Петербургѣ, удалилъ Модераха отъ должности, а на его мѣсто назначилъ профессора Котельникова. Въ это время графъ Разумовскій жилъ въ Малороссіи. Онъ давно зналъ и цѣнилъ Модераха; но съ другой стороны, отдавъ гимназію въ полное распоряженіе Ломоносова, не могъ противиться ему въ выборѣ

главнаго ея дѣятеля; онъ долго медлилъ отвѣтомъ, наконецъ согласился на представленіе Ломоносова, но какъ бы условно и нехотя. Это видно изъ подлиннаго протокола академической канцеляріи. «Сего марта 6 дня», записано въ немъ, «поданнымъ въ канцелярію академическую г-нъ профессоръ и гимназіи инспекторъ Модерахъ представилъ, что онъ въ службѣ академической состоитъ девятнадцатый годъ и контракту его срокъ минулъ, и нынѣ болѣе при академіи служить не желаетъ, и проситъ чтобы его изъ академической службы, по прошествіи шести мѣсяцевъ, какъ о томъ въ контрактѣ его написано, или какъ заблагоразсуждено будетъ, уволить и дать апшитъ. А г-нъ коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ письменно предложилъ канцеляріи, что его, Модераха, какъ иностраннаго человѣка, за прошествіемъ контракта, принудить къ академической службѣ неможно, да и присмотрѣно де имъ, что онъ, Модерахъ, въ смотрѣніи надъ ученіемъ и поступками молодыхъ людей не заботится, и для того бъ дать ему апшитъ, а на мѣсто его, Модераха, опредѣлить гимназіи инспекторомъ профессора Котельникова, и поручить ему смотрѣніе надъ студентами, поколѣ будетъ университетъ съ гимназіею состоять вмѣстѣ». Только 28 іюня послѣдовалъ слѣдующій ордеръ графа Разумовскаго. «Многократно мнѣ представлено было отъ совѣтника коллежскаго г-на Ломоносова, что, по порученному ему отъ меня правленію университетомъ санктпетербургскимъ, усмотрѣлъ онъ крайное нерадѣніе къ своей должности профессора Модераха, яко опредѣленнаго инспектора надъ гимназіею, и что необходимость требуетъ заблаговременно его перемѣнить другимъ, къ чему и представленъ былъ отъ него профессоръ Котельниковъ. И хотя профессоръ Модерахъ напротиву того приносилъ многія жалобы о нападеніяхъ и обидахъ себѣ причиненныхъ отъ помянутаго совѣтника; но то писано было не ко мнѣ, а партикулярно и сторонне, а между тѣмъ я ожидалъ, что канцелярія Академіи Наукъ, видѣвши, что г-нъ Ломоносовъ, право или не право, объявляетъ о худыхъ поступкахъ въ должности своей, профессора

Модераха, по крайней мѣрѣ о справедливости того или другаго, имѣя довольно власти, могла бы въ такомъ случаѣ сторонними развѣдать, и представить мнѣ о сихъ происхожденіяхъ, и тѣмъ вывести меня изъ сумнительства, въ которомъ я столь долговременно не давалъ на представленія совѣтника Ломоносова резолюціи, находился. Но, вмѣсто того, я только получилъ, за руками всѣхъ членовъ, отъ марта 17 дня репортъ, которымъ представлено мнѣ, что профессоръ Модерахъ, окончивъ свой контрактъ, проситъ своего увольненія отъ Академіи. И для того я немогу теперь иной резолюціи дать, какъ только по тому, что мнѣ изъ представленія канцелярскаго извѣстно, а именно, что совѣтникъ г-нъ Ломоносовъ отъ университета отрѣшилъ профессора Модераха за непорядки, которыхъ въ репортѣ не оправлено, а на его мѣсто профессора Котельникова опредѣлилъ, то тому быть такъ до времени. А что профессоръ Модерахъ проситъ увольненія отъ Академіи, по одному, какъ видно изъ стороннихъ писемъ, огорченію, въ томъ до прибытія моего въ Санктпетербургъ удержаться; ибо ежели онъ прямо обиженъ, то я самъ, по разсмотрѣнію дѣла, и удовольствіе ему учиню. А до тѣхъ поръ канцелярія можетъ дать ему дѣло по Академіи, какое она заблагопотребно по его способности усмотритъ. Ежели же профессоръ Модерахъ не желаетъ ничего иного, какъ только отпуску своего отъ Академіи, то ему, такъ какъ человѣку свободному, и контрактъ свой выслужившему, въ томъ не препятствовать, почему канцелярія, по примѣру какъ съ другими профессорами до сего поступаемо было и абшитъ дать имѣетъ». Модерахъ не пожелалъ остаться въ службѣ при Академіи, гдѣ занимался съ 1749 года, и былъ отъ нея уволенъ. Ломоносовъ поторопился выгнать его изъ казенной квартиры, давъ, въ качествѣ совѣтника академической канцеляріи, такое предписаніе: «ежели онъ Модерахъ будетъ противиться, въ такомъ случаѣ у тѣхъ покоевъ, въ которыхъ онъ жительство имѣетъ, оконницы и двери выставить вонъ, и тѣмъ его выѣхать принудить».

Инспекторство Котельникова (1761—1766 года).

Котельниковъ былъ несомнѣнно человѣкъ дѣльный и старательный, но исправить гимназію не могъ. Онъ употреблялъ давно испытанныя, недѣйствительныя средства: выгонялъ изъ гимназіи учениковъ (такъ въ 1764 году исключено было 8 гимназистовъ), увольнялъ негодныхъ учителей изъ студентовъ, но замѣнялъ ихъ тоже студентами. Такъ въ протоколѣ 19 августа 1765 года записано: «При академическомъ университетѣ находится студентъ Петръ Степановъ съ 1750 года, лейбъ-гвардіи семеновскаго полку изъ деньщичьихъ дѣтей, и сперва обучался въ гимназіи, потомъ произведенъ студентомъ въ 1761 году, а въ нынѣшнемъ 1765 году въ маѣ мѣсяцѣ профессоръ и гимназіи инспекторъ Котельниковъ спискомъ о находящихся при университетѣ студентахъ, въ томъ числѣ о немъ Степановѣ объявилъ, что онъ рѣдко ходилъ на лекціи за пьянствомъ, учился по нѣмецки и мало геометріи, и по общему профессорскому экзамену, положено отъ Академіи уволить. А онъ, Степановъ, объявя доношеніемъ, что онъ, болѣе не имѣя склонности и охоты учиться вышнимъ наукамъ, остаться при университетѣ не намѣренъ, просилъ, чтобъ его опредѣлить въ гимназію геометріи или ариѳметики учителемъ; на которомъ его доношеніи упомянутый профессоръ Котельниковъ подписалъ: оный де студентъ Степановъ атестованъ отъ него ко хмѣлю склоннымъ; но какъ сей порокъ не природный, то можетъ быть что исправится, и ежели де способенъ явится, то опредѣлить его, съ такимъ условіемъ, чтобъ велъ себя трезво и порядочно, а въ гимназіи въ ариѳметическомъ и геометрическомъ классахъ учители надобны; почему іюня 17 числа сего года опредѣленіемъ канцеляріи Академіи Наукъ и велѣно ему Степанову, на мѣсто студента Петра Иноходцова, который посланъ за море, быть при обученіи гимназистовъ въ ариѳметическомъ и геометрическомъ классѣ. А поданнымъ нынѣ репортомъ вышеупомянутый профессоръ Котельниковъ объявилъ, что оный Степановъ, хотя и рекомендованъ имъ учителемъ въ ариѳметическій и геометрическій классъ, въ надеждѣ той, что онъ исправился и повелъ себя хорошо и подавалъ было о себѣ впредь

надежду; но онъ опять гулять началъ, и за невоздержаніе отъ пьянства учителемъ быть недостоинъ, и представлялъ, чтобъ на мѣсто его опредѣлить достойнаго учителя, а между тѣмъ, тотъ классъ поручить другому студенту. Приказали: его Степанова, за невоздержность отъ пьянства, выключа изъ Академіи, отослать Пр. Сената въ герольдмейстерскую контору при промеморіи, а на мѣсто его въ ариѳметическій и геометрическій классъ, для обученія, выбрать г-ну профессору Котельникову изъ студентовъ состоянія добраго и воздержнаго, и по опредѣленіи учителемъ, представить канцеляріи».

Ректорство Киница (1764 года.)

Въ 1764 году Котельниковъ просилъ о назначеніи ректоромъ гимназіи конректора академической типографіи Киница, который прежде былъ въ Гданскѣ конректоромъ; президентъ поручилъ профессорамъ Фишеру, Брауну и Котельникову проэкзаменовать Киница, и онъ былъ опредѣленъ ректоромъ гимназіи.

Помѣщеніе гимназіи не соотвѣтствовало также правильно устроенному учебному заведенію. «Учители въ зимнее время», представлялъ Котельниковъ, «даютъ лекціи въ классахъ одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперегъ по классу, и ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ, отчего дѣлается по всему тѣлу абструкція, и потомъ рождается корчета и скорбутъ, которыхъ ради болѣзней принуждены оставить хожденіе въ классы; чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей».

Домъ Троицкаго подворья нанятъ былъ въ 1756 году для гимназіи первоначально только на одинъ годъ; но, вмѣсто того, гимназія осталась въ немъ восемь лѣтъ. Наконецъ, домъ этотъ пришелъ почти въ совершенное разрушеніе, какъ это видно изъ слѣдующаго рапорта Котельникова академической канцеляріи 6 августа 1764 года «Со вступленія моего въ гимназіи инспекторомъ подавалъ я каждый годъ въ канцелярію Академіи Наукъ репорты о починкѣ дому, въ которомъ гимназія, всегда забла-

говременно; но починка начиналась очень поздо, и никогда не приходила къ окончанію, отчего домъ безпрестанно приходилъ въ большое разрушеніе, и живущіе въ немъ претерпѣвали зимою отъ холоду нужду. Часто учители, ради нестерпимой стужи, не окончивъ лекцій, выходить принуждены и учениковъ распускать. Двери во всемъ домѣ такъ ветхи, что не токмо не можно плотно затворить и запереть, но и замка и петель прибить нельзя. Окончины такожде, ради ветхости стеколъ не держутъ, которые часто выбиваетъ, чего ради въ покояхъ учениковъ и студентовъ, такожде и въ классахъ, принуждены сторожа зимою окны трепицами и рогожами завѣшивать, которыя лѣтомъ стоятъ полы, какъ то и теперь еще можно видѣть. Въ сѣняхъ не токмо стеколъ, но и окончинъ нѣту; двери весьма ветхи, которыя ни запереть, ни затворить не можно. Подъ кровлею, въ слуховыхъ окнахъ, ставни индѣ худы, индѣ вовсе нѣту. Зимою набиваетъ снѣгъ, какъ подъ кровлею на потолки, такъ и въ сѣни, отъ котораго въ оттепели подопрѣваетъ у потолковъ подмазка и обваливается. Такожде и въ покояхъ подмазка весьма худа. Разъ убила было мою жену, а въ другой дѣтей. О передѣлкѣ кухни, гдѣ на студентовъ и гимназистовъ стряпаютъ, поданъ мною репортъ уже третьяго году. Она такъ худа, что зимою тѣсто въ квашнѣ мерзнетъ». Въ 1764 году купленъ былъ для гимназіи, на сумму книжныхъ доходовъ, домъ бароновъ Строгановыхъ за 9,900 рублей.

Ломоносовъ думалъ и утверждалъ, что онъ устроилъ гимназію какъ слѣдуетъ. Уже въ царствованіе Императрицы Екатерины, сравнивая положеніе этого учебнаго заведенія, въ какомъ онъ его засталъ, съ тѣмъ какъ его поставилъ, онъ писалъ: «Въ гимназіи хотя не мало было гимназистовъ, однако въ весьма бѣдномъ и безполезномъ состояніи, за тѣмъ что жалованье имъ давалось въ руки, которое брали къ себѣ ихъ родители или свойственники, и держали больше на себя, нежели на школьниковъ, такъ что въ школы приходили въ бѣдныхъ рубищахъ, претерпѣвали наготу и стужу и стыдно было ихъ показать по-

стороннимъ людямъ. При томъ же, пища ихъ была весьма бѣдная и одинъ иногда хлѣбъ съ водою. Въ такихъ обстоятельствахъ наука мало шла имъ въ голову. Да и времени имъ къ тому не было, затѣмъ что дома должны были служить отцу и матери, для бѣдности, а въ гимназію ходя, по дальнему разстоянію, теряли лучшіе часы и всегда случай имѣли рѣзвиться и отъ школы отгуливать. Итакъ не дивно, что чрезъ семь лѣтъ не было произведено изъ гимназіи въ университетскіе студенты ни единаго человѣка. Но послѣ порученія оной гимназіи совѣтнику Ломоносову въ единственное смотрѣніе, всѣ оныя неудобствія отвращены и пресѣчены, ибо гимназисты соединены, какъ и студенты, въ общежитіе, снабжены приличною одеждою и общимъ довольнымъ столомъ, по мѣрѣ опредѣленнаго имъ жалованья, не теряютъ времени, ни ходьбою на домъ, ни службою родителямъ, ниже заочною рѣзвостію, будучи у инспектора гимназіи и у нарочныхъ надзирателей передъ глазами въ одномъ домѣ».

Не такъ смотрѣла Академія на сдѣланныя Ломоносовымъ улучшенія въ Академической гимназіи. Въ протоколѣ 21 августа 1765 года читаемъ: «Въ прошломъ 1760 году, опредѣленіемъ его сіятельства Академіи г-на президента графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго велѣно въ Академической гимназіи учениковъ содержать въ общежитіи 60 человѣкъ, полагая на каждаго по 36 рублевъ въ годъ, въ силу котораго опредѣленія и находилось учениковъ отъ 45 до 50 человѣкъ. И хотя съ того времени разные опыты собраніемъ въ общежитіи тѣхъ гимназистовъ учинены, но ни мало не соотвѣтствовали намѣренію, дабы изъ нихъ произвесть людей способныхъ къ наукамъ и къ принесенію такой пользы отечеству, которая хотя бы нѣсколько замѣняла употребленный на нихъ и на содержаніе учителей и другихъ нижнихъ чиновъ коштъ. А какъ изъ поданныхъ въ канцелярію о состояніи университета и гимназіи репортовъ усмотрѣно, что между студентами и гимназистами нашлась почти половина отчасти пьяницъ, забіякъ, лѣнивыхъ, непонятныхъ, и

въ ученіи никакого успѣха по нынѣ не оказавшихъ, а сіе паче происходило оттого: 1) оные ученики принимаемы были болѣе для скорѣйшаго наполненія числа, не разсматривая при томъ ихъ лѣтъ, состоянія и способности къ наукамъ, и набираемы были изъ самой подлости, почему не имѣли добраго воспитанія, а въ общежитіи о поправленіи сего недостатка никакого попеченія не приложено, особливо что и надзиратели сами были люди, всякими пороками зараженные. 2) Между гимназическими учениками многіе такіе находились, которые при неспособности своей и худыхъ поступкахъ достигли уже 20-ти лѣтняго возраста, а иные оный и превзошли, признавая ученіе себѣ крайнимъ принужденіемъ и тягостію». Съ своей стороны, можемъ привести доказательство справедливости этого факта: 25 мая 1765 года принятъ былъ въ низшій классъ гимназіи Андрей Корьяченко, 25-ти лѣтъ.

Въ 1766 году Мюллеръ писалъ Эйлеру: «Дѣло заключается не въ одной Академіи, но и въ рѣшительномъ преобразованіи такъ называемаго университета и гимназіи, и особенно въ доведеніи этой послѣдней до такого совершенства, чтобы и значительные родители отдавали въ нее воспитывать дѣтей своихъ».

Достигнуть этого было трудно, потому что гимназія не предоставляла никакихъ правъ, а родители заботились преимущественно о будущей служебной карьерѣ своихъ сыновей; значитъ нужно было придумать другія мѣры для улучшенія состава учащихся въ гимназіи.

Примѣръ этому поданъ былъ именно въ то время И. И. Бецкимъ, который находилъ, что отъ существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеній «мало, буде совсѣмъ ничего существительныхъ плодовъ собрано». Система воспитанія Бецкаго извѣстна: онъ находилъ необходимымъ удалять дѣтей, съ самаго нѣжнаго возраста и вплоть до совершеннолѣтія, изъ грубой среды ихъ родителей, и тѣмъ предостеречь ихъ отъ дурныхъ навыковъ, и такимъ образомъ создать изъ нихъ *«новую породу»*,

или новыхъ отцевъ и матерей, которые могли бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки»! «Великое сіе намѣреніе исполнить», писалъ онъ, «нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣ, какъ по пятому и по шестому году...... Итакъ, о воспитаніи юношества пещися должно неустанными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестаго до осемнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ». Составленное Бецкимъ «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества» утверждено было Императрицею 12 марта 1764 года.

Въ 1765 году, уѣзжая изъ Петербурга, графъ Разумовскій далъ 19 апрѣля инструкцію академической канцеляріи, въ которой сказано было: «Университетъ и гимназію съ принадлежащими къ онымъ профессорами, учителями, студентами и учениками, учредить на такомъ основаніи, чтобъ сходствовало съ Высочайшимъ намѣреніемъ Ея Императорскаго Величества о воспитаніи и обученіи россійскаго юношества» (т. е. по системѣ Бецкаго)..... «а дабы вслѣдствіе того никакого затрудненія не было, то въ нужной перемѣнѣ прежнихъ распорядковъ полагается на разсмотрѣніе канцеляріи».

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, именно 4 апрѣля, умеръ Ломоносовъ, «который имѣлъ единственное надзираніе и смотрѣніе надъ академическими студентами и гимназистами».

Учрежденіе при гимназіи малолѣтняго отдѣленія въ 1765 году.

Слѣдуя инструкціи президента Академіи, Таубертъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Какъ Ея Величество въ публикованномъ генеральномъ планѣ сама Высочайше предписать соизволила порядокъ какимъ образомъ воспитаніе обоего пола россійское

юношество, чему по апробованнымъ отъ Ея Величества какъ Академіи Художествъ, такъ и благородныхъ дѣвицъ регламентомъ учинено въ обоихъ оныхъ мѣстахъ благополучное и впредь всякую надежду подающее начало; того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія академическая за должность свою признаваетъ и при Академіи о воспитаніи назначеннаго къ наукамъ юношества учинить точно такое-жъ учрежденіе, а именно: 1) изъ находящихся нынѣ при гимназіи сорока семи учениковъ выбрать тридцать человѣкъ лучшихъ, какъ въ разсужденіи нравовъ, такъ и способности къ наукамъ, а достальныхъ непорядочнаго поведенія и превосходящихъ надлежащія лѣта, а притомъ никакой надежды о себѣ впредь не подающихъ отчасти вовсе отрѣшить, а отчасти распредѣлить къ художествамъ, если къ онымъ способные явятся; 2) набрать вновь и содержать, на основаніи закона воспитательнаго училища при Академіи Художествъ, тридцать человѣкъ молодыхъ ребятъ, возрастомъ пяти и шести, а отнюдь не свыше семи лѣтъ, которыхъ принимать какъ изъ бѣдныхъ дворянъ, буде пожелаютъ, такъ и изъ разночинцевъ; о пріемѣ оныхъ публиковать при газетахъ печатнымъ листочкомъ, и во всѣ команды разослать, а между тѣмъ, покуда происходить будетъ сей наборъ учениковъ, сдѣлать къ ихъ содержанію штатъ и какія для того окажутся надобности немедленно приготовить и исправить такимъ образомъ, что, буде возможно, къ первому числу будущаго августа сего года къ дѣйствительному принятію и содержанію сихъ для воспитанія къ наукамъ вновь принимаемыхъ тридцати учениковъ все въ готовности было и ученіе ихъ въ тоже время начаться могло». Публикація въ газетахъ была сдѣлана, съ прописаніемъ въ ней, въ видѣ справки, правилъ о пріемѣ дѣтей въ Академію Художествъ. Желающихъ поступить въ гимназію дѣтей явилось 64; по троекратномъ осмотрѣ ихъ Таубертомъ, профессоромъ Протасовымъ и докторомъ Иберкампферомъ, принято изъ нихъ было 30 «надежду къ обученію подающихъ», а отъ представившихъ ихъ отцевъ и родственниковъ отобраны были подписки въ томъ, что они «вовсе

отъ нихъ отказываются, и ни подъ какимъ видомъ впредь требовать не будутъ». Для обученія ихъ грамотѣ опредѣлены были подканцеляристъ Карякинъ и ученикъ географическаго департамента Матвѣевъ. Мальчики эти были, по большей части, сыновья чиновниковъ, писарей и солдатъ.

Надзирательницы Миллеръ и Ремеръ (1765 года).

Въ августѣ открытъ былъ при гимназіи пансіонъ, раздѣленный на два отдѣленія, порученныхъ класснымъ дамамъ, по 15-ти дѣтей каждой. Эти классныя дамы или надзирательницы не были пріисканы, а вызывались также публикаціями въ газетахъ. Въ протоколѣ 17 августа записано: «По учиненнымъ отъ Академіи Наукъ публикамъ для опредѣленія при оной къ надсматриванію и обученію малолѣтнихъ 30-ти гимназистовъ, явились въ канцелярію Академіи Наукъ, между прочими, нижеписанныя мадамы: 1) саксонской націи вдова Софія Шарлотта Миллерша, 2) бывшаго придворнаго живописца Ремерса жена его, вдова Катерина Лизавета Ремерсша, которыя къ тому и признаны за способныхъ».

Между тѣмъ, Императрицѣ донесли, что Таубертъ завелъ, безъ всякаго будто спроса, самовольно, и «въ дѣйствіе произвелъ» при гимназіи пансіонъ для малолѣтнихъ дѣтей отъ 5 до 6 лѣтъ «всякаго чина, кромѣ крѣпостныхъ» какъ онъ объявилъ, «для поправленія худаго состоянія университета и гимназіи», и набралъ въ него 30 малолѣтнихъ мальчиковъ разночинцевъ. Императрица, какъ видно знавшая, но не любившая Тауберта, велѣла его спросить: по какому праву онъ это сдѣлалъ. Не желая выдавать графа Разумовскаго, распоряженіе котораго приведено выше, Таубертъ отвѣчалъ, что слѣдовалъ примѣру Академіи Художествъ, то есть Бецкаго. На его запискѣ Екатерина написала: «Il est extrêmement singulier de dire *произвелъ*: chacun qui viendra changera à cet établissement tout ce qu'il voudra, parceque l'approbation de Mr. Taubert ne fait pas loi, et que c'est bâtir sur le sable que d'agir ainsi *самовольно*, et sans approbation». Однако, малолѣтнее отдѣленіе осталось при гимназіи во все царствованіе Императрицы.

Вскорѣ оказалось, что принятыя черезъ газеты и наскоро надзирательницы, или какъ онѣ названы «мадамы», вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію. 20 декабря 1766 года состоялось слѣдующее постановленіе академической канцеляріи: «Имѣя разсужденіе, что находящіяся при Академіи для обученія малолѣтныхъ гимназистовъ мадамы Миллерша и Ремерсша, сколько извѣстно, были прежде худаго состоянія, да и нынѣ бываютъ у нихъ частые стороннихъ людей съѣзды и компаніи, и въ ночное время, а потому весьма ненадежно, чтобъ малолѣтные дѣти воспитаны и научены были хорошему поведенію, и съ желаемою пользою, того ради: 1) онымъ мадамамъ объявить, что онѣ далѣе перваго числа будущаго генваря при гимназіи содержаны не будутъ, и для того бы къ тому времени изъ дому казеннаго выѣхали, 2) надъ дѣтьми имѣть смотрѣніе впредь до резолюціи учителямъ Корякину и Матвѣеву, у которыхъ быть въ командѣ какъ лакеямъ, такъ и нянькамъ, а главное надзираніе во всемъ имѣть инспектору Бакмейстеру..... А дабы желающая изъ природныхъ россійскихъ женщина, имѣющая о своемъ поведеніи и качествахъ надежныя одобренія, опредѣлиться надзирательницею явилась въ коммиссію, объявить чрезъ газеты».

Надзирательница Мальтицъ (1767 года).

На этотъ разъ газетныя публикаціи были удачны: на нихъ явилась весьма достойная женщина «егермейстерша» Мальтицъ, которой и было поручено нераздѣльно и вполнѣ всё малолѣтнее отдѣленіе гимназіи. «Опредѣлено», говорится въ протоколѣ, «инспектору Бакмейстеру, по вступленіи ея, ни во что не вступаться... учителямъ Корякину и Матвѣеву остаться при прежней ихъ должности, то есть при обученіи гимназистовъ россійской грамотѣ, и пока при томъ пробудутъ, быть имъ у оной госпожи Мальтицы во всякомъ послушаніи и чинить благопристойное почтеніе».

Къ этому времени слѣдуетъ отнести сохранившуюся въ бумагахъ Академіи Наукъ «Инструкцію для женской особы», которой смотрѣніе надъ тридцати малолѣтними дѣтьми поручено будетъ» [1]).

---

[1]) См. приложеніе 3.

Въ этой инструкціи излагается какъ нужно обращаться съ дѣтьми и дается, между прочимъ, такое наставленіе: «ей (смотрительницѣ) дозволяется наказывать ослушниковъ, смотря по винѣ; однако должно ей имѣть осторожность въ томъ, чтобъ въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкою, но въ такихъ случаяхъ наказывать токмо лозою; также, при исправленіи дѣтскихъ нравовъ, ограничиваться ей всякихъ поносныхъ и подлыхъ бранныхъ словъ». Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ дурнаго поведенія прежнихъ надзирательницъ, предписывалось смотрительницѣ «подозрительныхъ гостей въ отведенную ей квартиру не принимать, а особливо ночныхъ бесѣдъ не имѣть».

Г-жа Мальтицъ обратила вниманіе на учителей своего отдѣленія; это видно изъ протокола 16 ноября 1767 года, въ кокоромъ сказано: «находящемуся при малолѣтныхъ гимназистахъ учителю Сергѣю Матвѣеву объявить съ подпискою, чтобъ онъ отъ пьянства и худыхъ поступокъ воздержался и къ должности своей былъ прилѣженъ; а если хотя въ маломъ какомъ поступкѣ впредь окажется, то никакого извиненія и обѣщанія его принято отъ него не будетъ, и будетъ отъ Академіи отрѣшенъ съ безчестнымъ атестатомъ». Но онъ не исправился, и въ 1770 году замѣненъ былъ другимъ. Къ обязанности этого учителя относилось обученіе дѣтей, по средамъ и субботамъ, съ 9 до 11 часовъ, молитвамъ и чтенію церковныхъ книгъ, и въ остальные дни съ 9 до 12 — ариѳметикѣ, а съ 3 до 5 русской грамотѣ.

Въ 1770 году 15 мальчиковъ малолѣтняго отдѣненія были уже достаточно подготовлены, и переведены въ гимназію.

Къ сожалѣнію, достойная смотрительница г-жа Мальтицъ оставалась недолго на этомъ мѣстѣ: въ 1770 году, совершенно неожиданно для Академіи, она была назначена Императрицею гофмейстериною надъ фрейлинами, и замѣщена временно женою учителя Антонова. Въ это время директоръ Академіи графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ былъ въ отсутствіи, и академическая канцелярія распорядилась слѣдующимъ образомъ: «Чтобы малолѣтные гимназисты, пока прислана будетъ надле-

жащая надзирательница, на мѣсто отбывшей отъ оныхъ статской совѣтницы г-жи Мальтицъ, не токмо не позабыли того знанія, которое они подъ ея предводительствомъ, пріобрѣли въ нѣмецкомъ языкѣ, также въ исторіи и географіи, но могли бы въ оныхъ еще и болѣе успѣвать, препоручить обучать ихъ на то время учителю Шульцу четыре дни въ недѣлю, употребляя на то въ каждый день по два часа послѣ полудни..... А смотрѣніе надъ опредѣленными при тѣхъ гимназистахъ учителями, чтобъ они порядочно отправляли свою должность, поручить до прибытія его сіятельства, Академіи Наукъ господина директора, графа Владиміра Григорьевича Орлова, инспектору Бакмейстеру».

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, графъ Орловъ назначилъ смотрительницею малолѣтняго отдѣленія г-жу Кабритцъ, предоставивъ ей тѣ же права надъ учителями и дѣтьми, какими пользовалась ея предмѣстница, и отстранивъ вовсе инспектора гимназіи отъ завѣдыванія этимъ пансіономъ. 14 февраля 1772 года г-жа Кабритцъ умерла, а на ея мѣсто назначена была ея дочь Маргарита Кабритцъ.

Надзирательницы Кабритцъ (1771 года).

Въ 1773 году поручено было академикамъ Котельникову и Румовскому сдѣлать экзаменъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи, и послѣ экзамена, шесть мальчиковъ переведены были изъ этого отдѣленія въ гимназію. На мѣсто ихъ принято было семь малолѣтнихъ, «а что вышепоказанныхъ оныхъ дѣтей», вновь повторено было, «отцы отдаютъ ихъ въ службу академическую добровольно и впредь о увольненіи ихъ отъ Академіи въ другую какую либо команду ни подъ какимъ видомъ требовать не будутъ, въ томъ вышепомянутыхъ отцовъ ихъ обязать подписками». На счетъ обученія этихъ малолѣтнихъ, переведенныхъ въ гимназію, новымъ иностраннымъ языкамъ, состоялось 1 мая 1773 года такое постановленіе: «На представленіе инспектора Бакмейстера въ разсужденіи недавно переведенныхъ ко взрослымъ 6 малолѣтнихъ, также и въ разсужденіи переведенныхъ туда же за нѣсколько уже лѣтъ прежде сего другихъ 15 гимназистовъ, изъ коихъ однако ни одинъ еще не учится по французски, но только по

нѣмецки: французскому ли, или нѣмецкому языку обучаться новопереведеннымъ онымъ 6, и учиться также французскому языку прежнимъ тѣмъ 15 гимназистамъ? Объявить ему Бакмейстеру, чтобы онъ приказалъ не только переведенныхъ тѣхъ 6, но и тѣхъ, которые сверхъ ихъ еще вновь переведены быть имѣютъ туда жъ 7 человѣкъ изъ малолѣтныхъ же, обучать французскому и нѣмецкому языку, къ которому кто изъ нихъ больше окажетъ охоты и склонности, и притомъ обучать ихъ всѣхъ и латынскому языку, равно какъ и прежнихъ 15 французскому, хотя понемногу; но русскій языкъ для всѣхъ ихъ до нѣкотораго времени отставить».

Повидимому, Маргаритою Кабритцъ не были довольны, и въ октябрѣ 1773 году она была уволена отъ должности, а надзоръ надъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ порученъ былъ временно учителю Корякину. Учителемъ нѣмецкаго языка, ариѳметики и географіи назначенъ былъ въ 1774 году въ это отдѣленіе Кинъ, съ обязательствомъ преподавать четыре дня по три часа, т. е. 12 часовъ въ недѣлю.

Надзирательница Христенекъ (1774 года).

Смотрительницею надъ малолѣтнимъ отдѣленіемъ назначена была г-жа Христенекъ, и по ея представленію въ 1775 году шесть малолѣтнихъ переведены были въ гимназію, съ извѣстнымъ обязательствомъ для родителей не брать ихъ изъ гимназіи, но прибавлено «до 18 лѣтъ возраста ихъ». Вскорѣ г-жа Христенекъ занемогла, и просила уволить ее отъ должности, и въ 1775 году малолѣтнее отдѣленіе вновь поручено было временно учителю Корякину.

Надзирательница Новакъ (1775 года).

Г-жа Христенекъ рекомендовала на свое мѣсто жену гимназическаго эконома Новакъ, которая и была опредѣлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей было предписано, «чтобъ она къ находящимся подъ ея смотрѣніемъ малолѣтнымъ гимназистамъ ни роственниковъ, ни присылаемыхъ отъ нихъ слугъ для свиданія никогда бы, кромѣ что въ праздничные дни, не пускала, и крѣпко бы того смотрѣла, чтобы приходящіе къ нимъ люди никакихъ съѣстныхъ вещей не приносили; да и самимъ симъ дѣтямъ, когда

случиться отпустить ихъ въ праздничные дни къ родителямъ для свиданія, ночевать у нихъ никогда бы не дозволяла».

Въ 1776 и 1777 годы переведены были въ гимназію изъ малолѣтняго отдѣленія по четыре мальчика.

Мы видѣли, что только одинъ разъ два академика экзаменовали дѣтей этого пансіона, и отмѣтили достойныхъ къ переводу въ гимназію; обыкновенно же ихъ переводили туда по рекомендаціямъ смотрительницъ, и нерѣдко вовсе не подготовленныхъ къ прохожденію гимназическаго курса. Это видно изъ слѣдующаго протокола 26 іюня 1777 года: «Его высокородіе, двора Ея Императорскаго Величества господинъ камеръ-юнкеръ и Академіи Наукъ директоръ, Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ усмотрѣлъ, что переведенные сверху ко взрослымъ, малолѣтные гимназисты, разсуждая по бывшему, столь долговременному, подъ смотрѣніемъ надзирательницы, пребыванію, весьма мало успѣли въ ихъ наукѣ, такъ что, не упоминая о весьма маломъ ихъ знаніи въ языкахъ, и по сіе время почти еще и писать хорошо не умѣютъ. И какъ сіе происходитъ, конечно или отъ нерадѣнія учительскаго, или отъ худаго распоряженія въ обученіи таковыхъ мальчиковъ, того ради приказалъ: объявить о томъ надзирательницѣ Новакшѣ, а учителямъ Кину и Карякину, которые при оныхъ гимназистахъ находятся, наказать, чтобы они въ обученіи ихъ прилагали всевозможное стараніе, въ противномъ же случаѣ, ежели усмотрѣны будутъ впредь толь же малые успѣхи, какъ то понынѣ было въ оныхъ гимназистахъ, то они Карякинъ, Кинъ и Новакша отрѣшены будутъ отъ своихъ должностей».

Въ 1778 году переведены были изъ малолѣтняго отдѣленія въ гимназію девять мальчиковъ.

3 ноября 1778 года директоръ Академіи отдалъ малолѣтнихъ гимназистовъ, отъ которыхъ до тѣхъ поръ инспекторъ былъ устраненъ, въ распоряженіе инспектора гимназіи, академика Лепехина, «поелику, для общей пользы всей гимназіи, нужно благовременнѣе провидѣть ихъ способность и свойства,

чрезъ что ему, господину академику, самому облегчится будущее оными управленіе въ ихъ возрастѣ, а при томъ почти всѣ они вышли уже изъ младенческихъ лѣтъ, и способны воспріять основательные начатки ученія у учителей». Это распоряженіе вызвано было безпорядками, открытыми въ малолѣтнемъ отдѣленіи: оказалось, что у малолѣтнихъ гимназистовъ проживаетъ «вдвое противъ ихъ числа невѣдомо какихъ постороннихъ людей», что собственно говоря даже малолѣтнихъ дѣтей тамъ болѣе и не было, «поелику оные гимназисты всѣ уже перешли тѣ лѣта, въ кои нужно было смотрѣніе надъ ними женщинъ». Поэтому г-жа Новакъ была уволена, а малолѣтнее отдѣленіе поручено было учителю Петрассу, которому предписывалось «особливо приложить все свое стараніе о поселеніи какъ охоты къ наукамъ, такъ ясныхъ и правильныхъ началъ въ юношествѣ, и дать имъ всѣ понятія, кои, по ихъ лѣтамъ, они принять могутъ, какъ то: первыя правила ариѳметики, исторіи, географіи и миѳологіи... Въ бытность же его Петрасса въ классахъ внизу (т. е. въ гимназіи), быть во всѣ тѣ часы при помянутыхъ гимназистахъ учителю письменнаго класса Карякину». Такимъ образомъ, малолѣтнее отдѣленіе какъ бы вошло въ составъ гимназіи, въ видѣ приготовительнаго класса, хотя при этихъ дѣтяхъ продолжали держать нянекъ.

Возвратимся къ гимназіи, которую мы оставили на 1765 году.

Въ это время, при учрежденіи малолѣтняго отдѣленія, въ которомъ думали найдти единственно надежный разсадникъ для гимназіи въ будущемъ, изъ прежнихъ гимназистовъ, какъ сказано выше, оставлено было только 30 лучшихъ. Отъ нихъ взята была слѣдующая подписка: «Чувствуя Высочайшее Ея Императорскаго Величества къ намъ милосердіе, и желая соотвѣтствовать намѣренію пекущихся о будущемъ нашемъ благополучіи, обѣщаемъ мы отнынѣ исправить свою жизнь, и, при крайнемъ прилежаніи къ ученію, удаляясь отъ всякихъ пороковъ и подлыхъ поступокъ, другъ друга поощрять къ благонравію и чест-

ному поведенію. Ежели же между нами окажется умышленный, и никакими увѣщаніями неисправляемый пренебрегатель сего нашего обѣщанія, то мы сами просить будемъ, дабы оный, въ страхъ и примѣръ другимъ, съ публичнымъ безчестіемъ изверженъ былъ изъ нашего числа и общежитія. Въ Санктпетербургѣ ноября 1 дня 1765 года. Въ исполненіе сего обще подписуемся». (Слѣдуютъ 26 подписей, въ томъ числѣ будущихъ адъюнктовъ Академіи Василія Зуева и Михаила Головина).

Подтягивая учениковъ, нужно было подтянуть и учителей, и самое гимназическое начальство. Котельниковъ не жилъ въ гимназіи и рѣдко въ ней бывалъ; ему предлагалось посѣщать гимназію по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, когда онъ бывалъ въ Академіи, и кромѣ того, отъ времени до времени заходить туда. Съ учителями были менѣе деликатны: имъ предписывалось повиноваться ректору, приходить въ классы за четверть часа до урока, а выходить изъ нихъ по звонку, доносить о своей болѣзни, поручать свои уроки, въ случаѣ невозможности быть въ гимназіи, одному изъ своихъ товарищей, не исполнявшимъ эти распоряженія угрожали вычетомъ изъ жалованья. Въ заключеніе, возлагалось на ректора, вмѣстѣ съ преподавателями старшихъ классовъ, составленіе новаго плана ученія гимназіи и распредѣленіе часовъ преподаванія. Вотъ этотъ протоколъ 23 ноября: «Понеже канцеляріи извѣстно учинилось, что нѣкоторые учители гимназіи приходятъ въ классы не точно въ то время, когда имъ быть надлежитъ, а нѣкоторые иногда и совсѣмъ не приходятъ, не давъ о себѣ знать, и не показывая законной причины своему отлученію, отчего ученики въ ихъ классахъ находятся праздны; а какъ сіе всемѣрно требуетъ исправленія, дабы, сколько возможно, отвести нареканіе, якобы Академія никакого раченія не имѣла о обученіи съ дѣйствительнымъ успѣхомъ учащагося въ гимназіи юношества. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: къ г-ну профессору Котельникову послать ордеръ, въ которомъ напи-

сать: 1) Гимназіи учителямъ съ строгостію подтвердить, чтобъ всегда за четверть часа до предписаннаго имъ времени приходили въ классы и по колоколу выходили. 2) Если котораго класса учителю, за болѣзнію, къ должности своей придти невозможно, то чтобъ благовременно попросилъ одного изъ своихъ товарищей, чтобъ смотрѣлъ за учениками его; а если болѣзнь можетъ быть продолжительна, то чтобъ немедленно репортовалъ инспектору, для учиненія по тому надлежащаго распорядка. 3) Педелю приказать таковыхъ не объявившихъ о отлученіи своемъ учителей записывать, и еженедѣльно подавать репорты, для вычету изъ ихъ жалованья, въ силу указовъ за нехожденіе. 4) Приказать учителямъ равное попеченіе имѣть о наставленіи какъ казенныхъ, такъ и вольныхъ учениковъ, потому что какъ тѣ, такъ и сіи учатся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ, пришедъ въ лѣта, служить съ пользою своему отечеству. 5) Должны всѣ учители генерально, подъ инспекторскимъ надзоромъ, въ послушаніи быть у ректора гимназіи, какъ то вездѣ водится при гимназіи. 6) Сочинить ректору Киницу, приглася въ совѣтъ верхнихъ классовъ учителей, новый распорядокъ ученія въ гимназіи и расположеніе часамъ, дабы по тому начать исполненіе чинить съ новаго года, который планъ, разсмотря напередъ самому ему г-ну профессору Котельникову, обще съ г-мъ Киницомъ, представить какъ наискорѣе на апробацію академическому собранію. 7) Признаваетъ академическая канцелярія за весьма нужное, чтобъ г-нъ профессоръ Котельниковъ, для лучшаго во всемъ при гимназіи успѣха, и чтобъ какъ учителей, такъ и учащихся чрезъ то принудить къ вящему прилежанію, то чаще туда хожденіе имѣлъ, на что употребить можетъ тѣ дни, когда въ Академію къ собранію пріѣздъ имѣетъ; но притомъ должно по перемѣнамъ иногда и на то посмотрѣть съ какимъ порядкомъ и раченіемъ послѣ полудня ученіе въ классахъ происходитъ; однимъ словомъ, неотмѣнно требуется, чтобъ прежніе недостатки въ гимназіи поправлены и всѣ причины къ жалобамъ, сколько возможно, отвращены были. Передъ наступленіемъ но-

ваго года, должно, такъ какъ и о университетѣ, весь распорядокъ ученія публиковать печатными листами, а какъ немного уже времени къ тому остается, то все сіе распорядить должно какъ наискорѣе».

Назначеніе Бакмейстера инспекторомъ (въ 1766 году).

Академическая канцелярія не расчитывала, повидимому, на исполненіе своихъ строгихъ письменныхъ предписаній, и въ первые дни января 1766 года удалила Котельникова отъ должности, подъ предлогомъ предстоявшей ему ученой командировки, а инспекторомъ гимназіи назначенъ былъ педагогъ Бакмейстеръ. Въ протоколѣ 2 января 1766 года записано: «По исправленіи нынѣ, сколько возможно было, прежняго худаго состоянія университета и гимназіи, и по установленіи какъ ученія студентовъ и гимназистовъ, такъ и ихъ содержанія на добромъ и для будущихъ успѣховъ надежномъ состояніи, неотмѣнно требуется, дабы главнымъ надзирателемъ не только надъ ученіемъ, но и надъ поступками и благонравнымъ поведеніемъ учащагося при Академіи на казенномъ содержаніи юношества опредѣленъ былъ такой человѣкъ, который бы, живучи въ этомъ же домѣ, безпрестанно ихъ въ глазахъ своихъ имѣлъ, и являющіеся недостатки и неисправности тотчасъ поправить могъ, и притомъ бы и всю учрежденную для нихъ экономію содержалъ во всегдашнемъ добромъ порядкѣ. А какъ г-нъ профессоръ Котельниковъ, которому сіе до нынѣ поручено было, во первыхъ, отъ той должности имѣлъ себѣ великое препятствіе въ подлежащихъ ему, яко академику, ученыхъ упражненіяхъ, второе, за неимѣніемъ въ университетскомъ домѣ довольныхъ покоевъ, съ фамиліею тамъ жить не можетъ, и третіе, представленъ Правительствующему Сенату для осмотру прожектованной коммуникаціи рѣки Волги съ Дономъ, куда ожидаетъ себѣ въ скоромъ времени отправленія. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ, принявъ въ уваженіе сколь нужно, дабы въ должность инспектора надъ гимназіею и воспитываемымъ къ наукамъ юношествомъ опредѣленъ былъ человѣкъ единственно въ томъ упражняющійся, и никакимъ другимъ

дѣломъ необязанный, разсудила за необходимо нужно опредѣлить въ упомянутую инспекторскую должность впредь до указу рекомендованнаго ей, и въ воспитаніи знатныхъ отцовъ дѣтей уже довольно искусившагося юриспрудента г-на Людовика Бакмейстера».

Ученые труды Бакмейстера.

Бакмейстеръ, родомъ изъ Мекленбурга, пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Германіи въ 1762 году; тогда ему было 35 лѣтъ. Въ то время онъ извѣстенъ былъ въ ученомъ мірѣ только изданными имъ извѣстіями о бывшихъ въ Дерптѣ и Перновѣ университетахъ. Впослѣдствіи имъ переведено было на нѣмецкій языкъ нѣсколько ученыхъ сочиненій, относящихся до исторіи Россіи, имено: русская исторія Ломоносова (1768 года), жизнеописаніе фельдмаршала графа Шереметева, написанное Мюллеромъ, Дневникъ Петра Великаго (въ изданіи подъ заглавіемъ: «Beyträge zur Geschichte Peters des Grossen» 1774—1784).

Съ 1771 по 1774 года онъ издавалъ «Топографическія извѣстія, служащія для полнаго описанія Россійской Имперіи». Входя въ мысль Императрицы, занятой программою собиранія словъ для сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ, онъ напечаталъ въ 1773 года самостоятельный трудъ, подъ заглавіемъ: «Idea et desiderata de colligendis linguarum speciminibus». Самое замѣчательное его изданіе было предпринятое въ 1772 году подъ заглавіемъ: «Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland». Это былъ ученый журналъ, въ которомъ разбирались почти всѣ выходившія сочиненія, относившіяся до Россіи, какъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, такъ и переведенныя на русскій, что возможно было при маломъ числѣ существовавшихъ тогда въ Россіи типографій; онѣ были только въ шести пунктахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Оберпаленѣ, въ Эстляндіи. Въ этомъ изданіи излагалось, съ точностію и правдивостію, безъ всякой ѣдкой критики, содержаніе сочиненій о столь многочисленныхъ въ то время и столь замѣчательныхъ ученыхъ путешествіяхъ; трудовъ, относящихся до русской исторіи, до

географіи Россіи; въ немъ разсмотрѣны достойныя вниманія топографическія описанія разныхъ провинцій, географическія карты губерній, переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній на русскій языкъ, для чего Императрица учредила, какъ извѣстно, особую коммиссію, и т. п. Въ «Russische Bibliothek» помѣщались постоянно свѣдѣнія о русскихъ ученыхъ обществахъ и учебныхъ заведеніяхъ: объ Академіи Наукъ, съ краткими біографіями ея членовъ, о Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, Академіи Художествъ, Московскомъ университетѣ, съ ежегоднымъ перечнемъ читаемыхъ въ немъ лекцій, о Московской Духовной Академіи (Заиконоспасскомъ монастырѣ), о московскомъ воспитательномъ домѣ, и даже о второстепенныхъ, среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ: о греческой гимназіи въ Петербургѣ, о семинаріяхъ Тверской, Рязанской, Архангельской и т. д.; также извѣстія изъ остзейскихъ губерній. Во времена войны и общественныхъ народныхъ бѣдствій, выбирались сочиненія, которыя могли интересовать публику по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, такъ: въ первую турецкую войну приведены были сочиненія, касавшіяся до военныхъ дѣйствій, или описывавшія страны, гдѣ они происходили; во время чумы — книги, въ которыхъ эта эпидемія описана и т. п. Однимъ словомъ, не было политическаго или литературнаго явленія въ Россіи, сколько нибудь замѣчательнаго, которое не нашло бы себѣ мѣста въ этомъ изданіи, и выраженная редакторомъ въ предисловіи надежда осуществилась, что со временемъ всѣ занимающіеся исторіею просвѣщенія Россіи за этотъ періодъ времени найдутъ въ его трудѣ руководную нить, которую никогда не выпустятъ изъ рукъ. Императрица поощрила издателя пожалованіемъ ему золотой табакерки, наполненной 250 червонцами. Въ этомъ изданіи участвовали: Арндтъ (онъ помогалъ также Бакмейстеру въ переводѣ Дневника Петра Великаго), извѣстные академики Георги и Гюльденштедтъ, пасторы Гротъ и Гупель, академикъ Крафтъ, астрономъ Лексель, исторіографъ Мюллеръ, знаменитый Палласъ, акаде-

мики Штелинъ, Стриттеръ, Вольфъ и др. Въ теченіе 16-ти лѣтняго существованія этого изданія, въ немъ разобрано было 1,100 сочиненій, вполнѣ хладнокровно и безпристрастно. «Ни одинъ правдивый читатель», говоритъ Бакмейстеръ, «не станетъ отрицать, какъ теперь, такъ и впослѣдствіи, пользы этой Библіотеки: изъ нея можно почерпнуть свѣдѣнія о состояніи литературы въ Россіи начиная съ 1770 года и о постепенномъ ея ростѣ, объ укорененіи въ странѣ различныхъ отраслей знанія, о бо̀льшей части вышедшихъ сочиненій и брошюръ, о самыхъ писателяхъ и ихъ занятіяхъ, и о столь многихъ другихъ предметахъ достойныхъ вниманія. Въ этой библіотекѣ собраны данныя, которыя впослѣдствіи трудно будетъ отъискать; даже теперь нѣкоторыя довольно замѣчательныя литературныя произведенія уже всѣ разошлись, и едва-ли не въ одной этой Библіотекѣ останется ихъ слѣдъ». Все это совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію, въ 1788 году Бакмейстеръ долженъ былъ прекратить свое полезное изданіе, за недостаткомъ денежныхъ средствъ: ему нужно было нѣсколько сотъ рублей въ годъ, для покупки разбираемыхъ имъ книгъ, и никто не пришелъ ему на помощь.

Ознакомившись съ гимназіею, Бакмейстеръ представилъ въ августѣ 1766 года записку о положеніи, въ которомъ онъ ее нашелъ [1]. Тогда въ ней было 88 учениковъ, изъ нихъ 30 пансіонеровъ и 58 приходящихъ. Такъ какъ по возрасту они были чрезвычайно различны и притомъ такъ называемые вольные ученики, могли учиться чему хотѣли, смотря по будущему ихъ предназначенію, то приходилось подраздѣлять классы по языкамъ отъ трехъ до пяти отдѣленій, а по наукамъ отъ двухъ до трехъ. Соотвѣтственно съ этимъ, недоставало учителей: ихъ всего было 15. Притомъ многіе изъ нихъ жили далеко отъ гимназіи, и почти всѣ получали незначительное содержаніе: самый большой окладъ былъ въ 400 руб., почему учителя должны были искать другихъ

[1]) См. приложеніе 4.

оплачиваемыхъ занятій. Самое зданіе гимназіи было до того тѣсно, что одинъ классъ помѣщался въ столовой. Бакмейстеръ просилъ увеличить число учителей, прибавить имъ жалованье, или же дать казенныя квартиры вблизи гимназіи, гдѣ жили только три надзирателя. Ходатайство Бакмейстера не было уважено.

По этому курсъ гимназіи оставался тотъ же. Однако, въ нее принимали учениковъ нѣсколько подготовленныхъ, по крайней мѣрѣ, знавшихъ русскую грамоту. Это видно изъ слѣдующаго протокола: «Іюля отъ 28 числа сего 1765 года, при указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената въ канцелярію Академіи Наукъ присланъ представленный въ Герольдію недоросль Варламъ Менделеевъ, для опредѣленія при Академіи въ положенное число, по именному Ея Императорскаго Величества Высочайшему декабря 15 числа прошлаго 1763 года о штатахъ указу, учениковъ на казенное содержаніе, который и посланъ былъ въ гимназію на пробу на два мѣсяца. А репортомъ г-нъ профессоръ и гимназіи инспекторъ Котельниковъ объявилъ, что оный недоросль Менделеевъ россійской грамотѣ не обученъ, *а въ гимназіи такихъ классовъ, гдѣ бы обучали россійской грамотѣ не имѣется*, и представлялъ, чтобъ его прежде обучить россійской грамотѣ, и потомъ смотрѣть на способность къ другимъ языкамъ и наукамъ. Почему призванъ былъ въ канцелярію типографіи факторскій помощникъ Федотъ Невской, и приказано ему, чтобъ онъ его Менделеева, для обученія россійской грамотѣ, читать и писать, также и содержать пищею и одеждою, взялъ въ свое смотрѣніе, съ тѣмъ что производимо ему будетъ за все оное по 3 руб. на мѣсяцъ, на что онъ Невской и согласился».

Составъ гимназическихъ учителей продолжалъ пополняться студентами университета, но иногда они обязывались не прерывать своего университетскаго курса. Такъ въ январѣ 1766 года инспекторъ студентовъ, профессоръ Румовскій представилъ, что студентъ Антоновъ «къ продолженію наукъ въ университетѣ охоты болѣе не имѣетъ, а желаетъ быть при гим-

назіи учителемъ математическаго класса, пока заблагоразсуждено будетъ опредѣлить его къ другой какой должности. Студентомъ находится съ 1763 года. Приказали: упомянутому студенту Семену Антонову, по засвидѣтельствованію о способности его господъ профессоровъ Котельникова и Румовскаго, быть въ должности учителя математическаго класса, и изъ университета выключить, ... а чтобы онъ къ ученію въ гимназіи математическихъ наукъ тѣмъ больше могъ сдѣлать себя способнымъ, то ему, по прежнему, ходить на математическія и физическія лекціи, и сверхъ того, стараться собственнымъ упражненіемъ и читаніемъ, по совѣту профессоровъ, полезныхъ о сихъ наукахъ книгъ пріобрѣсть большее въ томъ совершенство, и когда черезъ годъ какъ о прилежаніи и дальнѣйшихъ успѣхахъ, такъ и добропорядочныхъ поступкахъ представитъ себѣ атестаты, тогда опредѣленъ будетъ и настоящимъ учителемъ».

Конректоръ Стриттеръ (1766 года).

Бакмейстеръ старался однако улучшить преподавательскій персоналъ гимназіи по крайней мѣрѣ по главнымъ предметамъ гимназическаго курса, то есть филологическимъ, и, послѣ смерти конректора гимназіи Герасимова, представилъ о необходимости, «для ученія юношества словеснымъ наукамъ и языкамъ, выписать изъ чужихъ краевъ конректора, съ жалованьемъ по 360 рублевъ въ годъ, и съ выдачею ему на проѣздъ 100 рублевъ». Объ этомъ написано было въ Геттингенъ Шлецеру, и по его рекомендаціи, Стриттеръ опредѣленъ былъ конректоромъ. Уроженецъ городка Идстейна, въ Нассау-Зигенѣ, онъ пріѣхалъ въ Россію совершенно молодымъ человѣкомъ, ему было 26 лѣтъ отъ роду, но онъ уже прошелъ весьма основательный филологическій курсъ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ и посвятилъ себя спеціально изученію византійской исторіи. Съ 1771 по 1779 годъ онъ напечаталъ въ Петербургѣ, въ четырехъ большихъ томахъ, на лытынскомъ языкѣ, замѣчательное свое сочиненіе: «Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium et inde magis ad septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae by-

zantinae erutae et digestae ab Ioanne Gottlieb Strittero»; сокращеніе этого сочиненія, относящееся до русской исторіи, сдѣлано было на русскомъ языкѣ Свѣтовымъ, и напечатано въ 1774 году подъ заглавіемъ: «Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія исторію россійскую древнихъ временъ и переселенія народовъ». Въ 1779 году Стриттеръ переведенъ былъ на службу въ Московскій Архивъ Иностранной Коллегіи, а въ 1783 году, послѣ смерти Мюллера, назначенъ былъ начальникомъ этого Архива.

Увольненіе Бакмейстера отъ должности въ 1767 году.

Едва прошелъ годъ со времени назначенія Бакмейстера инспекторомъ гимназіи, какъ академическая канцелярія, неизвѣстно почему, отрѣшила его отъ должности; въ протоколѣ 6 февраля 1767 года лаконически сказано, что нѣкоторые учители были излишни, «потому оныхъ отпустить... а именно: инспектора Бакмейстера, учителей Михайлу Студинскаго, Меллера и Готфрена».

Порученіе гимназіи въ завѣдываніе Фишера (1767 года).

Четыре дня спустя, именно 10 февраля, объявлено было такое распоряженіе: «Для лучшаго распорядка ученія, въ академической гимназіи быть главнымъ инспекторомъ г-ну профессору Фишеру; чего ради какъ ректору Киницу, такъ и прочимъ учителямъ, кромѣ уволенныхъ, завтрешній день по утру собраться всѣмъ въ классы, гдѣ объявить имъ сочиненное расположеніе, по которому какъ ректору, такъ и учителямъ поступать во всемъ непремѣнно, и оному г-ну Фишеру быть послушнымъ». Еще черезъ четыре дня, 14 февраля, предписывалось: «г-ну профессору Фишеру дать ордеръ, чтобъ учители, по предписанному штату, начали ученіе съ понедѣльника первой недѣли великаго поста, а вмѣсто того, дана имъ будетъ свобода на третьей недѣли». Что была за причина такой необычайной, лихорадочной дѣятельности академической канцеляріи, заставившей даже учить и учиться, когда обыкновенно говѣли и уроковъ не бывало, остается неизвѣстнымъ. Канцелярія поторопилась въ то же время усилить пріемныя требованія для поступленія въ гимназію: «къ г-ну профессору Фишеру», записано въ

протоколѣ 26 февраля, «послать ордеръ, которымъ велѣть, чтобъ въ гимназію принимать для ученія такихъ, которые бы знали не только что одну россійскую грамоту хорошо, да чтобъ умѣли хотя нѣсколько читать на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, то есть на латынскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ, дабы ученіе происходило съ желаемымъ успѣхомъ и пользою».

Увольненіе Стриттера (1767 года).

14 марта уволенъ былъ и Стриттеръ отъ «надзиранія за учениками», то есть отъ конректорства, подъ предлогомъ его занятій византійскою исторіею.

Сталъ Фишеръ водворять порядокъ въ гимназіи. «Г-нъ профессоръ Фишеръ», читаемъ въ протоколѣ 12 іюня, «словесно въ коммиссіи представлялъ, что находящіеся у смотрѣнія надъ большими гимназистами учители Шульцъ и Петровской почасту со двора отлучаются, а гимназисты, оставаясь безъ присмотру, дѣлаютъ непристоинства и шалости, и не порѣдку приходятъ къ нимъ посторонніе люди. Почему въ коммиссіи разсуждено означеннымъ учителямъ чрезъ инспектора Киница подтвердить, чтобъ они оба въ одно время со двора не сходили, и гимназистовъ безъ присмотру не оставляли; а если кому либо случится нужда, то сходить одному, а другому оставаться дома, и за всѣми гимназистами имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе, чтобъ они никакихъ шалостей и непристоинства не дѣлали и ни съ кѣмъ съ посторонними людьми сообщенія не имѣли, о чемъ и гимназистамъ объявить».

Мѣры, принятыя Фишеромъ, не только не упорядочили гимназіи, но еще болѣе ее разстроили; 23 октября случилось небывалое въ ней явленіе: гимназисты подожгли гимназію. Въ протоколѣ 25 октября записано такъ: «По поданнымъ отъ ректора Киница и экзекутора Герасимова репортамъ о учинившемся въ академическомъ Строгоновскомъ домѣ, гдѣ гимназія, сего октября 23 числа, то есть во вторникъ къ вечеру, пожарѣ оказалось, что зажигали гимназисты Тихонъ Шпилевскій и Василій Замараевъ. Разсуждено какъ оныхъ гимназистовъ, также буде отъ нихъ показано будетъ на другихъ кого, то и

оныхъ допросить въ присутствіи, а если дойдетъ и до очныхъ ставокъ, то и оныя дать, и потомъ, учиня изъ того экстрактъ, съ надлежащимъ обстоятельствомъ, послать на разсмотрѣніе, съ требованіемъ резолюціи, къ его сіятельству графу Володимеру Григорьевичу Орлову при репортѣ. Между тѣмъ: 1) упомянутыхъ гимназистовъ Шпилевскаго и Замараева содержать подъ крѣпкимъ карауломъ при коммиссіи, а прочихъ, до кого касаться будетъ, со двора спущать не велѣть, и 2) для предосторожности впредь какъ отъ подобнаго сему злодѣянія, такъ и для другихъ обстоятельствъ, поставить караулъ, сверхъ находящагося у воротъ того двора и въ сѣняхъ, и о томъ экзекутору приказать». Эти два гимназиста и еще три ученика были исключены изъ гимназіи.

Грубость нравовъ учениковъ гимназіи всюду проявлялась: они царапали другъ друга, рвали свою одежду и т. п. Наказанія, на нихъ налагаемыя, были столь же грубы какъ ихъ поступки: ихъ сѣкли розгами, и налагать такое наказаніе предоставлено было наконецъ каждому изъ надзирателей. Въ протоколѣ 16 января 1768 года записано: «Сего числа въ присутствіи гимназіи учитель Петровскій представилъ нѣсколько изодранныхъ тулуповъ, которые вновь сдѣланы, и взрослымъ гимназистамъ розданы только еще три недѣли, то есть минувшаго декабря 24 числа и требовалъ, чтобъ оные приказано было починить. Но какъ коммисія усмотрѣла, что овчины оныхъ такъ изодраны, что другихъ и починить почти не можно, а, по призывѣ тѣхъ гимназистовъ, чьи тулупы, усмотрѣно, что и лица у нихъ изцарапаны, да и платье изорвано, что происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ чрезвычайной ихъ рѣзвости и небреженія, въ чемъ какъ они, такъ и учители ихъ не меньше виновны, потому что рѣзвости гимназистовъ происходятъ отъ ихъ слабаго и неприлежнаго смотрѣнія: того ради разсуждено учинить: 1) всѣхъ тѣхъ гимназистовъ, у которыхъ тулупы чрезъ такое короткое время изодраны, во первыхъ, наказать розгами, при собраніи прочихъ гимназистовъ, и сверхъ того, выдержать каждаго за

штрафнымъ столомъ въ обѣдъ и ужинъ на хлѣбѣ и водѣ по три дни; во вторыхъ, въ отвращеніе впредь происходимыхъ рѣзвостей и непорядочнаго житія, дозволяется гимназистовъ наказывать, по разсмотрѣнію винъ, собственно учителямъ; ибо имъ, какъ они живутъ въ однихъ съ ними покояхъ, всегдашніе поступки ихъ видимы, и ректору Киницу усмотрѣть всего не можно. А гимназистамъ объявить, чтобъ они учителямъ во всемъ были послушны и ничего безъ ихъ воли не дѣлали; да и учителямъ объявить же съ крѣпкимъ выговоромъ, чтобъ за гимназистами имѣли крѣпкое во всемъ смотрѣніе, а въ противномъ случаѣ взыскано будетъ на нихъ. И о томъ за извѣстіе какъ къ г-ну профессору Фишеру, такъ и ректору Киницу дать съ сего копіи».

Увольненіе Киница отъ ректорства (1768 года).

За всѣ эти безпорядки Киницъ уволенъ былъ отъ должности. «Ректора Киница», сказано въ протоколѣ 21 февраля, «котораго поступками въ гимназіи коммиссія будучи недовольна, разсудила отъ Академіи его уволить, а въ квартирѣ пробыть ему дозволяетъ не далѣе недѣли, по которое время и жалованье ему произвесть, да сверхъ того, выдать ему еще на мѣсяцъ. А надъ гимназистами имѣть смотрѣніе учителямъ Петровскому и Шульцу».

Увольненіе Фишера и назначеніе Бакмейстера вновь инспекторомъ гимназіи (1768 года).

Фишеръ также освобожденъ былъ отъ управленія гимназіею. Пришлось вновь обратиться къ Бакмейстеру.

Не желая зависѣть отъ произвола академической коммиссіи, уже разъ лишившей его безпричинно должности, Бакмейстеръ рѣшился вновь принять ее не иначе, какъ на основаніи особеннаго письменнаго условія. По этому контракту, всѣ учителя и ученики подчинялись исключительно инспектору, который зависѣлъ только отъ Академіи, и кромѣ нея не долженъ былъ имѣть другаго начальства; Бакмейстеру же предоставлялось и самое устройство гимназіи[1]).

---

[1]) См. Приложеніе 5.

Отправленіе гимназистовъ въ ученыя экспедиціи (1768 года).

Бакмейстеръ обратилъ особое вниманіе на старшій классъ гимназіи. Въ 1768 году 16 гимназистовъ отправлены были въ ученыя экспедиціи, въ помощь академикамъ, предпринявшимъ изслѣдованіе восточнаго края имперіи: губерній Оренбургской и Астраханской. Во главѣ этихъ экспедицій были академики Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гильденштетъ и Фалькъ. Гмелину дано было четыре гимназиста, остальнымъ академикамъ по три, въ томъ числѣ весьма замѣчательный впослѣдствіи академикъ Озерецковскій прикомандированъ былъ къ Лепехину.

Университетскій курсъ въ гимназіи (1770 года).

Въ 1770 году Бакмейстеръ ввелъ для лучшихъ учениковъ старшаго класса университетское преподаваніе, на латынскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, начальныхъ основаній математики и прикладныхъ ея частей, также естественныхъ наукъ, и призналъ способными къ слушанію этихъ лекцій, возложенныхъ на академиковъ, только шесть гимназистовъ, которые должны были продолжать изучать въ гимназіи латынскій языкъ и логику. «Для поданія представленнымъ отъ инспектора Бакмейстера гимназистамъ общаго понятія о наукахъ, въ которыхъ они при Академіи впредь упражняться должны», сказано въ протоколѣ 17 февраля, «учредить, на латынскомъ или нѣмецкомъ языкѣ лекціи, въ коихъ начальныя основанія математики, также и прочихъ ея прикладныхъ частей, какъ то: механики, оптики, вообще взятой, и астрономіи преподавать имъ адъюнкту Лекселю, исторіи натуральной, академику Гертнеру, химіи, академику Вольфу. И оныя лекціи продолжать имъ по два раза въ недѣлю, употребляя на каждую лекцію по одному часу. А въ какіе точно дни и часы, о томъ согласиться имъ между собою. Но при томъ продолжать онымъ гимназистамъ обучаться еще далѣе въ гимназіи чистотѣ латынскаго языка, также и логикѣ, которымъ обучать ихъ инспектору Бакмейстеру. Къ слушанію же оныхъ лекцій за способныхъ признаются слѣдующіе гимназисты (6 фамилій). А (7 гимназистовъ, поименованныхъ по фамиліямъ), поелику онѣ, за слабостію ихъ въ помянутыхъ языкахъ, слушать оныхъ лекцій съ надлежащимъ успѣхомъ еще не въ состояніи,

оставить по прежнему на нѣкоторое еще время въ гимназіи, для сниксанія въ оныхъ языкахъ и въ прочихъ словесныхъ наукахъ большаго знанія».

Въ слѣдующемъ 1771 году предположено было расширить этотъ курсъ, почему и предложено было Бакмейстеру «сдѣлать планъ чему, когда и сколько часовъ обучаться имъ у академиковъ, и подать оный въ коммиссію на разсмотрѣніе».

Бакмейстеръ представилъ такое распредѣленіе лекцій: 1) математическія по два раза въ недѣлю, и на каждую лекцію по два часа, поручить академику Лекселю; 2) лекціи по естественной исторіи читать академикамъ Вольфу или Лаксману три раза въ недѣлю, выбравъ для нихъ такіе дни, въ которые гимназисты не имѣли уроковъ послѣ обѣда; 3) на преподаваніе теоретической физики, пока не будутъ изготовлены инструменты для экспериментальной, употреблять два часа въ недѣлю, а когда инструменты будутъ готовы, то четыре часа въ два дня. Физику долженъ былъ преподавать академикъ Крафтъ. Академическая коммиссія утвердила этотъ планъ преподаванія, прибавивъ: «остающіеся за симъ расположеніемъ въ разсужденіи оныхъ шести гимназистовъ прочіе часы въ недѣлю для гимназическихъ упражненій оставить на распоряженіе инспектора Бакмейстера, которому при томъ наказать, чтобы онъ въ расположеніе оныхъ часовъ для гимназическихъ упражненій наипаче смотрѣлъ на латынскій языкъ и рисованіе, поелику прочія въ гимназіи упражненія для тѣхъ шести гимназистовъ не столь уже нужны, какъ для прочихъ. Впрочемъ, которые часы и на какія именно упражненія назначитъ онъ имъ, о томъ подать ему въ коммиссію репортъ». Самые дни и часы для лекцій, равно какъ и учебныя руководства предоставлено было избрать самимъ преподававшимъ академикамъ. При этомъ было сдѣлано одно только замѣчаніе: «въ разсужденіи представленія г. академика Вольфа, чтобы обучать оныхъ гимназистовъ препараціямъ, или самой практикѣ анатомической, объявить ему г. Вольфу, чтобы онъ не упражнялъ ихъ въ оной практикѣ, но показалъ бы имъ нынѣ начальныя

только теоретическія основанія сей науки, не вступая въ дальнія ея тонкости; то жь ему г. Вольфу дать знать и въ разсужденіи ботаники, то есть, чтобы онъ принялъ на себя трудъ показать имъ ея первыя начала, дабы они могли получить хорошее объ оныхъ наукахъ понятіе».

Этимъ шести гимназистамъ даны были шпаги, какія носили тогда студенты университета, «въ знакъ ихъ отличнаго предъ прочими своими товарищами знанія въ наукахъ, также и для поощренія ихъ къ большимъ въ оныхъ успѣхамъ». Имъ отведено было въ гимназіи и особое помѣщеніе, во флигелѣ», «чтобъ они могли спокойнѣе упражняться въ ихъ ученіи».

Въ 1772 году потребовано было отъ этихъ гимназистовъ, чтобы сдѣлали письменныя заявленія къ какому именно изъ преподаваемыхъ имъ предметовъ они чувствуютъ болѣе склонности, и какою наукою желали бы заниматься впослѣдствіи, а отъ профессоровъ извѣщенія «какъ они находятъ вышеупомянутыхъ гимназистовъ въ разсужденіи ихъ прилежности и успѣховъ въ преподаваемыхъ имъ наукахъ, и которые изъ нихъ оказываютъ къ онымъ больше склонности и способности».

Между тѣмъ эти гимназисты уволены были отъ уроковъ математики въ гимназіи, а дабы они могли продолжать учиться латынскому языку и рисованію, преподаваніе коихъ совпадало иногда съ профессорскими лекціями, часы этихъ лекцій были измѣнены. Вообще, академическая коммиссія держалась и впослѣдствіи строго правила, чтобы уроки, назначенные въ гимназіи, не пропускались изъ за лекцій, и отказывала тѣмъ изъ профессоровъ, которые предполагали назначить свои чтенія въ дни и часы, опредѣленные для ихъ слушателей на уроки въ гимназіи.

Въ 1773 году поручено было академику Лаксману упражнять этихъ гимназистовъ въ лѣтнее время ботаникою, осенью же и зимою они должны были ходить на анатомическія лекціи къ академику Вольфу. Крафтъ отдѣлялъ нѣсколько часовъ въ недѣлю, изъ положенныхъ для преподаванія физики, на алгебру, для тѣхъ «кои въ состояніи слушать оную на латынскомъ языкѣ».

Въ 1775 году за академикомъ Крафтомъ оставлены математическія лекціи, а физическія перешли къ адъюнкту Иноходцову; въ томъ же 1775 году лекціи Крафта и Иноходцова обращены были въ публичныя, въ аудиторіи гимназіи, причемъ Иноходцову вмѣнено было директоромъ Домашневымъ въ обязанность читать по французски. Химію преподавалъ академикъ Лаксманъ. Лаксманъ читалъ курсъ ботаники только одинъ годъ, и въ 1774 году замѣненъ былъ Лепехинымъ. Въ полное распоряженіе Лепехина отданъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ботаническій садъ. Въ протоколѣ 30 апрѣля записано: «Его сіятельство дѣйствительный камергеръ и Академіи Наукъ г. директоръ графъ Володимеръ Григорьевичъ Орловъ приказалъ: преподаваніе ботаническихъ лекцій для гимназистовъ, которые къ слушанію оныхъ способность и охоту имѣютъ, поручить г. академику Лепехину. А какъ оныя лекціи должно необходимо преподавать въ самомъ ботаническомъ саду, да и г. академикъ Вольфъ, въ смотрѣніе котораго порученъ былъ оный садъ на время, до возвращенія котораго либо изъ путешествующихъ господъ профессоровъ натуральной исторіи, сверхъ надлежащей его должности по анатомическому театру, довольно также упражненъ надзираніемъ при кунсткамерѣ, надъ анатомическими и другими натуральными вещами, то отдать оный садъ въ полное и непосредственное смотрѣніе его же г-на академика Лепехина, съ тѣмъ, чтобы онъ, разсмотрѣвъ немедля тотъ садъ, въ какомъ оный найдетъ состояніи и какія средства къ поправленію и приведенію онаго въ надлежащій порядокъ признаетъ за лучшія, представилъ бы о томъ коммисіи».

Лучшимъ изъ этихъ, такъ сказать, гимназистовъ - студентовъ, объявившимъ, что они желаютъ «посвятить себя единственно наукамъ», дозволялось слушать не весь очерченный выше курсъ, а избрать одинъ изъ него предметъ по своему желанію, и тогда они поручались профессору этой науки; такъ Головинъ, заявившій, что «чувствуетъ въ себѣ особливую склонность и охоту къ физикѣ», отданъ былъ академику Крафту, Флоринскій и

Леманъ, для изученія химіи, Лаксману, Галченко, намѣревавшійся посвятить себя анатоміи — академику Вольфу. Иногда они обязывались изучать двѣ сродныя науки, а болѣе слабые изъ нихъ даже ходить на уроки въ гимназію.

Для этихъ гимназистовъ придумано было особое наименованіе: ихъ назвали *элевами*. Въ протоколѣ 23 октября 1773 года записано: «старшаго гимназиста Михайла Головина, поелику онъ изъ общества гимназистовъ уже вышелъ, переименовать элевомъ, и впредь писаться ему симъ званіемъ и о томъ ему объявить».

Элевъ Моисеенковъ отправленъ былъ въ 1774 году, для усовершенствованія себя въ химіи, въ Фрейбургскую горную Академію. «Элева Федора Моисеенкова», записано въ протоколѣ 29 сентября, «въ разсужденіи особливой его охоты къ химіи, а наипаче металлургической, тако жъ и въ разсужденіи хорошихъ о немъ господъ академиковъ, у которыхъ онъ понынѣ слушалъ лекціи, свидѣтельствъ, что онъ, Моисеенковъ, по отмѣнной его склонности и способности къ физическимъ наукамъ, конечно достигнетъ въ оныхъ до того степени совершенства, какой требуется, послать, по примѣру отправленныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ отъ Академіи студентовъ, въ иностранные университеты, и именно въ Фрейбургскую горную Академію, что въ Мисніи, какъ такое мѣсто, которое къ достиженію его намѣренія признано на первый случай предъ прочими за удобнѣйшее..... А потому, какъ онъ, Моисеенковъ, положитъ въ помянутой Фрейбургской Академіи довольное основаніе въ металлургической химіи, списаться съ пребывающимъ отъ здѣшняго двора въ Вѣнѣ полномочному министру князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, и просить Его Сіятельство, чтобъ онъ, для пріобрѣтенія ему, Моисеенкову, большаго въ металлургической наукѣ совершенства, исходатайствовалъ у тамошняго двора дозволенія обучаться оной наукѣ въ Шемницѣ у г. Генкеля».

Кромѣ казеннокоштныхъ гимназистовъ, профессорскія лекціи

дозволялось посѣщать и вольноприходящимъ ученикамъ гимназіи, но желающихъ ихъ слушать было очень мало.

Такой сокращенный университетскій курсъ, низведенный въ среднее учебное заведеніе, и притомъ только для весьма немногихъ учениковъ, не могъ быть полезенъ: онъ не произвелъ ни одного сколько нибудь извѣстнаго ученаго, а гимназіи повредилъ, потому что сосредоточилъ на себя все вниманіе инспектора, который занимался этимъ высшимъ классомъ гораздо болѣе, чѣмъ самою гимназіею. Нельзя не признать, что торопливое окончаніе гимназическаго ученія нѣсколькими учениками, для сообщенія имъ наскоро нѣкоторыхъ энциклопедическихъ и неполныхъ научныхъ свѣдѣній, какъ анатоміи безъ анатомическихъ препаратовъ, и т. п. было педагогическою ошибкою Бакмейстера: этимъ портились разомъ какъ гимназическое ученіе, такъ и университетскій курсъ, а всего болѣе, какъ сказано, сама гимназія, на которой Бакмейстеръ не имѣлъ времени сосредоточиться, особенно при своихъ литературно-ученыхъ занятіяхъ.

Несомнѣнно было желаніе повысить гимназическій курсъ, и съ этою цѣлію напечатано было въ газетахъ сдѣланное уже прежде распоряженіе, что въ гимназію принимаются только мальчики, умѣющіе уже читать и писать по русски. Со времени назначенія Бакмейстера инспекторомъ гимназіи, ежегодно поручалось академикамъ производить экзаменъ гимназистовъ два раза въ годъ: въ іюнѣ и декабрѣ, оттого и назывались эти экзамены: лѣтній и зимній [1]).

---

[1]) Экзамены производили академики: въ 1769 году лѣтній — Котельниковъ и Альбрехтъ Эйлеръ, зимній 1769 года и въ 1770 году Фишеръ и Вольфъ, «потому что они, бывши при послѣднемъ оныхъ гимназистовъ экзаменѣ, могутъ лучше разсудить и о учиненныхъ ими съ того времени успѣхахъ». Въ 1771 году лѣтній — Фишеръ, Румовскій, Вольфъ и Крафтъ. Въ 1772 году (лѣтній и зимній) Альбрехтъ Эйлеръ и Румовскій. Въ 1773 году лѣтній — Румовскій и Лексель, зимній — Котельниковъ, Румовскій, Лаксманъ и Лексель. Въ 1774, 1775, 1776 и 1777 годахъ Лепехинъ, Крафтъ и Лексель. Въ 1777 году велѣно было объявить учителямъ гимназіи, чтобъ они представили въ коммисію «свои методы, какія они употребляютъ въ обученіи ихъ учениковъ».

При Бакмейстерѣ обращено было вниманіе и на учителей. Въ протоколѣ 28 октября 1769 года читаемъ: «Инспектору Бакмейстеру на представленіе его о гимназическихъ учителяхъ, что они, не давая ему знать на передъ, отлучаются отъ дѣлъ своихъ въ учебные дни, приказать, чтобы онъ, сдѣлавъ для сихъ случаевъ мѣсячныя табели, какія прежде сего при гимназіи бывали, записывалъ въ оныя тѣхъ учителей, которые не бываютъ въ надлежащее время при своихъ должностяхъ, и оныя табели, по прошествіи каждаго мѣсяца, подавалъ бы въ коммисію; а учителямъ, между тѣмъ, объявить, что съ тѣми, которые изъ нихъ, не взявъ отъ него Бакмейстера напередъ позволенія, отлучаться будутъ впредь отъ своихъ дѣлъ въ учебные дни, какія бы тому причины не были, поступлено будетъ по данному оному Бакмейстеру отъ бывшей академической канцеляріи прошлаго 1766 года въ іюлѣ мѣсяцѣ указу».

И до этого постановленія академической коммисіи, совершенно негодныхъ учителей увольняли; такъ въ протоколѣ 10 декабря 1768 года прописано: «Гимназическаго учителя Ивана Прыткова, за непорядочные его поступки и ослушаніе командѣ, отрѣшить отъ Академіи, прописавъ сію причину его отрѣшенія и въ его отпускѣ». Но составъ учителей мало измѣнился: набирались они, по большей части, по прежнему, изъ недоучившихся студентовъ.

Назначеніе Стриттера вновь конректоромъ (1771 года).

Конректоромъ гимназіи былъ Петровскій, а по смерти его, назначенъ былъ въ 1771 году на эту должность опять Стриттеръ.

Бакмейстеръ настаивалъ на прежнемъ своемъ представленіи о необходимости увеличить число учителей, и прибавить содержаніе преподавателямъ, но и на этотъ разъ тщетно: академическая коммисія дала уклончивое и неудовлетворительное рѣшеніе. «Въ разсужденіи представленія инспектора Бакмейстера», сказано въ протоколѣ 19 мая 1770 года, «о поправленіи нѣкоторыхъ недостатковъ въ гимназическихъ классахъ, какъ вновь учителей принять, также и нынѣшнимъ прибавить жалованья, до возвращенія Его Сіятельства Академіи Наукъ господина дирек-

тора графа Владиміра Григорьевича Орлова не можно. Послать къ нему г. Бакмейстеру копіи съ контрактовъ нынѣшнихъ учителей, чтобъ онъ ихъ разсмотрѣлъ: не найдетъ ли онъ у сихъ учителей праздныхъ нынѣ часовъ, которые они по контрактамъ ихъ должны употребить на обученіе гимназистовъ, и не можно ли тѣ часы расположить такъ, чтобы оными дополнить показанные имъ г. Бакмейстеромъ въ оныхъ классахъ недостатки, и потому, сдѣлавъ въ тѣхъ часахъ распоряженіе, представилъ бы оное въ коммисію на разсмотрѣніе».

Новые иностранные языки преподавались гимназистамъ несовмѣстно, а одинъ послѣ другаго, и при этомъ наблюдалось педагогическое правило, чтобы не затруднять учащихся изученіемъ разомъ нѣсколькихъ языковъ, и достаточно ознакомившись уже съ латынскимъ. 22 іюня 1771 года академическая коммисія постановила: «Что же касается до обученія французскому яыку необучавшихся еще оному гимназистовъ, то велѣть ему (Бакмейстеру) оному обучать тѣхъ изъ нихъ, которые пріобрѣли уже довольное знаніе въ нѣмецкомъ языкѣ, наблюдая при томъ прежнее въ разсужденіи сего установленіе, то есть, чтобы обученіемъ трехъ языковъ вдругъ не обременять памяти учащихся».

Преподаваніе въ гимназіи Закона Божія производилось, какъ мы видѣли, перемѣнными законоучителями; такъ и въ 1769 году петербургскою духовною консисторіею назначены были два ключаря Петропавловскаго собора, и велѣно имъ «съ перемѣною, быть погодно». Наконецъ, 13 сентября 1770 года состоялось слѣдующее постановленіе: «Для обученія гимназистовъ въ учрежденномъ при Академіи училищѣ Закону Божію и для исправленія другихъ потребъ полезнѣе для Академіи имѣть постояннаго іеромонаха, который бы могъ при томъ отправлять для нихъ по праздничнымъ и торжественнымъ днямъ и Божію службу, нежели какъ то по сіе время было, обучающихъ только перемѣнныхъ священниковъ. Къ сему потребно также имѣть при ономъ училищѣ и церковь, но которой не зная точно, что для оной надобно,

самой Академіи устроить не можно. И для того требовать напередъ отъ Святѣйшаго Сѵнода, для исправленія всѣхъ оныхъ дѣлъ, знающаго и кроткаго іеромонаха, который бы потомъ могъ учредить и самую церковь. А какъ коммисія способнымъ къ тому признаетъ находящагося нынѣ при Академіи Художествъ іеродіакона Кирилла, тѣмъ наипаче, что онъ, упражнялся тамъ въ обученіи малолѣтнихъ воспитанниковъ, пріобрѣлъ уже безъ сумнѣнія не малую къ тому способность, то подать въ Святѣйшій Синодъ доношеніе, чтобъ онъ, производя онаго іеродіакона Кирилла въ іеромонахи, опредѣлилъ его въ Академію Наукъ, для исправленія помянутой должности». Кириллъ былъ посвященъ въ іеромонахи, и назначенъ законоучителемъ въ гимназіи, гдѣ онъ устроилъ и церковь. Но вскорѣ Кириллъ умеръ, и Сѵнодъ затруднился пріискать ему преемника изъ чернаго духовенства, по недостатку въ немъ богословски образованныхъ монаховъ, почему Академія просила назначить законоучителя хоть изъ бѣлаго духовенства. «Хотя Св. Пр. Сѵнодъ», сказано въ протоколѣ 29 сентября 1774 года, «по поданному въ оный за шесть мѣсяцевъ уже предъ симъ, и послѣ того не однократно повторенному коммисскому прошенію, для обученія воспитываннаго при Академіи юношества Закону Божію, и для исправленія при томъ другихъ духовныхъ требъ, обѣщалъ, на мѣсто умершаго іеромонаха Кирилла, прислать другаго способнаго къ тому іеромонаха, однако онаго, за недостаткомъ нынѣ таковыхъ въ иноческомъ чинѣ людей, и по сіе время не прислалъ, и по той же причинѣ присылкою онаго, какъ видно, можетъ продлить еще не малое время, а между тѣмъ, воспитанники при гимназіи остаются безъ обученія Закону Божію, и безъ хожденія въ церковь, то послать въ оный Св. Синодъ вновь доношеніе, и онымъ просить, чтобы благоволилъ вмѣсто іеромонаха, прислать хотя изъ свѣтскихъ способнаго къ тому священника». Законоучителемъ назначенъ былъ священникъ Самойловъ.

Утренніе учебные часы въ гимназіи, какъ мы видѣли, назначены были зимою отъ 8-ми до 12-ти, а лѣтомъ отъ 7-ми до

11-ти часовъ. Въ 1772 году введено было преподаваніе какъ лѣтомъ, такъ и зимою, съ 8-ми до 12-ти.

Составъ учащихся былъ, по прежнему, мало удовлетворительный: кромѣ дѣтей изъ низшихъ сословій, гимназію стали наполнять, какъ въ давнее время, семинаристами, въ особенности изъ Тверской и Псковской семинарій, по назначенію мѣстныхъ преосвященныхъ; 14 ноября 1767 года графъ В. Г. Орловъ писалъ Сvноду: «Академіи настоитъ теперь нужда въ молодыхъ людяхъ отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, а не болѣе, поведенія добраго и незадорнаго, и разумѣющихъ латынскій языкъ, то прошу Св. Правит. Синодъ не угодно ли будетъ приказать дать Академіи таковыхъ качествъ пять человѣкъ изъ Иконоспасской Академіи, десять изъ Троицкой Сергіевой лавры, семь изъ Тверской и пять изъ Псковской семинаріевъ». Эти семинаристы, по большей части, оставались недолго въ гимназіи.

При такомъ контингентѣ учащихся, Академическая коммисія находила необходимымъ сколь можно бдительнѣе наблюдать за ними; потому 2 марта 1771 года состоялось такое постановленіе: «Инспектору Бакмейстеру приказать, чтобы онъ взрослыхъ казенныхъ гимназистовъ, для свиданія съ ихъ родителями, однихъ, и больше одного раза въ мѣсяцъ не выпускалъ со двора, и то тогда только, когда родители ихъ сами за ними придутъ, или пришлютъ отъ себя надежныхъ людей, только не холопей, и приводили бы ихъ назадъ родители сами, или бы присылали ихъ съ тѣми же надежными людьми, съ которыми онѣ отпущены будутъ, а съ холопями не отпускать». Эта стѣнительная для гимназистовъ мѣра была вскорѣ отмѣнена. «За нѣсколько дней передъ симъ опредѣлено было», сказано въ протоколѣ 13 апрѣля, «чтобы взрослыхъ гимназистовъ, для свиданія съ ихъ родителями и сродственниками однихъ и болѣе одного раза въ мѣсяцъ со двора не отпускать. Но какъ въ разсужденіи представленныхъ отъ инспектора Бакмейстера причинъ, отъ строгаго такого ограниченія могутъ иногда произойти вредныя для оныхъ гим-

назистовъ слѣдствія, то прежнее о томъ опредѣленіе отмѣнить; а кого изъ тѣхъ гимназистовъ, когда и для какихъ нуждъ отпускать со двора, то оставить на волю его Бакмейстера, и поступать ему въ семъ по его разсужденію, какъ то и прежде сего было, однако съ тѣмъ, чтобы младшихъ изъ нихъ, кои въ прошломъ году переведены изъ малолѣтныхъ, однихъ, въ разсужденіи ихъ малолѣтства, не отпускать, но всегда съ проводниками и въ такомъ случаѣ требовать отъ ихъ родителей, или сродниковъ, къ которымъ они для свиданія идти похотятъ, чтобъ они сами за ними приходили и назадъ бы ихъ приводили, или посылали бы за ними надежныхъ отъ себя для провожанія ихъ людей».

Въ 1771 году состоялось опредѣленіе Сената о томъ, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ велись кондуитные списки учащихся, съ означеніемъ въ нихъ ихъ успѣховъ въ наукахъ и поведенія, а при выпускѣ выдавались бы аттестаты. Въ исполненіе этого указа, Академическая коммиссія предписала: «Сдѣлавъ четыре книги бѣлыя, за секретарскою скрѣпою, двѣ изъ оныхъ, съ пріобщеньемъ къ нимъ копіи съ онаго сенатскаго опредѣленія, отослать къ инспектору Бакмейстеру въ гимназію, и съ такимъ предписаніемъ, чтобы инспекторъ Бакмейстеръ велъ по одной изъ данныхъ ему оныхъ книгъ о учащихся въ гимназіи казенныхъ, а по другой о вольныхъ ученикахъ вѣрный журналъ, записывая въ оный время вступленія въ гимназію каждаго ученика, кто изъ нихъ какой природы, съ какимъ понятіемъ и прилежностію ученіе продолжаетъ, сколько времени въ ономъ и въ чемъ именно упражнялся и какое въ ономъ пріобрѣлъ кто знаніе; также и во всю ту свою бытность при гимназіи добропорядочно ль, или съ какими пороками поступалъ. При выпускѣ же казенныхъ и отпускѣ вольныхъ учениковъ изъ гимназіи давать имъ изъ коммиссіи, по его инспектора Бакмейстера свидѣтельствамъ, надлежащіе, со изъясненіемъ всего въ разсужденіи ученія ихъ и поведенія, аттестаты. Но, между тѣмъ, объявить всѣмъ вольнымъ ученикамъ въ гимназіи, что

тѣмъ изъ ихъ, которые впредь отъ сего времени оставятъ гимназію самовольно, а послѣ будутъ просить о бывшемъ ихъ ученіи аттестаты, оный не инако данъ будетъ, какъ съ точнымъ прописаніемъ прилежанія, или нерадѣнія, и самаго того ихъ своевольства, съ которымъ они оставятъ училище свое, въ каковыхъ случаяхъ и поступать ему Бакмейстеру, точно по сему предписанію, безъ всякаго послабленія».

Несмотря на всѣ эти письменныя строгости, многіе гимназисты засиживались въ классахъ, безъ существенной пользы для ихъ ученія. Въ 1775 году Бакмейстеръ обратилъ на это вниманіе Академической коммиссіи, которая 8 мая постановила: «На представленіе инспектора гимназіи г-на Бакмейстера въ разсужденіи казенныхъ гимназистовъ, чтобы сдѣлать общее опредѣленіе: сколь долго, или до какого возраста, или до какого познанія надлежитъ гимназисту быть въ гимназіи, и какое надлежитъ имѣть знаніе какъ тѣмъ, кои оставлены будутъ при Академіи, такъ и тѣмъ, которые, по ихъ прошенію, уволены будутъ отъ Академіи; также что должно дѣлать съ тѣми, кои, хотя еще малолѣтны, но о которыхъ самымъ искусствомъ чрезъ три года, или болѣе, извѣдано будетъ, что они какъ къ изученію языковъ, такъ и къ наукамъ со всѣмъ не способны? Объявить ему г-ну Бакмейстеру, что въ коммисіи Академіи Наукъ заблагоразсуждено, какъ то и опредѣляется симъ: впредь ни одного гимназиста моложе 18 лѣтъ не выпускать изъ гимназіи. Въ разсужденіе же тѣхъ, кои, хотя и малолѣтны, но о которыхъ чрезъ довольное искусство усмотрѣно будетъ имъ г-мъ Бакмейстеромъ, что они къ наукамъ совсѣмъ неспособны, велѣть ему, г-ну Бакмейстеру представлять коммисіи, безъ потерянія времени».

По временамъ исключали за неспособность учениковъ и опредѣляли ихъ, какъ то водилось изстари, въ типографію или въ академическія мастерскія. Такъ въ протоколѣ 29 апрѣля 1773 года означено: Что касается до представленія инспектора Бакмейстера о пяти взрослыхъ гимназистахъ..., которые ни-

какой непоказываютъ способности и склонности къ ученію, и потому большой отъ нихъ пользы отъ обращенія ихъ въ наукахъ ожидать не можно, то опредѣлить, по желанію ихъ, къ другимъ дѣламъ, а именно первыхъ трехъ... въ типографію къ наборному... и въ механическую палату къ инструментальному художеству».

Обыкновенно гимназистовъ старшаго класса, объявившихъ, что они «не имѣютъ болѣе охоты остаться при наукахъ», и выходившихъ потому изъ гимназіи до окончанія въ ней курса, переименовывали въ студенты, и этимъ званіемъ означали ихъ въ выдаваемыхъ имъ аттестатахъ. Это злоупотребленіе особенно часто стало повторяться съ 1773 года.

Гимназія во время директорства въ Академіи Домашнева (1775—1782 г.).

Въ 1775 году директоромъ Академіи назначенъ былъ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ. Съ самаго начала онъ обратилъ вниманіе на гимназію. Въ первый бывшій при немъ въ 1776 году экзаменъ гимназистовъ старшаго класса, онъ предложилъ производившимъ его Академикамъ, чтобы они задали четыремъ лучшимъ ученикамъ написать сочиненіе на избранную экзаменаторами тэму, на томъ языкѣ, которымъ лучше владѣетъ, и доставили бы ихъ ему. Домашневъ потребовалъ, чтобы инспекторъ гимназіи ежедневно присылалъ къ нему одного гимназиста, съ распредѣленіемъ дневныхъ уроковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая очистить гимназію отъ вредныхъ учениковъ, онъ «приказалъ», какъ сказано въ протокозѣ 5 іюля, «гимназистамъ взрослымъ, которые пробыли уже въ гимназіи 12 лѣтъ, сдѣлать разборъ, и разсмотрѣвъ каждаго успѣхи, тѣхъ изъ нихъ, кои надобны для Академіи, выключить изъ гимназіи, и распредѣлить по мѣстамъ, который къ чему способенъ явится, а прочихъ, кои ненужны для Академіи, отпустить отъ оной, для опредѣленія себя въ службу при другихъ командахъ». Академическая коммиссія поручила этотъ разборъ академикамъ Котельникову, Румовскому, Протасову и Лепехину, съ приглашеніемъ профессоровъ университетскаго курса въ гимназіи. Повидимому, они не сочувствовали крутой мѣрѣ, которую предполагалъ принять Домашневъ, и ознакомившись съ успѣ-

хами въ наукахъ 10-ти учениковъ старшаго класса, нашли, что только двое изъ нихъ не могутъ продолжать ученія. Поэтому Академическая коммисія постановила: «Прочихъ всѣхъ осмерыхъ оставить еще на годъ въ гимназіи, для пріобрѣтенія большихъ успѣховъ въ ихъ знаніяхъ, чтобы они, утвердясь болѣе въ оныхъ, тѣмъ полезнѣйшими обществу и способнѣйшими сдѣлаться могли къ отправленію ихъ должностей, когда на послѣдокъ вступятъ въ дѣйствительную службу, или пользоваться далѣе наставленіями господъ академиковъ. А между тѣмъ, для ободренія и поощренія ихъ и прочихъ учащихся къ большему прилежанію въ наукахъ, четырехъ изъ нихъ (слѣдуютъ фамиліи), какъ отличившихся преимущественно успѣхами своими предъ прочими ихъ товарищами въ наукахъ, переименовавъ студентами, наградить, по примѣрамъ прежде бывшимъ, шпагами, и чтобъ они могли спокойнѣе упражняться въ ихъ ученіи, отдѣливъ ихъ отъ общежитія прочихъ гимназистовъ, дать имъ особливый покой, но въ той же гимназіи, и быть имъ, по прежнему, подъ смотрѣніемъ инспекторскимъ, и когда время придетъ дѣлать на нихъ и на прочихъ гимназистовъ платье, сдѣлать имъ въ ономъ отъ другихъ отмѣну».

Увольненіе отъ должности Бакмейстера и Стриттера въ 1777 г. — Назначеніе инспекторомъ гимназіи академика Лепехина 1777 года.

Взрослые гимназисты не оправдали ожиданій академиковъ, вскорѣ они произвели грубый скандалъ: въ сентябрѣ 1777 года прибили конректора Стриттера. «Для изслѣдованія случившагося въ гимназіи нѣкотораго между конректоромъ Штриттеромъ и взрослыми гимназистами происшествія», Домашневъ учредилъ особый комитетъ изъ академиковъ Румовскаго, Лепехина и Протасова, въ качествѣ секретаря, и Бакмейстера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ этой коммиссіи «разсмотрѣть расположеніе ученій въ гимназіи, изыскать причину худаго успѣха *всѣхъ учениковъ*, и представить мнѣніе о возможномъ исправленіи». Вслѣдствіе этого положено было: «собираться имъ господамъ академикамъ для сего дѣла по средамъ и субботамъ по утру въ гимназической аудиторіи, и по разсмотрѣніи расположенія ученій въ оной гимназіи, какая окажется причина

худаго успѣха помянутыхъ учениковъ, тако жъ и какимъ образомъ признаютъ они господа академики наилучше исправить оную гимназію, къ полученію надежнѣйшихъ отъ ея успѣховъ, подать о томъ свое мнѣніе». Послѣдствіемъ изысканій этой коммиссіи было увольненіе отъ должности въ декабрѣ 1777 года какъ Бакмейстера, такъ и Стриттера, которому поручено было обученіе верхняго нѣмецкаго класса. «На мѣсто же его, Бакмейстера», сказано въ протоколѣ 8 декабря, «къ отправленію бывшей его при гимназіи должности, выписать изъ чужихъ краевъ другаго, и при томъ такого человѣка, который бы преимущественно зналъ древности и латынскій языкъ, и могъ бы поступить на ректорское при гимназіи мѣсто, преподавать совершенныя наставленія въ ономъ на латынскомъ языкѣ, также въ штилѣ и въ сочиненіяхъ, и притомъ имѣть смотрѣніе надъ казенными въ гимназіи учениками». Домашневъ съ этимъ не согласился, и 18 декабря 1777 года на протоколѣ написалъ: «По способности и усердію господина академика Лепехина, препоручаю ему смотрѣніе надъ гимназіею, надѣясь твердо, что она его раченіемъ выйдетъ изъ сего жалостнаго и развратнаго состоянія, въ каковомъ она находится. По текущимъ надобностямъ имѣетъ онъ подавать записки въ коммиссію, а въ какихъ либо новыхъ учрежденіяхъ требуетъ непосредственно отъ меня наставленія».

Лепехинъ назначенъ былъ въ 1768 году адъюнктомъ Академіи по естественной исторіи, а вскорѣ послѣ этого предпринялъ ученое путешествіе по восточному краю Россіи, продолжавшееся около шести лѣтъ; въ 1771 году онъ былъ произведенъ въ академики, а въ 1773 году отправился въ новое путешествіе въ Бѣлоруссію и въ Псковскую губернію, изъ котораго въ томъ же году возвратился въ Петербургъ.

Вступивъ въ должность инспектора гимназіи, Лепехинъ не сдѣлалъ въ ней никакихъ существенныхъ измѣненій; все, по видимому, осталось въ ней по старому, и какъ прежде, гимназистовъ жаловали въ студенты, оставляя ихъ въ гимназіи. При-

думаны были даже весьма оригинальныя правила производства гимназистовъ въ студенты. Они излагаются въ протоколѣ 23 іюля 1778 года. «Его превосходительство, двора Ея Императорскаго Величества дѣйствительный камергеръ, Академіи Наукъ господинъ директоръ и кавалеръ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, почитая за нужное установить единожды навсегда вѣрное правило къ произведенію гимназистовъ въ студенты, приказалъ впредь въ таковыхъ случаяхъ поступать по сдѣланному отъ его превосходительства нижеслѣдующему учрежденію: 1) Гимназистовъ въ студенты не производить, покамѣсть они не будутъ въ состояніи слушать на латынскомъ языкѣ всѣхъ профессорскихъ лекцій, и переводить исправно съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. 2) Студентами быть три года, по прошествіи которыхъ, опредѣлять ихъ въ переводчики, или въ учители, смотря по нуждамъ Академіи и по ихъ способности. 3) Студентъ въ каждый годъ долженъ перевести книгу, какая ему дана будетъ; но чтобъ не произошло въ семъ злоупотребленія, то назначается величины книги предѣлъ, а именно до ста листовъ печатныхъ въ осмушку. Если же оная превзойдетъ сіе число, то превосходство замѣняется въ другой годъ. Въ число же годоваго урока переводовъ замѣняться имѣютъ и мелкія піесы, которыя имъ даны будутъ для переводу». Но и эти странныя правила не всегда примѣнялись, а какъ и прежде бывало, неокончившаго гимназическаго курса ученика, оставившаго гимназію, переименовывали въ студенты; такъ въ протоколѣ 27 марта 1783 года записано: «по прошенію взрослаго гимназиста Василія Михайлова отца его, Козьмы Васильева, объ отпускѣ онаго сына его отъ Академіи, для опредѣленія въ дѣйствительную Ея Императорскаго Величества службу, отпустить его Михайлова отъ Академіи, переименовавъ студентомъ».

Неудовлетворительное состояніе гимназіи Лепехинъ приписывалъ единственно неисправному отпуску суммъ на ея содержаніе. Въ 1782 году онъ представилъ, между прочимъ, академическому собранію: «Въ остальное время наиболѣе надлежало

мнѣ попечительствовать о испрошеніи денегъ на содержаніе гимназистовъ, ибо экономъ удержаніемъ оныхъ доводимъ былъ часто до крайности. Сіи крайности принуждали меня приносить жалобы между сочленами академическаго собранія, что обучающіеся на казенномъ иждивеніи гимназисты доходятъ до крайности, что малое ихъ число (ибо нынѣ дѣйствительно учащихся только двадцать восемь человѣкъ, а по штату академическому надлежало имъ быть пятдесяти, кромѣ 40 тѣхъ, коихъ Академія, въ силу Высочайшаго именнаго повелѣнія, обязана воспитывать и наставлять въ россійскомъ правописаніи, для наполненія ими приказныхъ мѣстъ) не можетъ удовлетворять тѣмъ ожиданіямъ, каковыхъ отъ сего училища по справедливости требовать надлежитъ. Сіе самое подало поводъ г. академику Крафту, при разсужденіи о задаваемыхъ вопросахъ, замѣтить, что опредѣляемыя за рѣшеніе сихъ вопросовъ деньги лучше употребить на поправленіе, то есть на содержаніе полнаго числа учащихся въ гимназіи, нежели платить чужеземцамъ».

Курсъ гимназіи, сколько можно судить о немъ по весьма немногимъ уцѣлѣвшимъ документамъ, былъ весьма неправиленъ, такъ, напримѣръ, такъ называемые «студенты» гимназіи только *начинали* учиться по гречески; въ протоколѣ 24 августа 1780 года записано: «требуемыя г. академикомъ Лепехинымъ для студентовъ, начавшихъ обучаться греческому языку, книги», и т. д.

Домашневъ налегалъ только на переводы съ новыхъ иностранныхъ языковъ. Такъ въ протоколѣ 8 января 1781 года находимъ, что «опредѣлено, чтобы присланную въ Академію, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества именному повелѣнію, чрезъ его сіятельство, г-на дѣйствительнаго каммергера, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, графа Александра Сергѣевича Строганова, для преложенія на россійскій языкъ, книгу: «Spectacle de la nature et des arts», состоящую въ шести частяхъ, перевести какъ возможно скорѣе; то раздать оную въ разныя руки, а именно: при переводческой—переводчикамъ

Ковалеву и Волкову, да при гимназіи студентамъ Лиховому, Киріаку, Васильеву и Петрову, каждому по части, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы каждый изъ нихъ данную ему часть перевелъ непремѣнно въ два мѣсяца, употребляя на то все послѣобѣденное свободное имъ отъ другихъ дѣлъ время».

Гимназія при княгинѣ Дашковой (1783—1796 года).

Княгиня Дашкова, вступивъ въ 1783 года въ должность директора Академіи, потребовала отъ Лепехина именной списокъ всѣмъ находящимся въ гимназіи казеннокоштнымъ ученикамъ, и стала заниматься гимназіею. Она была строга и взыскательна къ учителямъ, и заставляла ихъ болѣе трудиться. Прежде всего она увеличила на одинъ часъ ежедневно учебное время; «Академику Лепехину», предложила она 27 февраля, «какъ учителямъ, такъ и гимназистамъ приказать ходить въ классы съ 1-го числа наступающаго марта мѣсяца въ 7 часовъ поутру, и сей прибылой часъ расположить ему г-ну Лепехину по его усмотрѣнію, въ пользу гимназистовъ въ обученіе». За пропуски учителями уроковъ стали вычитать изъ ихъ жалованья. «Какъ гимназіи конректоръ Гакманъ», находимъ въ протоколѣ 30 сентября 1784 года «не исполняетъ своей обязанности по контракту, и никакихъ наставленій не преподаетъ въ гимназіи, то удержать у него жалованье съ 1 сентября сего 1784 года.» Въ протоколѣ 2 іюля 1795 года означено: «По репортамъ инспектора гимназіи Круглашева, за небытіе въ гимназическихъ классахъ въ назначенные для обученія воспитанниковъ дни: г-на профессора Якова Захарова апрѣля 25 и іюня 20, г-на Роммеля 24, 26 апрѣля и мая 15, г-на Гронскаго и Сентъ-Илера мая 14 числа, по силѣ учиненной сего года марта въ 9 день резолюціи, вычесть, при нынѣшней дачѣ имъ жалованья, за каждое небытіе по недѣлѣ».

Въ курсѣ гимназіи не было сдѣлано никакихъ существенныхъ измѣненій; введенъ былъ только англійскій языкъ, коимъ свободно владѣла княгиня Дашкова. По прежнему, гимназистовъ, даже не окончившихъ курса, жаловали въ студенты. Въ 1783 году встрѣчаемъ два объ этомъ постановленія: 1) 24 октя-

бря. «Вслѣдствіе ея сіятельства Академіи Наукъ директора и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой приказанія, находящагося въ Академической гимназіи изъ присланныхъ изъ Москвы семинаристовъ Александра Губина, просящагося къ опредѣленію при другой командѣ, по его желанію, уволить отъ Академіи студентомъ. 2) 30 октября. «Состоящихъ въ Академической гимназіи изъ присланныхъ изъ Москвы семинаристовъ Федора Каменскаго и Петра Соколова, наименовавъ студентами, по объявленнымъ отъ нихъ желаніямъ опредѣлить, ко исправленію письменныхъ дѣлъ, Каменскаго по здѣшней книжной лавкѣ, а Соколова по книжному магазину... Ивана Флоринова, Алексѣя Шестакова и Сергѣя Лаврова (также всѣ трое изъ Московской Академіи), которые желаютъ отправлены быть въ Тобольскъ, въ сходствіе полученнаго въ канцеляріи изъ тамошняго намѣстническаго правленія сообщенія, которымъ требовало о присылкѣ во оное, буде есть, изъ обучающихся въ состоящихъ въ вѣдомствѣ Академіи учениковъ таковыхъ, которые бы могли быть свободными и способными къ опредѣленію въ тамошнія присутственныя мѣста къ исправленію секретарскихъ, канцелярскихъ и прочихъ должностей, съ подлежащими аттестатами, наименовавъ же студентами».

Въ 1785 году четыре гимназиста, наименованные студентами: Кононовъ, Захаровъ, Севергинъ и Павловъ, посланы были въ Геттингенскій университетъ; первые три возвратились въ 1789 году, и тогда же назначены были адъюнктами Академіи; Севергинъ получилъ въ 1793 году званіе Академика.

Въ 1793 году построенъ былъ для гимназіи домъ въ 7-ой линіи, и въ немъ устроена церковь, освященная 20 декабря 1794 года.

Княгиня Дашкова такъ описываетъ состояніе въ которомъ она нашла гимназію и что въ ней сдѣлала въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ своего директорства: «Pour encourager et donner de l'émulation entre les jeunes gens du gymnase, j'ai établi deux examens par an, où des prix en livres et médailles leur sont distri-

bués. Entre les plus avancés j'en ai envoyé quatre pour quatre ans à l'université de Guoettingue aux frais de l'académie. Au gymnase au lieu de 50 élèves qu'il devait y avoir, je n'y ai trouvé que 27, dont trois ne donnant aucun espoir de progrès ont été pris pour l'imprimerie, six ont été renvoyés à leurs parents à cause d'incapacité; il n'en resta que 18, bien petit nombre pour un empire aussi vaste, manquant déjà de gens sachant lire. L'académie même en souffrait, car dans un besoin de gens, elle ne savait d'où en tirer. Il y a à présent à leur place 89 élèves, qui, j'ose le dire, sont infiniment mieux nourris, vêtus, instruits, en un mot mieux entretenus qu'avant. Au lieu des maitres nécessaires qui manquaient, il y avait au gymnase un musicien, qui recevait 350 roubles pour enseigner à jouer du violon; le musicien a été payé et renvoyé; j'ai fait venir à sa place un régent de classe instruit et un maitre de langue italienne et anglaise».

Отдавая полную справедливость заслугамъ княгини Дашковой для Академіи и всѣхъ ея учрежденій, въ томъ числѣ и гимназіи, для которой построенъ былъ ею впослѣдствіи, какъ только что сказано, домъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго самообольщенія въ ея словахъ. Что казеннокоштные гимназисты содержались при ней лучше, чѣмъ прежде, этому можно вѣрить: она была заботливая хозяйка. Во всемъ же остальномъ въ гимназіи не видимъ большой разницы съ тѣмъ, что находили въ ней прежде. Со времени инспекторства Бакмейстера, какъ видѣли, производились въ ней два раза въ годъ экзамены академиками. И при Бакмейстерѣ посылали гимназистовъ учиться въ иностранные университеты, что̀ имѣло свою хорошую и свою дурную сторону: несомнѣнно, что въ германскихъ университетахъ молодые люди могли получить болѣе основательное образованіе, чѣмъ тогда въ Петербургѣ, какъ то и доказали посланные княгинею Дашковою, но этимъ самымъ подрывался окончательно и такъ опустѣвшій академическій университетъ. Увеличеніе числа учениковъ не доказываетъ еще благоустройства гимназіи; и прежде, по временамъ, число учащихся въ ней возрастало, а гимназія

оттого не улучшалась; все зависитъ отъ качествъ допускаемыхъ къ гимназическому ученію, а въ этомъ отношеніи не видимъ разницы съ давно бывшимъ. Въ составѣ учителей, въ самомъ курсѣ преподаванія не сдѣлано было, во время управленія княгини Дашковой, никакихъ существенныхъ улучшеній. Все таки однако, нельзя не видѣть ея заботливости о гимназіи, въ смыслѣ порядка и приличнаго ея содержанія.

Академическая гимназія, по времени учрежденія, была первая, и въ теченіе болѣе четверти вѣка — единственная гимназія въ Россіи. Неудивительно по этому, что въ ея устройствѣ и управленіи вкрались недостатки, обыкновенные въ каждомъ новомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ старанія завѣдывавшихъ ею устранить ихъ. Академія Наукъ обращала постоянно на нее вниманіе: учреждала коммиссіи для ея улучшенія, поручала академикамъ экзаменовать гимназистовъ, назначала изъ своей среды ректоровъ и инспекторовъ гимназіи. Многіе академики составляли проекты лучшей организаціи гимназіи, или представляли свои мнѣнія, преподавали въ гимназіи, писали даже учебныя руководства; такъ знаменитый Эйлеръ составилъ учебникъ ариѳметики для гимназистовъ. Президенты и директоры Академіи заботились также о гимназіи: баронъ Кейзерлингъ поручилъ въ 1733 году академику Фишеру составить уставъ для гимназіи; баронъ Корфъ достигъ въ 1735 году учрежденія при ней стипендій; графъ Разумовскій ввелъ въ 1747 году штатъ гимназіи, а въ 1750 году краткій уставъ, и неоднократно вмѣнялъ въ обязанность какъ академическому управленію, такъ и лицамъ, близко стоявшимъ къ гимназіи, устроить ее на правильныхъ началахъ; съ этою цѣлію онъ ввѣрилъ ее въ 1758 году Ломоносову; въ 1765 году велѣлъ составить для гимназіи планъ преподаванія; Фишеръ, Модерахъ и Бакмейстеръ представляли ему проекты объ упорядоченіи гимназіи. Домашневъ учредилъ въ 1777 году особый комитетъ изъ академиковъ, для исправленія

гимназіи. Княгиня Дашкова заботилась также о гимназіи, построила для нея особое зданіе, улучшила содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ.

Несмотря на всѣ эти мѣры, академическая гимназія оставалась, въ продолженіе всего прошлаго столѣтія, въ неудовлетворительномъ состояніи, отъ ошибочной постановки въ ней учебнаго дѣла. Органическіе, такъ сказать, ея пороки, состояли въ назначеніи несоотвѣтствующихъ учителей и въ дурномъ составѣ учащихся. Въ первое время по учрежденіи гимназіи, выписаны были, для занятія въ ней учительскихъ мѣстъ, изъ Германіи основательные ученые, сдѣлавшіеся впослѣдствіи извѣстными академиками, Мюллеръ, Крафтъ и др.; но они не знали по русски, и ученики мало понимали своихъ преподавателей. Иностранные учители замѣнены были потомъ, по большей части, русскими, но многіе изъ нихъ не были достаточно подготовленны для преподаванія въ среднемъ учебномъ заведеніи: очень часто назначались они изъ недоучившихся студентовъ. Въ началѣ по открытіи гимназіи, въ нее поступали мальчики изъ достаточныхъ и относительно образованныхъ семействъ; но это продолжалось недолго. Гимназія стала наполняться учениками изъ нисшихъ сословій, съ грубыми нравами и привычками, и притомъ, по своему общественному положенію, вовсе не предназначавшихся къ высшему образованію, для котораго гимназическое ученіе служитъ необходимою ступенью. Явившееся въ 1765 году намѣреніе улучшить составъ учащихся, устройствомъ при гимназіи малолѣтняго отдѣленія, осуществлено было неумѣло и потому не удалось.

Управленіе гимназіею никогда не было организовано правильно. При учрежденіи ея, она отдана была по контракту Байеру, который имѣлъ право устроивать ее, какъ желаетъ, и этимъ правомъ онъ воспользовался въ 1731 году, введя въ гимназію имъ самимъ составленное положеніе. Въ 1738 году инспекторъ Крафтъ ввелъ свой уставъ гимназіи. Тридцать лѣтъ послѣ того, именно въ 1768 году, гимназія, на основаніи пись-

меннаго условія, подобнаго тому, которое заключено было съ Байеромъ при ея открытіи, перешла въ полное распоряженіе инспектора Бакмейстера, которому предоставлялось учредить ее по своему усмотрѣнію, чѣмъ онъ и воспользовался. При такомъ порядкѣ въ гимназіи никогда не было опредѣленнаго курса, да и число классовъ въ ней постоянно измѣнялось, то прибавлялись, то убавлялись классы; произвольно вводились и вычеркивались разные предметы преподаванія. Ученики не обязаны были проходить всего гимназическаго курса, а выбирали науки, по своему желанію или по волѣ своихъ родителей. Пріемъ въ гимназію производился въ теченіе всего учебнаго года, что естественно затрудняло преподаваніе. Лѣта принимаемыхъ учениковъ не были опредѣлены, потому и встрѣчаемъ между ними 5 и 25 лѣтнихъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ.

Начальство гимназіи было слишкомъ многочисленно: кромѣ ректора и инспектора, полагался конректоръ, также главный инспекторъ, назначавшійся обыкновенно изъ академиковъ, по связи гимназіи съ Академіею. Но что всего страннѣе — иногда бывали въ гимназіи въ одно и тоже время два ректора или два инспектора. Обязанности ихъ и взаимныя отношенія не были положительно установлены; оттого и встрѣчаемъ, напримѣръ, такого ректора, какъ Ротгакеръ, у котораго отнята была всякая власть надъ гимназіею.

Академическая гимназія никогда не имѣла правильно утвержденнаго устава; ибо такъ называемый уставъ гимназіи графа Разумовскаго 1750 года состоитъ изъ нѣсколькихъ только статей, не заключающихъ въ себѣ ничего существеннаго.

Педагогическое дѣло, болѣе чѣмъ какое либо другое, требуетъ единства мысли и направленія, и неизмѣнной въ нихъ стойкости, отчего и можетъ идти успѣшно только тогда, когда сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, и когда учебная система опредѣлена точно и не зависитъ отъ произвола лицъ. Этого именно и не было въ организаціи академической гимназіи: инспекторы распоряжались ею по своимъ взглядамъ, директоры Академіи—

по своимъ вкусамъ: Домашневъ мѣрилъ успѣхи учениковъ знаніемъ французскаго языка, княгиня Дашкова, говорившая отлично по англійски, ввела въ гимназическій курсъ англійскій языкъ. Академія Наукъ давала дѣльные совѣты для улучшенія гимназіи; но, по самому своему существу, не могла низойти до управленія однимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ; для нея гимназія была постороннимъ и только обременительнымъ придаткомъ.

Несмотря однако на всю неустроенность гимназіи, она принесла все таки пользу русскому юношеству, приготовивъ нѣсколькихъ ученыхъ и даровитыхъ административныхъ дѣятелей, и доставивъ нѣкоторое образованіе многимъ сотнямъ обучавшихся въ ней учениковъ. Въ исторіи же просвѣщенія Россіи академическая гимназія имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ первая учрежденная въ имперіи гимназія.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Расположеніе Санктпетербургской гимназіи въ 1748 году.

1.

Гимназія особливо для Русскихъ заведена, дабы они, обучившись какимъ языкамъ и наукамъ, отечеству тѣмъ большую пользу принесть могли.

2.

Потому расположеніе оной отъ другихъ школьныхъ порядковъ столько рознится, сколько потребно оное къ полученію помянутаго намѣренія.

3.

Языки и науки, которымъ въ гимназіи учатъ, кромѣ Православныя вѣры греческаго исповѣданія, числятся:

1. Нѣмецкой языкъ.
2. Французской языкъ.
3. Латинской языкъ.
4. Греческой языкъ.
5. Географія.
6. Исторія.
7. Ариѳметика.
8. Геометрія.
9. Каллиграфія.
10. Рисованье.
11. Танцованье.

4.

Къ сему потребны одиннадцать учителей, а именно двое нѣмецкаго языка, також географіи и исторіи, одинъ французскаго языка,
трое латинскаго и греческаго языка, також географіи и исторіи
одинъ арифметики и геометріи,
одинъ каллиграфіи,
одинъ рисовальной,
одинъ танцовальной, и
одинъ православныя вѣры.

Ежели бы были такіе люди, которые бы многимъ языкамъ, а не одному только, или многимъ наукамъ учить могли, то число учителей убавилось бы.

5.

Надъ всеми сими учителми опредѣленъ Ректоръ, которому какъ за учащими, такъ и за учащимися поручено смотрѣть ихъ понятіе, прилежаніе, тд. и поступки и неусыпно старатся о приращеніи гимназіи, также о состояніи оныя ежемѣсячно Канцеляріи Академіи Наукъ репортовать велено.

6.

Ученики въ гимназіи есть двоякіе — Русскіе и іноземцы; Русскіе же раздѣляются на учащихся на собственномъ коште, и на жалованныхъ.

7.

Всѣхъ гимназическихъ учениковъ учители безденежно учатъ, и для того они не принуждены при Академіи впредь въ службу вступить, но щастія своего искать могутъ тамъ гдѣ похотятъ; но о жалованныхъ того сказать не можно, ибо ихъ по окончаніи школьнаго ученія въ академическую службу берутъ, и по ихъ заслугамъ опредѣляютъ.

8.

Вольные ученики тѣмъ языкамъ и наукамъ, о которыхъ въ статье третьей упомянуто, учиться могутъ, которымъ они хотятъ; да ихъ же и не держутъ, ежели оные въ гимназіи учится болѣе не похотятъ, буде токмо надлежащимъ образомъ отпустить попросятъ. Но жалованные предъ другими должны латинскому языку,

Арифметикѣ и Геометріи со всякимъ прилежаніемъ учиться, дабы они ученіе свое въ Академіи далѣе продолжать могли, ибо изъ сихъ со временемъ въ профессоры, адъюнкты и другіе академическіе члены производить должно, ежели они надлежащую способность въ тѣ чины имѣть будутъ.

9.

Никакова ученика, которому больше 10 лѣтъ отъ роду, и которой еще ни писать, ни читать не умѣетъ, въ академическую службу принимать нельзя; но буде онъ умѣетъ уже читать и писать, то такова и 12 лѣтъ принять можно. Но ежели старѣе будетъ и ничему еще не учился, то нельзя много надѣятся о будущемъ его успѣхе. Правда, есть примѣры, что нѣкоторые хотя поздо учится начали, а аднако въ ученіи произошли; но сіе ретко случается, и изъ того до другихъ заключать нельзя.

10.

Гимназія, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, на двѣ школы разделяется, а именно на нѣмецкую и латинскую, нѣмецкая школа раздѣлена на нижней и первой классъ.

11.

Въ нижнемъ нѣмецкомъ классѣ учатъ:

Православному исповѣданію.
Арифметикѣ.
Писать и читать по русски, по немецки и по латынски.
Немецкимъ словамъ.
Немецкой грамматикѣ.
Лехкимъ переводамъ изъ Ланговыхъ разговоровъ.
Калиграфіи.
Танцованію.

12.

Въ первомъ немецкомъ классѣ учатъ:

Православному вѣры исповеданію.
Арифметику повторяютъ, а Геометрію начинаютъ.
Правила о сочиненіи повторяютъ, и свойства немецкаго языка показываютъ.

Нетруднаго писателя толкуютъ, и изустно переводятъ съ немецкаго языка на русской, а съ русскова на немецкой.

Письменно переводятъ съ нѣмецкаго языка на русской, а съ русскаго на нѣмецкой по образцу и складу въ письмахъ употребительному.

Показываютъ еще употребленіе ландкартъ и исторіи учатъ.

Французскому языку.

Каллиграфіи.

Рисовать.

Танцовать.

13.

Но можетъ кто возразить, что нѣмецкая школа весьма многими лекціями отягощена, и надлежитъ нѣкоторыя изъ нихъ до латинской школы оставить: но мое намѣреніе склоняется присемъ не только до жалованныхъ, но и до вольныхъ учениковъ, изъ которыхъ иные и знатные бываютъ; и хотя не все охоту имѣютъ къ латинскому языку, однако все желаютъ учиться всему тому, что къ пользе ихъ касается. И подлинно, ежели спросятъ, къ которымъ то языкамъ и наукамъ дѣти сего Государства склонность еще имѣютъ, ихъ любятъ, и онымъ учиться охотятся, то оныя числятся нѣмецкой и французской языкъ, ариѳметика, геометрія, каллиграфія, рисовальное художество и танцованье.

14.

При расположеніи часовъ на ученіе напередъ я полагаю, что мальчику довольно, ежели онъ днемъ 6 или по высокой мѣре 7 часовъ у учителей своихъ учиться будетъ; а прочее время оставить ему на отдыхъ, на покой и къ исправленію его уроковъ. Сіи 7 часовъ раздѣляются на часы послѣ полуночи, и на часы послѣ полудня, на ученіе послѣ полуночи опредѣляется 4 часа, а именно съ 9 часа пополуночи до 1 часа послѣ полудни, на ученіе послѣ полудня 3 часа, а именно съ третьяго до шестаго часа.

15.

Потому учебные часы въ нижнемъ классѣ нѣмецкой школы слѣдующимъ образомъ располагаются:

по полуночи

по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 9 до 11 часа арифметикѣ, а съ 11 до 1 часа по полудни читать, писать

и нѣмецкимъ лекціямъ, какъ о томъ въ статьѣ 11-й написано; по средамъ и субботамъ съ 9 до 10 православной вѣры исповѣданію, а съ 11 до 1 часа по полудни нѣмецкимъ лекціямъ, какъ и въ другіе дни.

по полудни

по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 3 до 5 часа немецкимъ лекціямъ, а съ 5 до 6 часа каллиграфіи,

по средамъ и субботамъ съ 3 до 6 часа танцованіе.

16.

Изъ сего видно, что русской священникъ 4 часа въ недѣлю Православному вѣры исповѣданію учениковъ учить будетъ, учителю арифметики и геометріи въ немецкой школѣ 8 часовъ опредѣлены: немецкой учитель будетъ 20 часовъ учить; шрейбмейстеръ будетъ учить 4 часа, а танцмейстеръ въ недѣлю два раза, каждый разъ по 3 часа, итого 6 часовъ. Священникъ будетъ учить всехъ Русскихъ учениковъ изо всѣхъ классовъ. Равнымъ образомъ учитель арифметики и геометріи, шрейбмейстеръ и танцмейстеръ всѣхъ учениковъ во всей гимназіи учить будутъ.

17.

Учебные часы въ первомъ классѣ немецкой школы такъ расположены

по полуночи

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 9 до 11 часа арифметикѣ и геометріи, съ 11 до 1 часа по полудни немецкимъ лекціямъ, такъ какъ въ 12-й статьѣ показано.

По средамъ и субботамъ

съ 9 до 11 часа Православной вѣры исповѣданіе

съ 11 до 1 часа по полудни географіи и исторіи.

послѣ полудня

по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ

съ 3 до 4 часа французскій языкъ

съ 4 до 5 часа рисовать

съ 5 до 6 часа каллиграфія

по средамъ и субботамъ

съ 3 до 6 часа танцовать.

18.

По силѣ сего росписанія нѣмецкой учитель перваго класса, который притомъ показывать станетъ географію и исторію, учить будетъ только после полуночи, а именно 12 часовъ въ недѣлю; Французской учитель равно какъ и рисовальной учитель учить будетъ всѣхъ учениковъ во всей гимназіи, каждой изъ нихъ будетъ учить 4 раза въ недѣлю, только по одному часу.

19.

Я порядокъ лекціямъ такъ расположилъ, что на важнѣйшія дѣла, и которыя большаго размышленія требуютъ, положилъ утренніе часы, а на лехчайшія, и къ чему ученики и безъ того большую охоту имеютъ, часы по полудни опредѣлилъ, потому я и на рисованіе часы по полудни назначилъ, а именно съ 4 до 5 часа, дабы днемъ еще сіе дело отправлять, ибо при огнѣ рисовать трудно.

20.

Немецкіе учители должны свое ученіе, сколько возможно, на немецкомъ, а не на русскомъ языкѣ предлагать, ибо тутъ дело касается до изученія немецкаго языка, и отъ предлагаемаго на немецкомъ языкѣ ученія школьникъ большую пользу получаетъ, да и помаленьку къ немецкому языку привыкаетъ.

21.

Академическимъ жалованнымъ ученикамъ не больше двухъ годовъ въ нижнемъ классѣ нѣмецкой школы сидѣть, а по прошествіи оныхъ переводить ихъ въ первый классъ немецкой школы, но и тамъ не болѣе года держать, ибо чрезъ то время конечно они столько научатся, что рѣчи латинскаго учителя разумѣть могутъ. Къ томужъ они отъ обхожденія съ немецкими учениками почти больше по немецки научатся, нежели въ немецкихъ классахъ съ своими русскими товарищами, которыхъ никоимъ образомъ къ тому привести нельзя, чтобы они, оставя природный свой языкъ, иностраннымъ, котораго они насилу половину разумѣютъ, между собою говорили.

22.

Латинская гимназическая школа такъ, какъ и немецкая, на два класса раздѣляется, а именно на нижней и первой.

23.

Въ нижнемъ латинскомъ классѣ показывать будутъ начала латинскаго языка. Въ оной классъ потребны изъ книгъ Цеіларіевъ лексиконъ, краткая мадхпческая грамматика, Ланговы разговоры Въ семъ классѣ учениковъ до того доводить, чтобъ они помянутые разговоры способно по грамматикѣ разбирать и переводить могли.

Въ ономъ же учить еще будутъ

Арифметикѣ и Геометріи
Географіи
Французскому языку
рисовать
калиграфіи
танцовать.

24.

Въ первомъ латинскомъ классѣ учить изъ мадхпческой грамматики красивое и фигурное сочиненіе, и дважды въ недѣлю въ слогѣ или штилѣ упражняться. Въ ономъ классѣ будутъ толковать слѣдующихъ авторовъ, а именно:

Корнелія Непота, Юлія Цезаря, Теренція, Цицероновы грамотки къ разнымъ, евожъ рѣчи и книги должностей, въ семъ же классѣ показывать будутъ начала и греческаго языка по грамматикѣ въ прошедшемъ году въ Кіевѣ напечатанной.

Еще жъ учить будутъ

Исторіи
французскому языку
рисовать
каллиграфію
танцовать

25.

Учебные часы въ нижнемъ классѣ латинской школы слѣдующимъ образомъ расположены:

по полуночи

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ съ 10 до 1 часа по полудни началамъ латинскаго языка по показанію въ 23-й статьѣ.

По средамъ и субботамъ
съ 9 до 11 часа арифметикѣ и геометріи

съ 11 до 12 часа Целларіевъ лексиконъ, и повторять грамматику.
съ 12 до 1 часа по полудни географія.

по полудни

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ
съ 3 до 4 часа французскому языку
съ 4 до 5 часа рисовать
съ 5 до 6 часа каллиграфіи

По средамъ и субботамъ съ 3 до 6 часа танцовать.

26.

По силѣ сего росписанія учитель нижняго класса учить будетъ 16 часовъ въ недѣлю латинскому языку и географіи. Учитель арифметики и геометріи сверхъ 8 часовъ, которые онъ учитъ учениковъ въ нѣмецкомъ классѣ, учить будетъ еще 4 часа, итого всего 12 часовъ будетъ.

27.

Въ первомъ латинскомъ классѣ учить будутъ

по полуночи

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ
съ 10 до 12 часа толковать латинскихъ авторовъ, по показанію въ 24 статьѣ
съ 12 до 1 часа по полудни греческому языку.

По средамъ и субботамъ
съ 9 до 11 часа грамматикѣ и геометріи
съ 11 до 12 часа штиль
съ 12 до 1 часа по полудни Курасову краткую исторію толковать.

по полудни

По понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ
съ 3 до 4 часа французскому языку
съ 4 до 5 часа рисовать
съ 5 до 6 часа каллиграфія

По средамъ и субботамъ съ 3 до 6 часа танцовать.

28.

Въ семъ первомъ классѣ будутъ два учителя, латинской и греческой, латинской учить будетъ 12 часовъ, а греческой 4 часа въ недѣлю.

29.

Теперь подъ гимназію въ Строгоновомъ домѣ 4 покоя отведены, которыхъ и довольно, ежели гимназія такъ какъ нынѣ и впредь останется, кромѣ что на танцованіе особливый покой надобенъ, ибо школьные покои къ тому не годятся, понеже оные столами и скамьями заставлены.

30.

Въ каждомъ латинскомъ классѣ учиться ученикамъ по два года, и ежели годы, которые они въ немецкихъ классахъ учились къ тому причислить, то будетъ всего семь летъ, въ семь летъ можно мальчика хорошо наставить, такъ что онъ способенъ будетъ ученіе свое въ Университетѣ далѣе продолжать, и ежели мальчикъ 10 или 11 лѣтъ въ школу придетъ, и оные семь лѣтъ прилежно учиться станетъ, то онъ не старъ еще будетъ къ продолженію ученія.

31.

Ректоръ гимназической съ професоромъ математики экзаменовать будетъ по три раза въ годъ, а именно въ генварѣ, маіѣ и сентябрѣ, и репортовать будетъ о успѣхахъ гимназическихъ учениковъ, а особливо о жалованныхъ Канцеляріи Академіи Наукъ, сверхъ того будетъ еще годовой экзаменъ въ присутствіи Президента Академіи, его членовъ и некоторыхъ професоровъ, которые къ тому выбраны будутъ; послѣ чего тѣхъ, которые предъ другими большее искуство покажутъ, для поощренія и для продолженія впредь ихъ прилежанія школьными книгами дарить. Маия 3 дня 1748 года.

Іоганъ Эбергардъ Фишеръ
Профессоръ исторіи и Гимназіи Ректоръ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Unmaßgebliche Gedanken von einigen Mängeln des St.-Peterburgischen Gymnasii, und wie denselben etwa abzuhelfen sey, in die Academische Conference überreichet von Carl Friedrich Moderach Adjunct und Inspector Gymnasii.

Nachdem mir zufolge des von Seiner Hochgräflichen Erlaucht dem Herrn Präsidenten der Academie der Wissenschaften verwichenen 7 März an die academische Conference ergangenen Befehls oblieget von denen Mängeln des Gymnasii, und wie denselben etwa abzuhelfen sey, meine Gedanken zu eröffnen: so habe solche in möglichster Kürtze abgefasset um sie denen Resp. Herrn Professoribus und Mitgliedern gedachter Conference zu fernerer Beprüfung vorzulegen.

Ein Gymnasium heisset sonst eine solche Schule, woinnen junge Leute in Humanioribus und andern nützlichen Wissenschaften unterrichtet, und also zu Anhörung academischer Lectionen fähig gemacht werden.

Da aber bey dem hiesigen Gymnasio außer denjenigen Schülern, welche auf Kosten der Academie unterhalten werden, gar wenige vorhanden sind, welche sich den studiis zu widmen willens wären, die übrigen aber deren Anzahl fast dreymahl so stark ist, als jener, alle mit einander das Gymnasium nur in der Absicht besuchen um in einer oder der andern Sprache und Wissenschaft, welche ihnen etwa bey ihrem künftigen Berufe nöthig oder nützlich seyn mögte, unterrichtet zu werden, so ist leicht zu ersehen, daß dieses Gymnasium nicht vollkommen auf solchen Fuß, wie an andern Orten eingerichtet werden könne, indem die Schüler desselben sich in zwey von einander gantz unterschiedene Classen theilen, deren jede in Betrachtung des verschiedenen Endzweckes bey ihrem Lernen eine besondere Einrichtung der Lectionen erfordert.

Da die academischen Schüler zum Studiren bestimmet, und mit nicht geringen Kosten der Krone unterhalten werden; so ist es meines Erachtens vornehmlich nöthig davor Sorge zu tragen, daß dieselben gründlich, in behöriger Ordnung und mit allem möglichen Fleiße unterrichtet werden. Hierzu wird nun unumgänglich erfordert:

1) Daß man geschickte Informatores beym Gymnasio bestelle, und um von ihrer Fähigkeit desto vollkommener versichert zu seyn, Niemanden mit

einem solchen Dienste versehe der nicht vorher in der academischen Conference genau examiniret und attestiret worden.

2) Halte ich es nicht vor nützlich, daß man Studenten die Information in den Classen übertrage, indem solche dadurch an ihrem Studieren gehindert werden, überdem auch da sie gemeiniglich vor solche Information jährlich nicht mehr als 25 Rubl. statt einer Belohnung erhalten, eben nicht sonderlichen Fleiß anwenden, und diese Interims-Information nur als ein Nebenwerk, nicht aber als eine wesentliche Pflicht ansehen. Wäre aber ein oder der andere Student zur Information geschickt, und hätte Lust dieselbe zu übernehmen, so könnte man denselben mit Beylegung eines hinlänglichen Gehalts zum würklichen Praeceptor bestellen, in welchem Falle er keine Ursache haben würde, seinen Unfleiß unter mancherley Vorwand zu beschönigen.

3) Die vornehmste Ursache aber, warum die academischen Schüler bishero so wenig gelernet, scheint wohl diese zu seyn, daß sie bey ihren Eltern oder Verwandten ohne alle Aufsicht und Zucht in den verschiedenen Theilen dieser weitläuftigen Stadt von einander zerstreuet wohnen. Da dieselben nun fast alle von dem Abschaum des Pöbels genommen worden, so kann sich ein jeder leicht vorstellen, was sie vor eine Erziehung haben, zu was vor einer schönen Lebensart sie sich von Jugend auf gewöhnen und wozu die Gage, welche sie bey der Academie bekommen, von ihren Eltern meistentheils angewandt werde. Es wäre demnach meiner Meinung nach höchst nöthig 1) daß man die Anzahl der academischen Schüler, welche studiren sollen, ein vor allemahl festsetze; 2) daß man so viel möglich darauf sehe, damit dieselbe nicht ohne allen Unterscheid und von dem untersten Pöbel genommen würden; 3) Vornehmlich aber, daß sie alle beysamen in einem Hause unter strenger und genauer Aufsicht wohnten, damit man auf ihre Handlungen und Studien genau acht geben könnte; 4) Müste man ihnen die Gage, die sie von der Academie erhalten, durchaus nicht in ihre Hände geben; sondern selbige zu ihrer Beköstigung und Kleidung anwenden, so wie solches in dem Land- und Seecadeten-Corps geschiehet. Es stehet zu hoffen, daß wenn sie solcher Gestalt eine gewisse Anzahl Jahre unter genauer und guter Aufsicht gehalten und zu einer ordentlichen Lebensart und fleißiger Beobachtung ihrer Pflichten gewöhnet worden, man dereinst gute Studenten an ihnen haben könne; dahingegen bey den jetzigen jungen Studenten die verderblichen Wirkungen ihrer vorigen Erziehung und Lebensart sich leider sehr öfters und unter vielerley Gestalten äußern, und sind sie eben dadurch, daß man sie zu frühe zu Studenten gemacht und der Schulruthe entzogen, noch mehr verdorben worden. Ich halte demnach davor, daß 30 oder auch nur 20 auf obbemeldete Art mit Sorgfalt bey-

samen erzogene Gymnasiasten der Academie dereinsten mehr Vortheil und Ehre bringen können, als 50, oder 60 solcher, die anjetzo sich selbst gelassen und nach ihrem Belieben in der Stadt herumschwermen und in deren Gemüthern bey ihren gegenwärtigen jungen Jahren allerley Unarten und Gottlosigkeiten so tiefe Wurzel schlagen, daß es hernach sehr schwer oder besser zu sagen, unmöglich fällt dieselben auszurotten.

Nunmehro will ich einiger Mängel erwehnen, welche das Gymnasium überhaupt betreffen, und dem Aufnehmen desselben gar sehr im Wege stehen.

1) Ich rechne zu einem von den Haupt-Mängeln des hiesigen Gymnasii, daß die adelige Jugend mit denen Kindern gantz gemeiner Leute zusammen in einerley Classen sitzet und unterrichtet wird. So lange dieser Stein des Anstoßes nicht aus dem Wege geräumet wird, darf man sich fast keine Rechnung machen, daß unser Gymnasium jemals in blühenden Zustand kommen werde. Denn vornehme Herrn, wie auch alle andere ehrliche Leute, denen die Wolfart ihrer Kinder am Hertzen liegt, scheuen sich dieselben dahin zu schicken. Es ist ihnen solches auch auf keine Art zu verdenken, denn es kann sich Niemand, als der es mit seinen Augen gesehen, vollkommen vorstellen, was vor Ruchlosigkeit, Frevel und Unfug diese gemeinen Jungen begehen, und wie bald können junge Kinder nicht durch solche üble Beispiele verführet und in Grund verdorben werden. Gleich wie es aber der Academie zu nicht geringer Ehre gereichen würde, wenn die adelige Jugend das Gymnasium mit Nutzen und zum Vergnügen ihrer Eltern besuchen könnte, so wäre auch eine solche Absonderung der Schüler gar leicht, und ohne weitere Kosten zu bewerkstelligen, wenn dieser mein unmaßgeblicher Vorschlag nur erst genehmiget worden.

2) Es ist ein großer Fehler bey unserm Gymnasio, daß verschiedene von denen Informatoribus sehr oft aus den Classen bleiben, oder auch nicht zu rechter Zeit hineinkommen. Nun muß ich zwar zu ihrer Entschuldigung anführen, daß da es ihnen unmöglich ist, Quartire in der Nähe des Gymnasii zu finden, und sie auf den verschiedenen Inseln dieser Stadt ihre Wohnungen haben, selbige zuweilen durch das schlechte Wetter, Eisgang und dergleichen gehindert werden in die Classen zu kommen. Inzwischen ist doch aber auch nicht zu läugnen, daß manche von ihnen sehr oft, ohne oberwehnte, oder auch andere gültige Ursachen vorschützen zu können, entweder sehr spät oder gar nicht in die Classen kommen, während der Informations-Zeit aus den Classen herauslaufen und die Schüler müßig sitzen lassen, oder auch zu früh und ehe die Lehrstunde verflossen, gar nach Hause gehen, welches nicht allein dem Nutzen der Lernenden, sondern auch der Ehre des Gymnasii höchst nachtheilig, — indem die Eltern bittere

Klagen darüber führen, wenn ihre Kinder öfters und insonderheit zur Herbst- und Frühjahreszeit bis an die Knie im Kothe zu waten gezwungen sind, ehe sie das Gymnasium erreichen können, und hernach wegen Abwesenheit der Praeceptorum unverrichteter Sache wieder nach Hause kehren müßen. Es wäre also höchst nöthig daß man darauf Bedacht wäre solche Mitteln vorzukehren, wodurch dergleichen muthwilligen Außenbleiben unfleißiger Praeceptorum ins künftige gäntzlich vorgebeuget werden könnte, indem durch selbiges die grösten Unordnungen im Lernen entstehen und dem Gymnasio eine sehr üble Nachrede zuwächst.

3) Wäre es höchst nöthig ein neues Reglement vor das Gymnasium, welches sich vor die Beschaffenheit der hiesigen Umstände am besten schickte, zu verfertigen, und darinnen die Pflichten des Inspectoris, der Praeceptorum und Schüler, die Einrichtung der Classen, die Wahl der Schulbücher, die Informations-Stunden, Strafen und dergleichen genau zu bestimmen, damit ein jeder recht wissen könne, wornach er sich bey seinem Amte zu richten habe.

4) Man könnte auch bey Verfassung eines solchen Reglements außer denen von mir jetzt angeführten Punkten und Vorschlägen, denn ich habe— um alle Weitläufigkeit zu vermeiden—mit Vorsatz nur einige der wichtigsten aufgezeichnet, sonst noch alles dasjenige was etwa dem Aufnehmen des hiesigen Gymnasii beförderlich oder hinderlich seyn kann, einführen und verbesseren, oder auch verändern und abschaffen, damit die Jugend hinführo mit beßerm Erfolg unterrichtet werde.

Carl Friedrich Moderach
Adj. und Insp. Gymnasii.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

Instruction für diejenige Frauens-Person welcher die Aufsicht über die 30 Academischen Kinder anvertrauet wird.

1. Muß diese Frauens-Person darauf sehen, daß die Kinder täglich die Pflichten ihrer Religion genau beobachten. Sie selbst muß denen selben mit gutem Exempel vorgehen, sich eines tugendhaften und eingezogenen Lebens befleißigen, des unnöthigen Ausgehens sich enthalten, auch in dem ihr angewiesem Quartier keine verdächtige Visiten annehmen, am allerwenigsten aber nächtliche Compagnien halten.

2. Muß dieselbe die übelgesitteten zu bessern suchen, und den zu Lastern geneigten Gemüthern einen Abscheu für dieselben Laster und eine Zuneigung zu den gegenseitigen Tugenden einzuflößen beflissen seyn. Zu diesem Endzweck muß obbenannte Person den Kindern vernünftig zureden und sie mit Freundlichkeit und durch Ehrgeiz zu gewinnen suchen. Wann aber diese gelinden Mittel nicht fruchten wollen, so soll es ihr freistehen diese widerspenstigen nach Verdienst zu bestrafen. Doch soll sie sich hüten dieselben nicht in Eifer zu ohrfeigen, noch viel weniger mit der Faust oder einem Stocke zu schlagen: sondern sie soll sich bey dergleichen vorkommenden Fällen nur der Ruthen bedienen. Auch muß sich dieselbe bey der Correction der Kinder aller häßlichen und pöbelhaften Schimpfwörter enthalten.

3. Soll dieselbe Frauens-Person auf die Aufführung der Kinder genau Achtung geben, und alle Monathe der Commission von dieser Aufführung gewissenhaften und unpartheyschen Rapport abstatten.

4. Muß sie die Kinder in allen Stücken zur Ordnung anhalten.

5. Muß sie auch für die Reinigung der Kinder sorgen; sie muß dieselben alle Wochen zum wenigsten einmahl und wo möglich zweymahl kämmen lassen; sie muß Achtung geben, daß sich die Kinder alle Morgen gebührend waschen, ordentlich ankleiden, alle Woche zweymahl weiße Wäsche anziehen, und sich bey dem Schlaffengehn gehörig wieder ausziehen. Sie muß auch bey allen Lectionen gegenwärtig seyn, und mit den Kindern an einer Tafel speisen.

6. Sie muß sorgen, daß die Betten rein gehalten und von Zeit zur Zeit weiß überzogen werden. Sie muß drey Mägde zur Bedienung und Ausbesserung der Kleidungsstücke in ihre Dienste nehmen.

7. Sie muß auch sorgen daß die Strümpfe, Hemden und überhaupt alle Kleidungen, wenn dieselben zerrissen oder sonsten Schaden gelitten haben, sogleich wieder ausgebessert werden. Dabey aber muß sie sorgfältig Acht haben, daß die Kinder nichts muthwillig zerreissen oder verderben. Ueberhaupt muß sie die Kindern angewöhnen mit den Kleidern wohl umzugehen und dieselben hübsch rein zu halten. Da auch der Oeconomus, zufolge des mit ihm geschloßenen Contracts verbunden ist die Wäsche dieser dreyßig Kinder zu waschen, so wird diese auch sehen jedesmahl die unsaubere Wäsche dem Oeconomo zu hohlen, und solche gehohlt wieder von ihm übernehmen, und zusehen, daß der Oeconomus im Waschen der Wäsche nicht muthwillig verderbe. Sind aber einige Kleidungsstücke gänzlich unbrauchbar geworden, so kann sie es der Commission anzeigen, damit dieselbe ihr oder jemanden anders auftragen könne neue Kleidungsstücke an der abgenutzten Stelle machen zu lassen. Es müßen keine Ausgaben ohne Vorwissen der Commission gemacht werden.

8. Wird diese Person ein Verzeichniß von allen vorhandenen Kleidungs- und anderen Stücken bekommen, bey welchem sie jedesmahl zuschreiben muß, wenn etwas abgegangen oder hinzugekommen ist.

9. Muß dieselbe die Kinder alle Morgen zur rechten Zeit aufwecken, den Tag über zum Fleiß und zur Arbeit anhalten, und endlich darauf sehen, daß sie des Abends zur gesetzten Stunde wieder zu Bette gehen.

10. Muß sie davor sorgen, daß der Oeconomus denen Kindern ihr gehöriges an Frühstück, Mittag und Abendbrodt gebe, und wenn sie bemerkt, daß den Kindern das gebührende entzogen, oder ungesunde und schlecht zugerichtete Speisen gegeben werden, muß sie solches, ohne sich deswegen mit dem Oeconomo zu zanken, der Commission anzeigen.

11. Hierfür bekommt gemeldte Frauens-Person für sich selbsten sowohl als für ihre drei Mägde freye Feurung und frey Essen. Nebst diesen aber ein ansehnliches Gehalt, damit sie gut auskommen kann.

ИНСТРУКЦІЯ

для женской особы, которой смотрѣніе надъ тридцати малолѣтными дѣтьми поручено будетъ.

1. Сей женщинѣ наблюдать чтобы дѣти ежедневно исполняли точно по должности своей вѣры, она должна быть хорошимъ для нихъ примѣромъ, стараться о добродѣтельномъ и скромномъ житіи, безъ нужды изъ дому не отлучаться, также подозрительныхъ гостей въ отведенную ей квартиру не принимать, а особливо ночныхъ бѣседъ не имѣть.

2. Стараться ей о исправленіи злонравныхъ и склонность имѣющихъ къ порокамъ отвращать и вперять имъ твердой помыселъ къ добродѣтелямъ, для сего долженствуетъ помянутая особа внушать дѣтямъ разумно и стараться чтобы пріобрѣсть оное дружелюбіемъ и любочестіемъ, есть ли же сіи кроткіе способы не возымѣютъ желаемаго дѣйствія, то ей дозволяется наказывать ослушниковъ смотря по винѣ, однако должно ей имѣть осторожность въ томъ, чтобы въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкою, но въ такихъ случаяхъ наказывать только лозою; также при исправленіи дѣтскихъ нравовъ удерживаться ей всякихъ поносныхъ и подлыхъ бранныхъ словъ.

3. Имѣть ей прилежное смотрѣніе за поступками дѣтей, и ежемѣсячно подавать въ Коммиссію безпристрастные и обстоятельные репорты о ихъ поведеніи.

4. Пріучать дѣтей къ наблюденію добраго порядка.

5. Стараться ей о чистотѣ при дѣтяхъ, чесать имъ головы дважды а по крайней мѣрѣ одинъ разъ во всякую недѣлю, наблюдать ей рачительно чтобы дѣти во всякое утро по надлежащему умывалися, одѣвалися порядочно и дважды въ недѣлю бѣлье перемѣняли и по надлежащему раздѣвались бы, когда имъ спать ложиться, во время ученія быть при нихъ и кушать съ дѣтьми за однимъ столомъ.

6. Имѣть ей смотреніе, чтобы постели были чисты и какъ зачерненные простыни и наволоки переменять, также имѣть ей трехъ служительницъ для исправленія всякихъ починокъ и платяныхъ работъ.

7. Прилагать ей стараніе, чтобы разодравшіеся рубашки, чулки и всякое одѣяніе тотчасъ было починено, но при томъ наблюдать ей рачительно, чтобы дѣти резвяся платья не драли, вообще должна она детей пріучать, чтобы платье они берегли и содержали въ чистотѣ. Экономъ долженъ, по силѣ заключеннаго съ нимъ контракта, мыть бѣлье на сихъ тридцать человѣкъ малолѣтнихъ, то сія надзирательница долженствуетъ зачерненное бѣлье какъ отдать эконому, такъ и отъ него принимать щетомъ, и ей смотреть, чтобы находящееся въ мытьѣ бѣлье у эконома не было попорчено отъ нерачивости, но есть ли какая одѣжда совсѣмъ износилась, то должна она репортовать о томъ Коммисіи, дабы можно было поручить ей или кому другому здѣлать новое вмѣсто изношеннаго платья, безъ вѣдома Коммисіи ни на какіе расходы денегъ не тратить.

8. Сей женщинѣ дается роспись всемъ находящимся платенымъ и другимъ вѣщамъ, на которой ей должно всегда приписывать что выбыло и что прибыло.

9. Будить ей детей по всякое утро въ настоящее время, и во весь день понуждать ихъ къ прилѣжанію и къ трудамъ, и напослѣдокъ надзирать, чтобы они въ вечеру въ опредѣленной часъ спать ложилися.

10. Смотрѣть ей, чтобъ экономъ давалъ дѣтямъ по надлежащему на завтракъ, обѣдъ и ужинъ, и есть ли она примѣтитъ что дѣтямъ дается менше положенной доли, нездоровое или худо состряпанное кушанье, то репортовать ей о томъ въ Коммиссію, не заводя ссоры съ экономомъ.

11. За такой принятой на себя трудъ дается помянутой женщинѣ съ тремя ея служительницами казенная квартира, дрова и кушанье, и опредѣлено будетъ пристойное жалованье, сверхъ же того, еще выдаваться будетъ некоторая сумма, дабы она свѣчи себѣ покупать и вышепомянутыхъ служительницъ содержать могла.

ИНСТРУКЦІЯ *)

для женской особы, которой поручается смотрѣніе надъ малолѣтними дѣтьми.

1. Наблюдать ей, чтобъ дѣти ежедневно исполняли то, что по должности своей вѣры наблюдать должны; послужить имъ во всемъ хорошимъ примѣромъ, стараться о добродѣтельномъ и скромномъ житіи; безъ крайней нужды отъ нихъ не отлучаться, и подозрительныхъ людей къ дѣтямъ не пускать.

2. Стараться ей о исправленіи злонравныхъ и склонность имѣющихъ къ порокамъ; отвращать и вперять имъ твердой помыслъ къ добродѣтелямъ; для сего должна она внушать дѣтямъ оныя разумно, и стараться преклонить ихъ на оныя дружелюбіемъ и любочестіемъ. Есть ли же сіи кроткіе способы не возъимѣютъ желаемаго дѣйствія, то дозволяется ей наказывать ослушниковъ, смотря по винѣ; однако должно ей имѣть осторожность въ томъ, чтобы въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкою; но въ такихъ случаяхъ наказывать только лозою; также при исправленіи дѣтскихъ нравовъ удерживаться ей отъ всякихъ поносныхъ и бранныхъ словъ.

3. Имѣть ей прилѣжное смотрѣніе за поступками дѣтей, и ежемѣсячно подавать въ Коммиссію безпристрастные, обстоятельные репорты о ихъ повѣденіи.

4. Пріучать дѣтей къ наблюденію добраго порядка.

5. Стараться ей о чистотѣ дѣтей, и заставлять чесать имъ головы дважды, а по крайней мѣрѣ одинъ разъ во всякую недѣлю; наблюдать рачительно, чтобъ дѣти по всякое утро по надлежащему умывались, одѣвались порядочно и дважды въ недѣлю бѣлье перемѣняли, и по надлежащему раздѣвались бы, когда имъ спать ложиться. Во время ученія, такъ же и во время стола быть при нихъ

6. Имѣть ей смотрѣніе, чтобы постѣли были чисты, наволочки и простыни перемѣнялись бы въ надлежащее время.

7. Прилагать ей стараніе, чтобы разодравшіеся рубашки, чулки и всякое одѣяніе тотчасъ было починено; но при томъ наблюдать

*) Эта инструкція нѣсколько дополнена противъ предъидущей.

рачительно, чтобъ дѣти рѣзвясь платья не драли. Вообще, должна она дѣтей приучать, чтобъ платье бѣрегли и содержали въ чистотѣ.

8. Для исправленія сихъ работъ и платяныхъ всякихъ починокъ опредѣлены двѣ служанки, коимъ она и жалованье помѣсячно по договору платить должна изъ выдаваемой ей на мѣлочные расходы суммы.

9. Съ домостроителемъ заключить договоръ, чтобы мылъ платье на оныхъ дѣтей, съ платежемъ ей ему за то въ годъ по четыре рубли по восьмидесяти копеекъ съ каждаго мальчика; и для этого она г. надзирательница, имѣя въ своемъ смотрѣніи бѣлье ихъ, должна отдавать ему, домостроителю, оное, и принимать отъ него счетомъ, и смотрѣть, чтобъ находящееся въ мытье бѣлье у домостроителя не было попорчено отъ нераченія; но есть ли что изъ онаго совсемъ износится, то должна надзирательница репортовать о томъ въ Коммиссію, дабы можно было поручить ей или кому другому сдѣлать новое, а деньги домостроителю за мытье платить отъ комисара; выдаваемымъ же ей, г. надзирательницѣ на мелочные расходы для порученныхъ въ ея смотрѣніе дѣтей деньгамъ, на что именно оныя издержаны будутъ—вести вѣрную записку, на что ей отъ Коммиссіи дается шнуровая книга.

10. Надзирательницѣ сей дается роспись всѣмъ находящимся платянымъ и другимъ вещамъ, на которой должно ей всегда приписывать, что выбудетъ и что прибудетъ.

11. Будить ей дѣтей по всякое утро въ настоящее время, и во весь день понуждать ихъ къ прилѣжанію и трудамъ, и напослѣдокъ надзирать, чтобы они въ вечеру въ опредѣленный часъ спать ложились, и не прежде отъ нихъ отлучаться, какъ когда дѣти спать лягутъ.

12. Смотрѣть ей, чтобы домостроитель давалъ дѣтямъ по надлежащему на завтракъ, обѣдъ и ужинъ, и есть ли она примѣтитъ, что дѣтямъ дается меньше положенной доли, нездорово и худо состряпанное кушанье, то репортовать о томъ въ Коммиссію, не заводя ссоры съ домостроителемъ.

13. Наблюдать также, чтобы учители въ положенные часы приходили и должность свою прилѣжно исправляли, и въ случаѣ надобности о томъ имъ напоминать; ежели напоминанія ея не будутъ имѣть успѣха, то увѣдомлять о томъ Коммиссію; а въ какіе дни и часы учители наставленія преподавать нынѣ должны, тому сообщается табель при семъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4.

P. M.

über das Gymnasium der Akademie der Wissenschaften.

Da bei dem Gymnasio der Akademie der Wissenschaften, vermöge des von Sr. Erlaucht dem Präsidenten 1760 verordneten Staates, sechszig Schüler auf Kosten der Krone erzogen werden sollen, um aus selbigen die Universität mit geschickten Studenten zu versehen, so sind im abgewichenen 1765=ten Jahre unter den damaligen Krons=Schülern die untauglichen und übelgesitteten ausgesucht und weggeschafft, und dagegen einige neue angenommen worden, welche mit den zurückgebliebenen zusammen 30 ausmachen. Zu den übrigen 30 sind nach Vorschrift des auf allerhöchsten Befehl publicirten allgemeinen Erziehungs=Planes junge Knaben ausgesucht, welche von jenen ältern Schülern ganz abgesondert, erzogen und unterrichtet werden, mit der Zeit sämmtlich in derselben Stelle treten, und endlich in die Universität versetzt werden.

Die öffentlichen Lehr=stunden des Gymnasii werden nicht allein von jenen 30 ältern Krons=Schülern, sondern auch von den sogenannten Frei=Schülern besucht, die nämlich nach der allerersten Einrichtung des Gymnasii nichts weiter als freien Unterricht geniessen, und deren Anzahl sich itzo auf acht und fünfzig beläuft. Da diese acht und achtzig Knaben sich an Alter und Geschicklichkeit so sehr ungleich sind, so müßen sie auch, vornemlich wegen Verschiedenheit ihrer zukünftigen Lebensart und Bestimmung, einen verschiedenen Unterricht bekommen. Es werden in diesen öffentlichen Stunden die russische, lateinische, deutsche und französische Sprache, das Christenthum, die Arithmetik und Geometrie, Historie, Geographie, das Zeichnen und Tanzen gelehrt. Die Anzahl der Lehrer beläuft sich itzo mit Inbegriff des Geistlichen, des Zeichenmeisters und des Tanzmeisters auf fünfzehn. Das höchste Gehalt ist 400 Rub. Die meisten haben eine so geringe Gage, daß sie genöthiget sind sich noch auf andere Art etwas zu verdienen. Nur drei von ihnen, weil sie die Aufsicht über die Krons=Schüler haben, wohnen in dem Gymnasio, die übrigen fast alle sehr weit davon. Aus allem diesen ergiebt sich, daß an dieser öffentlichen Schule folgendes desiderirt wird, welches bisher wegen des unzureichenden Fonds oder anderer Ursachen nicht hat veranstaltet werden können:

1) Weil Knaben von so sehr verschiedenem Alter in so vielerlei Sachen unterrichtet werden, so ist die gegenwärtige Anzahl der Lehrer zu klein denn in jeder Sprache müßen 3 bis 5 Classen, und in jeder Wissenschaft 2 bis 3 sein; und in jeder Stunde müssen so viele Classen gehalten werden, daß fast ein jeder Schüler eine unter selbigen findet, die er mit Nutzen besuchen kann.

2) Die Lehrer sollten nahe bei dem Gymnasio wohnen, damit einer ohne die höchste Beschwerlichkeit sowohl Vormittags als Nachmittags Lectionen geben, und bei Krankheiten und andern Hindernissen einer dem andern zu Hülfe kommen könne.

3) Ein jeder Lehrer sollte einen Gehalt haben, von dem er, wo nicht anständig, doch nothdürftig leben könne, damit man ihnen ohne Unbilligkeit mehrere Informations-Stunden auflegen könne; welches doch nicht von denen zu verstehen ist, welchen man nur eine geringe Anzahl von Stunden anweisen kann, als der Tanzmeister u. a. m. Ein Theil der Verbesserung des Gehalts könnte darin bestehen, daß man den Lehrern freie Wohnung in der Nähe des Gymnasii gäbe.

4) Sollte der Zufluß der Freischüler, deren im Anfange dieses Jahres etliche zwanzig waren, itzo aber acht und fünfzig sind, fortdauern, so werden die Zimmer, worin sie itzo unterrichtet werden, bald zu klein sein. Es muß schon itzo eine Classe in dem Speisesaal gehalten werden. Weswegen denn in dieser Absicht ebenfalls eine Änderung gemacht werden müßte.

d. 31 August 1766. — Ludwig Backmeister, Inspector des Gymnasii.

ПРИЛОЖЕНІЕ 5.

23 февраля. Бывшаго при гимназіи инспекторомъ Бакмейстера принять въ гимназію надзирателемъ надъ учителями и гимназистами, а въ чемъ точно должность его состоять будетъ, о томъ видно въ приложенномъ при семъ сочиненіи.

Die Bedingungen, unter welchen ich erbötig bin der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften meine Dienste zu widmen, sind folgende:

1) Ich übernehme die Inspection des von der Akademie abhängigen Gymnasii (worunter jedoch die 30 kleineren Schüler nicht mit begriffen sind), so daß die Einrichtung desselben, in so weit sie nicht durch die Befehle der Akademie bestimmt wird, bloß von meinen Anordnungen abhängt, welche sowohl Lehrer und Schüler, als Bediente, zu befolgen haben; wogegen ich selbst keinem andern (значитъ Фишеру) als den unmittelbaren Befehlen der Akademie unterworfen bin.

2) Ich gebe im Gymnasio wöchentlich 6 Stunden Unterricht.

Подписано: Ludwig Backmeister. 25 Feb. 1768.—Все вышеписанное собственноручно написано Бакмейстеромъ.